

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ИЮЛЬ—АВГУСТ

7-8

П

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «поток» мелкобуржуазных шатаний (окончание)	3
П. Прагер. Легальный марксизм	53
Р. Хабас. РСДРП и «земская кампания» 1904 года	84

ТРИБУНА

С. Агурский. Национал-демократические тенденции на историческом фронте в Белоруссии	103
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

М. Покровский. О возникновении Истпарта	138
В. Каюров. 1905 год в Сормове	140
Б. Данский. «Правда» и рабочая страховая кампания 1911—1914 гг.	171

МАТЕРИАЛЫ

Из переписки русского бюро ЦК с заграницей в годы войны (1915—1916 гг.) с предисловием А. И. Елизаровой	177
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: Д. Баевский. О роли войны и революций в эпоху империализма (по поводу книги Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне»).	196
Рецензии: С. Белицкий. М. Фрунзе. Собрание сочинений под общей редакцией А. Бубнова. Тома I, II и III.—Н. В.—ский. Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП под редакцией и с предисловием Н. Ангарского.—М. Острогорский. В. Ф. Г. За Невской заставой	205
Новые книги	215

ХРОНИКА

Работа местных истпартов и отделений единого партархива: В. Рахметов. Работа Института им. Степана Шаумяна.—Аверкин. О работе Крымского истпарта.—Е. Попова. Партархив Нижневолжского края.—Е. П. Партархив Ц. Ч. О	217
---	-----

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ИЮЛЬ - АВГУСТ

7-8 (102-103)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“.
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 3 250 экз.
Главлит № А — 74075
Гиз П—10 № 42434
Зак. № 1313
14 п. л.
☆

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДВУХ ПОТОКОВ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ШАТАНИЙ

(Окончание)¹

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ «ЛЕВОГО» ОППОРТУНИЗМА

Последовательным и стойким революционным марксистом-ленинцем может быть только человек, стоящий в области теории на базе революционной материалистической диалектики. «Левые» же уклонисты, подобно правым, отступают от этой диалектики. В отношении реформистов это легко показать по трудам их главных теоретиков-идеологов. В отношении мелкобуржуазно-революционистских течений показать это трудней, поскольку «лево»-оппортунистический оппортунизм—чрезвычайно пестрый, разнообразный. Тем не менее можно установить ряд моментов, характеризующих методологические отступления «левого» оппортунизма от диалектического метода.

В Германии до сих пор считает себя существующей «Коммунистическая рабочая партия Германии» (KAPD). Так себя продолжает называть маленькая кучка людей, лишенная какого-либо политического влияния на рабочее движение, но представляющая теоретический интерес постольку, поскольку она сохранила полностью, значительно развила и «углубила» до «чистой» контрреволюционности свои «левые» ошибки. Теоретический орган этой группы «Пролетарьер» пишет:

«Отождествление материалистического понимания истории с общепринятым философским материализмом, как это имеет место у русских, нам представляется отнюдь необязательным. Долг революционного мыслителя—проявить к буржуазному мировоззрению XIX столетия (ведь именно таковым является философский материализм!) необходимую долю критического отношения. Я повторяю: даже самый последовательный марксист не обязан а priori быть философским материалистом; он таковым не обязан быть также а posteriori. Марксизм—это не мировоззренческая казарма. В области теоретико-познавательной марксизм предоставляет революционному мыслителю свободу действий,—правда, при одном непременном условии: чтобы материалистическое понимание истории и диалектический метод мышления остались неприкосновенными»². Эта бели-

¹ См. «Прол. рев.» №№ 2—3, 5 и 6.

² «Proletarier» № 3 за 1927 г., стр. 59.

берда почти буквально воспроизводит соответствующие высказывания Каутского и Бернштейна, приводившиеся нами во второй статье. Наш «левый» автор: а) отрывает подобно Каутскому исторический материализм от философского диалектического материализма, хотя первый представляет собой применение второго к изучению общественного развития; б) не умеет отличать философский материализм до Маркса—Энгельса, представлявший апогей достижений *буржуазной* теории познания, от диалектического философского материализма Маркса—Энгельса, являющегося *теорией пролетариата*; в) автор считает, подобно Каутскому, что марксизм можно сочетать с любой системой философских взглядов и при этом еще хочет сохранить в неприкосновенности диалектический метод мышления!! Само собой разумеется, что этот автор считает необходимым предостеречь каждого марксиста против того, чтобы «диалектику, которую мы наблюдаем в развитии исторического процесса, сделать всеобщим мировым законом»¹. Немудрено, что некоторые произведения Макса Адлера печатаются в каапедистских изданиях как редакционные—для просвещения рабочих².

Можно привести еще другой пример из истории нашей партии: известно, что у отзовистов «лево»-оппортунистическая политическая платформа уживалась (и «взаимооплодотворялась») с идеалистической концепцией философских взглядов. Несомненным является, что углубление и развитие «лево»-оппортунистических взглядов, превращение последних в целую систему неизбежно *влечет за собой скат на позиции идеализма*.

Чрезвычайно характерным для «лево»-оппортунистических течений является *формально-логический подход к оценке сложнейших общественных явлений*: полное неумение разобраться в сущности происходящих сложнейших диалектических процессов, неспособность понять сложнейший переплет классовых отношений.

Отзовисты, например, проявили полную неспособность конкретного анализа объективных условий борьбы пролетариата после поражения революции 1905 г. Отзовизм «проглядел» весь период накопления подготовки и организации сил пролетариата; отзовизм на период после поражения революции переносит лозунги, которые были правильны только в период революционных боев 1905 г. Отзовизм—«тактика хранения (в консервах) революционных слов 1905—1906 гг. вместо применения революционного метода к новой, иной обстановке, к измененной эпохе, требующей иных приемов и иных форм организации, это—тактика мертвая»³.

«Левые» коммунисты 1918 года также проявляют полную неспособность ориентировки в объективной обстановке борьбы партии, они оказываются не в состоянии дать анализ классовых соотношений. О тезисах «левых» коммунистов т. Сорин говорит: «Авторы тезисов оперируют не живыми классами, действующими в какой-то исторической обстановке,

¹ «Proletarier» № 3 за 1927 г., стр. 59.

² См., напр., «Der Kampf», орган «Всеобщего рабочего союза», № 26 за 1923 г. и др.

³ И. Лен. сб. стр. 419.

обладающими в данный момент какими-то качествами и свойствами, способными или неспособными к каким-то действиям. Как раз наоборот. Конкретный анализ действительности, изучение его своеобразия и особенностей, выведение определенной тактики из реального соотношения классов заменены оперированием над абстрактными категориями, понятиями, терминами, примерно так, как математик действует над алгебраическими знаками»¹.

Очень ярко подмену марксистского анализа действительности формально-логическими понятиями и терминами можно наблюдать в позиции Троцкого в профсоюзной дискуссии или троцкистской оппозиции 1923 г. Ленин в разрешении проблем профсоюзной дискуссии исходил из диалектического анализа соотношения классовых сил, во главу угла он ставит вопрос о пересмотре отношений рабочего класса и крестьянства. У Троцкого же речь идет о навыках и методах работы профсоюзов, об организационных формах, разных болезнях и недостатках профсоюзного аппарата и его «руководящего персонала». Он видит «особый», тягчайший, оторванный от переплета классовых сил кризис профсоюзов. Нет и намека на попытку проанализировать соотношение классов, нет никакого умения прощупать классовые сдвиги. И в дискуссии 1923 года троцкизм не видит классов, а видит только некий абстрагированный от соотношения классовых сил план, он видит учреждения, проводящие планы, но не видит рабочего класса, не видит крестьянства. ЦК, как того требует марксизм-ленинизм, объяснение кризиса ищет в экономике и в отношениях классов; троцкисты же главные причины кризиса видят в недостаточной плановости, в «хаотичности» нашего промышленного строительства. Троцкизм не видит тех элементов, из которых составляется реальный план, и оперирует с одним только логическим понятием «плана», оторванным от действительности, от экономики, от классов.

Прямо карикатурные формы эта неспособность марксистского анализа действительности приобретает у каапедистов. Они «на все времена» дают одну и ту же характеристику состояния мирового капиталистического хозяйства: «Todeskrise», смертельный кризис. Причем из года в год содержание этого кризиса разными группками каапедистов изображается точно в одних и тех выражениях, а анализ Коминтерна о частичной стабилизации они «опровергают» указанием, что крики Коминтерна о стабилизации — «предательство»².

Отметим еще один важный момент во взглядах «левых»: неумение понять противоречивость развития. Мы видели, что реформизм просто отрицает противоречие, как основной двигатель развития; правый оппортунизм стремится смягчить и смазать классовые противоречия. «Левый» оппортунизм по существу не менее основательно ревидирует марксово понимание противоречивости развития. *Если реформизм вовсе «отрицает»*

¹ В. Сорин, «Партия и оппозиция», вып. I, стр. 42.

² «Proletarier» № 1 за 1927 г., стр. 2.

противоречие, то «левый» оппортунизм противоречие понимает не диалектически, а механистически, крайне упрощенно.

Для примера берем упомянутый анализ каапедистами противоречий капиталистического строя. Революционный марксист-диалектик при анализе этого строя видит целый узел между собой переплетающихся, друг друга обуславливающих противоречий: противоречия, порождаемые капиталистическим способом производства и ведущие к гибели капитализма; противоречия между рабочим классом и буржуазией—центральное противоречие классов; противоречия между интересами масс крестьянства и буржуазией и т. д. и т. д. Марксист анализирует эти противоречия на каждом новом этапе в связи с данным состоянием капитализма, с данной расстановкой классовых сил. У каапедистов же весь этот узел противоречий до чрезвычайности упрощается: есть лагерь пролетариата и второй единый реакционный лагерь, включающий и буржуазию и мелкую буржуазию. «Анализ» противоречий капитализма сводится к общему утверждению о его «смертельном кризисе», без всякой попытки анализа конкретного состояния капиталистического хозяйства на каждом данном этапе. Диалектическое противоречие заменяется механическим противопоставлением и смазываются действительные противоречия (напр. тезис о едином реакционном лагере буржуазии и мелкой буржуазии не только неправильно освещает роль мелкой буржуазии, но, сваливая ее в одну кучу с буржуазией, по существу смазывает остроту противоречий между рабочим классом и буржуазией).

Яркий пример непонимания действительных противоречий развития дает Троцкий в профсоюзной дискуссии. Тогда, как известно, «осью» кризиса в стране являлось нарушение взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Троцкий же «самое большое противоречие внутри рабочего государства» видит в «несоответствии между профсоюзом, как он есть, и союзом, как он должен быть». Троцкий видит противоречия только на поверхности общественных явлений, а не в сущности вопроса, экономике и классах.

После этих предварительных замечаний перейдем к характеристике некоторых основных черт «лево»-оппортунистических шатаний.

а) Политический авантюризм «левого» оппортунизма.

Если для правого оппортунизма характерны *капитулянтские лозунги*, лозунги отступления, сдачи позиций классовому врагу, то «левый» оппортунизм отличается *авантюристскими лозунгами, которые прикрывают то же капитулянтство*. Мы увидим ниже, что лево-оппортунистический авантюризм имеет также капитулянтскую основу, что он ведет к той же капитуляции перед классовым врагом. Но из-за этой общности основы и выводов никоим образом нельзя не замечать указанное *главное различие* между «левым» и правым оппортунизмом. В одном случае налицо отставание от темпа развития, в другом случае—забегание вперед, перепрыгивание через неизжитые этапы.

Мелкобуржуазный революционаризм проявляет полную неспособность учета объективных условий: состояния экономики, расстановки классовых сил, полное непонимание изменений, происшедших в условиях борьбы, неумение соответственно новой обстановке перестроить тактику борьбы, ее лозунги и методы. «Левый» оппортунизм всегда выдвигает несуразно-«левые» лозунги, не оправдываемые реально существующими факторами борьбы. Он пытается перескочить через определяемые объективными данными темпы и этапы развития, игнорируя факты действительности. Все это характерно для всех без исключения «левых» группировок.

Несуразно-«левая» теория «перманентной революции» Троцкого перепрыгивала через этап буржуазно-демократической революции. В наше время Троцкий пытается применить ту же теорию для Китая, и выдвигает ближайшей целью установление диктатуры пролетариата, перескакивая через революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Авантюристской была позиция *отзовизма*, который без всякого учета объективных условий борьбы пролетариата после поражения революции 1905 г. выдвигал такие лозунги, которые были правильны только в момент наивысшего подъема революции. В письме «Ко всем товарищам» (нач. 1910 г.) А. Богданов говорит, что «если курс на долгое «органическое» развитие России есть только октябристская мечта, то необходимо поддержание уцелевших боевистских элементов, соответствующее воспитание той рабочей молодежи, которая проявляет тяготение в эту сторону, усиление пропаганды в войсках и если возможно воссоздание распавшихся военных организаций». Так как Большевицкий центр отвергал возможность постановки в данный момент на очередь дня вопроса о вооруженном восстании, то на этом основании Богданов сближал его с меньшевиками. «Это сблизило их (руководителей БЦ) с правым крылом нашей партии, товарищами-меньшевиками, которые всегда независимо от оценки политического положения тяготеют к легальным и конституционным формам деятельности, к «органической работе» и органическому развитию»¹.

Еще более выпукло авантюристский характер «левого» оппортунизма выступает во взглядах «левых» коммунистов. Из факта противоположности советского государства всему капиталистическому миру «левые» коммунисты делают вывод, что социалистическое государство должно разорвать все связи с капиталистическим обществом. «Левые» коммунисты принципиально отвергают возможность какого-либо компромисса с германскими империалистами, рассматривая ленинскую линию, как беспринципное соглашательство, отказ от классовой политики, предательство и т. д. Совершенно игнорируя реальную действительность, совершенно не учитывая настроений крестьянства, «левые» коммунисты требуют «революционной войны» с германским империализмом.

Авантюристскими являлись троцкистские предложения сверхиндуст-

¹ Цитировано по ст. т. Остроуховой в № 1 (35) «Пролет. рев.».

риализации в 1926—1927 гг.¹ Темпы и размеры капитальных вложений, которых тогда требовала троцкистская оппозиция, совершенно не были увязаны с реальными объективными возможностями народного хозяйства; осуществление требований оппозиции неизбежно повлекло бы за собой деградацию сельского хозяйства, разрыв между рабочим классом и крестьянством, что в конечном итоге сорвало бы всякую индустриализацию страны, привело бы к гибели революции.

Элемент политического авантюризма мы наблюдаем и в современных «левых» ошибках в области коллективизации. Взятые вопреки директивам Центрального комитета «головокружительные» темпы коллективизации, без учета реальных возможностей и предпосылок закрепления колхозов; перепрыгивание через основную для данного этапа форму колхозного движения—сельскохозяйственную артель, непосредственно к коммунам, т. е. к такой высокой ступени колхозного движения, к которой массы крестьянства еще не подготовлены,—во всем этом был несомненный элемент политического авантюризма.

Если правые марксистско-ленинское понимание исторической необходимости ревизуют в сторону недооценки роли субъективного фактора, борьбы рабочего класса, то для «левых», наоборот, характерна *переоценка значения субъективного фактора и недооценка объективных условий*. С этой переоценкой непосредственно связан их политический авантюризм. В периоды падения революционной волны мелкобуржуазный революционаризм выставляет лозунги, правильные только для периода подъема, пытаясь субъективной волей пролетариата или его «инициативного меньшинства» изменить то соотношение классовых сил, которое объективно сложилось на базе данного состояния экономики и изменить которое возможно только в результате длительной подготовки сил. Цели борьбы, которые выдвигают «левые», не соответствуют объективным данным, невыполнимы на данном этапе. Объективно необходимое развитие мелкобуржуазный революционаризм пытается изменить посредством волевого напряжения, скатываясь к идеалистическому субъективизму в оценке перспектив борьбы пролетариата.

Этот политический авантюризм «левых» оппортунистов имеет своей самой глубокой основой не революционный оптимизм, а пессимизм мелкого буржуа, приходящего в отчаяние от объективных трудностей борьбы пролетариата и делающего авантюристический прыжок в неизвестность, вместо того чтобы упорной борьбой преодолевать действительные трудности. *Анализ «лево»-оппортунистических уклонов показывает, что переоценка субъективного фактора здесь сочетается с капитулянтским неверием в силы революции.*

Несуразно-«левая» теория перманентной революции имеет своей ос-

¹ Именно в 1926—1927 гг. Как правильно указывает т. Сталин в политотчете ЦК на XVI партсъезде, троцкисты в отношении реконструктивного периода никогда не были сверхиндустриалистами, а предлагали «потухающую кривую» роста промышленности.—Я. Б.

новой капитулянтское неверие в возможность руководства крестьянством со стороны пролетариата и отрицает тем самым возможность диктатуры пролетариата. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к *отрицанию* ленинской теории диктатуры пролетариата»¹.

Вся «левая» политика троцкизма имеет основой капитулянтскую теорию невозможности построения социализма в одной стране. Эта теория мотивируется Троцким двумя рядами аргументов: ликвидаторским неверием во внутренние силы пролетарской революции и не менее ликвидаторским, капитулянтским, социал-демократическим по существу, превознесением, переоценкой мощи мирового капитализма. Этот второй ряд аргументов «обильно» приводился Троцким, напр., в его речи на VII пленуме ИККИ, где он старался доказывать, что наше народное хозяйство будет все больше подпадать под зависимость мировому капиталистическому хозяйству, и делал отсюда вывод, что нам необходимо равняться по конъюнктурным циклам мирового хозяйства. Утверждая, что неравномерность развития капитализма в империалистическую стадию уменьшается, Троцкий скатывается к теории ультраимпериализма Каутского.

В критике программы Коминтерна Троцкий в «опровержение» ленинской теории возможности построения социализма в одной стране, как теории «национал-реформистской», говорит: «Может ли буржуазия обеспечить себе *новую эпоху* капиталистического роста² (des kapitalistischen Aufbaus)? В корне отрицать такую возможность и надеяться *только*³ на «безвыходное» положение капитализма значит просто заниматься революционной болтовней»⁴. Не нужно доказывать, что Троцкий клеветает, когда Коминтерну и ВКП приписывает фаталистический взгляд о «безвыходности» положения капитализма». Наша партия и Коминтерн указывали на частичную стабилизацию капитализма и развивающиеся на ее базе глубочайшие противоречия, ведущие к крушению этой частичной стабилизации и всей капиталистической системы—этот прогноз теперь, как известно, целиком оправдывается; партия и Коминтерн учат, что это крушение не произойдет само собой, «самотеком», что оно может быть только результатом революционной борьбы пролетариата, руководимого крепким, закаленным в борьбе со всеми разновидностями оппортунизма коммунистическим авангардом. Клевета эта нужна была Троцкому для прикрытия его социал-демократической премудрости, согласно которой еще возможна целая *эпоха* роста и развития капитализма. Разве эта «идея» Троцкого хоть чем-либо отличается от гильфердинговских пророчеств о целой эре «капиталистического процветания»? Если возможна целая эпоха роста капитализма, то, само собой, за борт надо бросить ленинское

¹ Сталин, «На путях к Октябрю», стр. XXIII.

² Курсив наш.—Я. Б.

³ Курсив Троцкого.—Я. Б.

⁴ Цитировано по «Die Aktion», Берлин, № 10—12 за 1923 г., стр. 194.

учение об империализме, как последней стадии капитализма, тогда место ленинского учения должна занять каутскианская теория ультраимпериализма: тогда отпадает оценка нашей эпохи как эпохи мировой пролетарской революции.

Как видим, «сверхреволюционные» рассуждения Троцкого против возможности построения социализма в одной стране, весь его мнимый «революционный интернационализм» оказывается построенным на чисто меньшевистской оценке внутренних сил нашей пролетарской революции и на раболепной гильфердинговской оценке сил мирового капитализма.

«Лево»-авантюристские лозунги отзовизма были продиктованы паникой перед величайшими трудностями, перед которыми стала партия пролетариата после жестокого поражения революции 1905—1907 гг. В лозунге отзовизма «долой Государственную думу» содержалось оппортунистическое, характерное для ликвидаторов с их парламентским кретинизмом преувеличение значения думы, «сосредоточение главной борьбы как раз на учреждении не самостоятельном, не решающем, не играющем самой главной роли» (Ленин). Наряду с этим у отзовистов—безнадежность в оценке перспектив упорной, повседневной борьбы партии за влияние в массах, неверие, что в результате периода накопления сил будут подготовлены субъективные предпосылки победы грядущей революции.

Ту же оппортунистическую переоценку значения парламентов мы находим у каапедистов в их «левой» аргументации против участия в буржуазных парламентах. «Чем может быть и есть парламент?—читаем мы в одной из статей «Die Aktion» в марте 1919 г.—Не чем иным, как полем сражения (Kampfplatz) для различных интересов господствующих в государстве классов»¹. Совершенно очевидно, что в современную империалистическую эпоху буржуазные парламенты являются только ширмой, прикрывающей господство кучки магнатов капитала, орудием обмана масс, а отнюдь не «полем сражения», где якобы решаются судьбы данной страны.

Основой авантюристических предложений «левого» коммунизма было ликвидаторское отрицание возможности укрепления и торжества социализма в одной стране, как это явствует из следующего тезиса: «Никакая социалистическая революция не может быть победоносной, не перейдя за национальные рамки, не превращаясь в международную пролетарскую революцию. Иначе говоря, укрепление и торжество социализма невысказано в пределах только данной нации и данной страны»².

Капитулянтство и авантюризм—две стороны мелкобуржуазной стихии. «Теоретически для марксистов вполне установлено,—и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено,—что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип во многих европейских странах, имеющий очень широкое массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень ча-

¹ «Die Aktion» за март 1919 г., стр. 182.

² Цитируем по Сорину, стр. 41.

сто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа—это социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно»¹.

Мелкобуржуазный революционаризм дает множество примеров сочетания капитулянтства и авантюризма.

* * *

Мы предвидим такие возражения против нашей постановки вопроса: можно ли говорить о капитулянтстве, скажем, довольно значительного количества рабочих, шедших за каапедистами в 1919—1920 гг., отчасти в 1921? Разве для этих рабочих не характерно как раз революционное нетерпение, заставляющее их рваться в бой тогда, когда к этому еще не было соответствующих предпосылок?

Такое возражение было бы несостоятельным. Надо различать между революционным нетерпением *масс* и системой взглядов той или иной «левой» политической *группировки*. Это особенно наглядно выступает на примере той же KAPD. Эта политическая группировка, как мы уже говорили, опиралась на определенные рабочие кадры компартии. Сравнительно большое влияние она имела в таких важных парторганизациях, как Берлин-Бранденбургская, Гамбургская и др. Среди сторонников каапедистов было много хороших революционных рабочих, которые были против участия в парламенте из пролетарской ненависти к буржуазии, к социал-демократии. Отрицательное, синдикалистского типа настроение по отношению к централизованной, дисциплинированной партии имело своей причиной ту ненависть к социал-демократии, по которой у революционных рабочих составлялось представление о партии вообще. Если же мы обратимся к взглядам идеологов каапедистов, то основа их взглядов совершенно иная.

«Чтобы предотвратить гражданскую войну, необходимо, с одной стороны, поддержать политическое господство пролетариата в полном его объеме, чтобы обеспечить социализацию. С другой стороны, необходимо предоставить буржуазии, в соответствии с ее количественным значением, возможность влиять на ход, способ и форму социализации»² (писано в декабре 1918 года; под политическим господством пролетариата имеется в виду... социал-демократическое правительство!—Я. Б.)

«Если мы избегли политики гражданской войны, то это заслуга Гамбурга. Когда в Гамбурге дело дошло до восстания, из Гамбурга захотели

¹ Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 180.

² «Bericht über den 2 Parteitag der K. P. D. (Spartakusbund), Berlin 1919, Ss. 22—23.

сделать Северный Мюнхен (имеется в виду борьба за советскую власть в Баварии.—Я. Б.). Но мы парализовали осуществление этого намерения»¹.

Эти капитулянтские, обильно одобренные социал-демократическими «идеями» высказывания на II съезде германской компартии принадлежат двум видным тогда «левым»: Лауфенбергу и Вольфгейму (впоследствии, в 1920 г., они за «национал-большевизм» были по требованию Коминтерна исключены из каапеде и оказались в националистическом лагере). Основная масса рабочих, шедших за каапеде, оказались потом в рядах Коминтерна. А та кучка людей, которые «остряпали целую систему «лево»-оппортунистических взглядов, противопоставляемых Коминтерну, оказались по ту сторону баррикад. Поэтому еще раз: надо различать между революционным нетерпением и заблуждениями масс и системой «левых» взглядов той или иной политической группировки,—взглядов, основанных в конечном счете на капитулянтской оценке сил и перспектив революции, из которой (оценки) делаются авантюристические выводы².

б) «Левый» оппортунизм в вопросе о союзниках пролетариата в социалистической революции.

Одной из важнейших составных частей «лево»-оппортунистической системы взглядов является оценка роли крестьянства и революционно-освободительного движения колоний в социалистической революции. Мы разберем взгляды каапеде и троцкистов и убедимся, что у тех и других мы можем установить ряд общих положений, характерных для «левого» оппортунизма в целом.

Программа каапеде, вообще очень многословная, сравнительно кратко останавливается на аграрном вопросе. Программа устанавливает следующие трудности его разрешения: а) Развитие производительных сил и технический уровень сельского хозяйства значительно отстали от промышленности; поэтому сельскохозяйственный пролетариат количественно мало развит. б) В целом ряде провинций «преобладает крестьянство с его антикоммунистической идеологией». Все эти трудности должны быть, согласно программе, преодолены теми же путями и методами, что и в отношении промышленности: надо перевести сельское хозяйство на рельсы крупного индустриального производства. «Руководящий революцией индустриальный пролетариат в деле овладения сельскохозяйственной продукцией найдет себе союзника только в сельскохозяйственном пролетариате», который в основном усвоил, что «его будущее—только в индустриализации сельского хозяйства, а не в существовании на «собственном клочке земли».

¹ «Bericht über den 2. Parteitag der K. P. D.», стр. 34.

² Этим мы однако не хотим сказать, что в массах рабочих никогда не бывает капитулянтских настроений, из которых вырастает политический авантюризм. Надо здесь различать периоды наступления и отступления революции. В периоды бурно нарастающего наступления революции мы в массах рабочих нередко наблюдаем революционное нетерпение (пример—июльские дни 1917 г.). В периоды отступления революции может случиться, что «авантюризм от отчаяния» охватывает более или менее широкий круг рабочих.

«Основной руководящий принцип для революционного разрешения аграрного вопроса» программа формулирует следующим образом: «Существование пролетарской диктатуры может быть обеспечено только и исключительно полной экспроприацией (отчуждением) всех собственников земли и лесных угодий. Всякая половинчатость, всякое признание права собственности на землю, например, за бедняцкими и средними крестьянами (*für Klein- und Mittelbauern*) означало бы сохранение самых сильных опорных пунктов контрреволюции»¹.

Совершенно «недискутабельной», по мнению программы, является мысль, «будто немецкое крестьянство в целом или какой-либо слой его примут участие в революции на стороне пролетариата»².

Развитие этой постановки вопроса мы находим в ряде статей каапедистского «Пролетариера».

Критикуя аграрную часть проекта программы Коминтерна, принятого V конгрессом, этот журнальчик дает развернутое изложение взглядов каапеды на аграрный вопрос и роль крестьянства в пролетарской революции.

«Пролетарьер» прежде всего разъясняет всю оппортунистичность положения проекта программы Коминтерна о «передаче части крупного землевладения, особенно той части, которая обрабатывалась как арендная земля, в руки бедного, а отчасти и среднего крестьянства». Автор статьи Ф. Гюнтер считает, что такая политика будет иметь роковые последствия для пролетарской революции: «Вместо экспроприации крупного земледелия и передачи производства в руки индустриального пролетариата с привлечением сельскохозяйственного пролетариата создается новый слой частных собственников; жаждущий земли мелкий крестьянин и стремящийся к своему собственному клочку земли сельскохозяйственный рабочий являются как раз самыми решительными (буквально—резкими) врагами пролетарской революции. Пока революционное движение соответствует интересам крестьян, не только освобождая их от гнета крупного земледелия, но и поднимая их за счет последнего, крестьянство будет идти с рабочим классом. Идея купить поддержку крестьянства такими опасными подарками уже Розой Люксембург была определена как крайне опасная»³.

«По воле Коминтерна пролетариат должен гарантировать крестьянину лучшее экономическое положение, чем то, которое он имел при прежнем строе. Капиталистический гнет с крестьянина должен быть снят, он должен быть возвышен до положения самостоятельного хозяина, эксплуататора... Такая любовь к маленькому человеку (т. е. к мелкому собственнику.—Я. Б.), тоска по благополучию мелкой буржуазии являются лучшим показателем недостатка доверия к пролетариату»⁴.

¹ «Programm- und Organisationsstatut der Kommunistischen Arbeiterpartei Deutschlands», стр. 30—31.

² Там же, стр. 39.

³ «Proletarier», декабрь 1924 г., № 2, стр. Fedor Günther «Das Programm der Kommunistischen Internationale», стр. 23.

⁴ Там же, стр. 23—24.

Подтверждением этих их взглядов каапедисты считают... опыт русской революции: «Опыт вновь и вновь подтверждает, что мелкая буржуазия неразрывно связана с капиталом. Ряды русских белогвардейцев пополняются главным образом как раз из мелкобуржуазных слоев. Русское крестьянство, которое, собственно, единственно и воспользовалось результатами Октябрьской революции, защищало свои завоевания и сумело в ходе развития присвоить себе всю власть. Нэп—это законное дитя русского крестьянства»¹. Гюнтер делает глубокомысленное сравнение ноябрьской революции в Германии и Октябрьской революции в России. «Немецкая революция только потому была ликвидирована быстрее русской, что она вообще никакой экспроприации не произвела. В противоположность этому русская революция поступила очень радикально, не решаясь, однако, экспроприировать крестьянство. Среди крестьян было для уравнивания распределено крупное землевладение. Этим самым была предreshена судьба русской революции. С этого капиталистического острова (т. е. со стороны крестьянской земельной собственности.—Я. Б.) началось наступление капитала, и оно со всем упорством будет продолжаться до тех пор, пока будут разрушены все «пролетарские завоевания»². Если бы русский пролетариат не сдался на милость крестьянству, то дело неизбежно дошло бы «до кровавых столкновений между рабочим классом и крестьянством»³. Что касается кооперации, то последняя не только не в состоянии способствовать развитию социализма, но, наоборот, «через кооперацию крестьянство стало в Советской республике господствующим классом»⁴, подчинившим себе пролетариат.

Другой автор, Швартау, в статье по аграрному вопросу иронизирует над «нелепыми (*lächerliche*) попытками возбудить революционную совесть немецкого крестьянства». Партии, которые подобного добиваются, забывают, что «сельское хозяйство безнадежно реакционно (*stockreaktionär*)»⁵.

Что же каапедисты сами выдвигают в качестве положительного разрешения аграрного вопроса? Прежде всего к аграрной проблеме необходимо подойти, как к проблеме... прокормления пролетарского города. Никакой поддержки в своей революционной борьбе пролетариат от крестьянства ждать не может, наоборот, он должен считаться с сопротивлением враждебно настроенного крестьянства. Следовательно, вся задача сводится к тому, чтобы парализовать это сопротивление и обеспечить достаточное снабжение города продуктами сельского хозяйства. Нет смысла приводить «генеральные» планы каапедистов по продовольственному снабжению городов: ничего, кроме «странички юмора», у нас не получится. Приведем основные тезисы каапедистов об отношении к крестьянству.

¹ «Пролетариер» № 2 за 1924 г., стр. 24.

² «Пролетариер» № 4 за 1925 г., стр. 66, продолж. ст. Гюнтера.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 65—66.

⁵ «Пролетариер» № 5 за 1925 г., стр. 94.

«Пролетарская революция должна в первую голову экономически устранить (буквально—выключить) самую сильную контрреволюционную силу (имеется в виду крестьянство.—Я. Б.). Это становится возможным особенно потому, что во все возрастающей мере происходит индустриализация сельского хозяйства, так что обработка земли скоро исключительно будет проводиться индустриальным пролетариатом. Только в странах, не достигших еще всей высоты индустриального развития, устранение крестьянства как экономического фактора представляется затруднительным или даже невыполнимым. Задачей грядущей революции не может быть раздел земли между отдельными индивидами. Напротив, ее задачей явится овладение пролетариатом всей имеющейся землей для ее обработки индустриальными методами... Крестьянину нужно показать, что пролетариат может обойтись без него. Тогда крестьянин приспособится к новым условиям и будет способствовать укреплению коммунистического движения»¹.

«Само собой разумеется, что невозможно провести немедленную, полную экспроприацию всех непролетарских слоев. Необходимо и возможно, однако, их расколоть и организационно уничтожить. Правило «разделяй и властвуй» (divide et impera) чаще всего годится в критические времена, когда борьба с противником еще не закончена»².

Перед тем как по существу разбирать эти взгляды, сделаем одно замечание относительно аналогии, проводимой Гюнтером между нашей Октябрьской и ноябрьской революцией в Германии. Можно ли представить себе большую измену идеям революционного марксизма? Не видеть различия между Октябрьской пролетарской революцией, открывшей целую новую эпоху в истории человечества, и ноябрьской, которая, несмотря на революционный подъем рабочих масс, была благодаря отсутствию мощной коммунистической партии предана социал-демократами и не стала революцией социалистической,—могут только люди, ничего не понявшие, ничего не усвоившие в марксизме и чуждые пролетарской революции.

Наконец нужно отметить, что каапедисты старательно замалчивают факт национализации земли в СССР, поскольку этот факт не совсем удобен для каапедистско-меньшевистской оценки «русского опыта».

Перейдем теперь к существу. Пожалуй, ни в одном вопросе так ярко не выступает социал-демократическая сущность «лево»-оппортунистических взглядов, как в крестьянском вопросе. Аргументация каапедистов изобилует внешне-революционными фразами. Характерно, в частности их обвинение Коминтерна в «недостатке доверия к рабочему классу»—излюбленный в свое время тезис «рабочей оппозиции» по отношению к партии и ЦК. Все положения каапедистов проникнуты великолепным «пролетарским» пренебрежением и ненавистью к «мелкому человеку»—крестьянину,

¹ «Пролетарьер» № 2 за 1924 г., стр. 23.

² «Пролетарьер» № 4 за 1925 г., стр. 66.

заботиться о котором недостойно пролетариата. Но вся эта шумливая канонада «левой» фразеологии не в состоянии как-либо скрыть капитулянтскую основу разбираемых взглядов.

В самом деле: в чем основа основ всех аргументов и глубокомысленных пророчеств каапедистов? В том, что после захвата власти пролетариатом мелкое крестьянское хозяйство обязательно будет развиваться в капиталистическом направлении. Образуется новый громадный слой мелких собственников-капиталистов; даже каждый бедный и беднейший крестьянин, которому революция предоставила землю в пользование, обязательно превратится в эксплуататора; в лице мелкого крестьянского хозяйства капитализм получает колоссальную базу,—отсюда пойдет победоносное неотвратимое наступление капитализма на пролетариат и его социалистические завоевания и т. д. и т. д. В основе всех таких «прогнозов» и «предсказаний» лежит полное непонимание различия перспектив развития мелкотоварного крестьянского хозяйства в капиталистическом обществе и в условиях диктатуры пролетариата. Каапедисты исходят из того, что *ничего не изменилось* в тенденциях развития мелкого крестьянского хозяйства. Больше того. Получается, что капитализация сельского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата пойдет еще быстрее, чем до захвата им власти. Действительно: раздел помещичьей земли будет способствовать насаждению громадного слоя новых капиталистов, для дела социализма было бы, пожалуй, полезнее... оставить землю за помещиками!!

Глубокое неверие в силы пролетариата, ставшего у власти и владеющего командными высотами хозяйства; капитулянтская оценка сил социализма, воздействующего на характер и направление развития массы крестьянских хозяйств; неверие в возможность руководства пролетариата крестьянством—вот на чем зиждется вся аграрная программа каапедистов. При этом—что чрезвычайно существенно—каапедисты не делают различия между трудовым мелкотоварным крестьянским хозяйством и кулацким, эксплуататорским хозяйством. По взглядам КАРД *все* крестьянские хозяйства станут эксплуататорами, все они—мелкокапиталистические хозяйства, деревня—это одно сплошное капиталистическое пятно.

Нетрудно убедиться, что весь ход рассуждений каапедистов *совпадает в основном с троцкистскими взглядами на крестьянство*, с той лишь мало существенной разницей, что взгляды троцкизма более прилизины, не так резко и определенно выражены.

Троцкизм в своих взглядах на роль крестьянства в пролетарской революции исходит из основной посылки, что строительство социализма вместе с основными массами крестьянства невозможно, что в условиях диктатуры пролетариата невозможна социалистическая переделка середняка на путях коллективизации в пределах одной страны, в данном случае СССР. «Социалистическую переустройку крестьянских хозяйств,—пишет теперь Троцкий,—мы мыслили не иначе, как в перспективе десятилетий... Ликвидировать противоречия деревни можно, только ликвидировав противо-

речия между городом и деревней, а это осуществимо лишь в рамках международной революции»¹.

Мелкое крестьянское середняцкое хозяйство в СССР неизбежно должно развиваться по капиталистическому пути—вот «центральная идея» троцкистской политики в отношении крестьянства,—идея, как известно, полностью и целиком заимствованная у меньшевиков. «Кулак представляет только одну из стадий развития середняка»². Ликвидировать кулачество—значит ликвидировать середнячество³—одним словом, середняк неминуемо будет капиталистом.

В речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в октябре 1927 г. представитель троцкистской оппозиции т. Смилга по поводу тезисов ЦК о работе в деревне говорил, что в этих тезисах «есть только рассуждения, неверные рассуждения о том, что у нас в отличие от других стран происходит все «принципиально» «иначе»⁴. Контртезисы троцкистов о работе в деревне к XV партсъезду считают неверным утверждение тезисов ЦК, что «... диктатура пролетариата в СССР меняет коренным образом условия, а следовательно и ход развития сельского хозяйства». По поводу утверждения тезисов ЦК, что в условиях диктатуры пролетариата расслоение деревни приобрело своеобразный характер (усиление группы середняков в противовес их «вымыванию» при капитализме), тезисы троцкистов говорят: «Тезисы ЦК беспомощно повторяют старые буржуазные теории о процессе развития сельского хозяйства, теории, которые буржуазные экономисты отстаивали против марксистов *всегда—до войны, до революции, до советской власти*»⁵.

Троцкисты, как и меньшевики, не в состоянии понять, «как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса» (Ленин), владеющего крупными средствами производства; органически неспособны понять, что то, что было «иллюзией, мечтой, самообманом» в буржуазном обществе, становится возможным в условиях диктатуры пролетариата. Резолюция XV партсъезда «о работе в деревне» говорит: «Грубейшая ошибка оппозиции состоит в том, что она механически переносит закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь, таким образом, в хвосте буржуазных идеологов. Оппозиция не видит того, что пути развития деревни определяются развитием города и что капиталистическим элементам в деревне противостоят в наших условиях не только батрак, бедняк и середняк, но и вся система диктатуры пролетариата с ее мощными экономическими командными высотами (в первую голову социалистической индустрией, кооперацией и другими рычагами планового воздействия на сельское хозяйство). Тем самым оппозиция ревизует важ-

¹ «Бюлл. оппозиции» № 9, ст. «Экономический авантюризм и его последствия».

² Троцкий, там же.

³ Раковский, цит. по ст. т. Ярославского «Новейшая эволюция троцкизма».

⁴ «Правда» от 30 окт. 1927 г.

⁵ «Правда» от 5 ноября 1927 г.

² Пролетарская революция № 7—8 (102—103).

нейшие теоретические положения марксизма и ленинизма о соотношении крупного и мелкого производства города и деревни, индустрии и сельского хозяйства и возвращается к буржуазно-ревизионистским теориям о «термидорианском» перерождении пролетарского государства и победе мелкого капиталиста-кулака и частного капитала над крупной и централизованной, как нигде, машинной индустрией социалистического пролетариата, ведущей за собою все народное хозяйство».

Приходится только крайне удивляться тому, что еще находятся такие партийные литераторы (или мнящие себя таковыми), которые утверждают: главная, мол, ошибка троцкистской оппозиции заключалась в том, что она «раньше времени» делала ставку на коллективизацию крестьянских хозяйств, когда к этому еще не было соответствующих экономических и политических предпосылок. Так ставить вопрос—значит оппортунистически ревизовать ленинизм, вопиюще извратить историю борьбы партии с троцкизмом. В противовес тезисам ЦК, дающим перспективу коллективизации *бедняцко-средняцких* масс крестьянства, троцкистская оппозиция в своих контртезисах о работе в деревне к XV партсъезду говорит об охвате коллективами только *бедняцких хозяйств*: «Основным путем переделки миллионов мельчайших бедняцких хозяйств на начале крупного обобщественного производства является их коллективизация... Задачу по организации коллективов из деревенской бедноты нужно поставить центральной в нашей работе в деревне» («Контртезисы», разд. VI, «Совхозы и колхозы») ¹. Эта антисередняцкая, троцкистская «коллективизация» ничего общего, конечно, не имеет с ленинским кооперативным планом, получающим свое завершение в коллективизации *основных бедняцко-средняцких* масс крестьянства, резко враждебна этому плану.

Взгляды троцкизма на крестьянский вопрос—есть только важнейшая составная часть его теории невозможности победоносного социалистического строительства в нашей стране,—теории, согласно которой «торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция и пр. являются слишком ярким свидетельством невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках» ², согласно которой «подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» ³. Известно, что троцкизм по существу отрицает социалистический характер нашей революции.

Само собой разумеется, что и каапедисты проповедуют теорию невозможности построения социализма в одной стране, в СССР. «Так как мировой пролетариат не восстал, Россия осталась одна,—говорит Г. Гор-

¹ Интересно что т. Бухарин и троцкисты, исходя из различных установок, пришли к общему выводу о том, что коллективизация должна охватить *только бедноту* (см. об этом в предыдущей статье, № 6 «Прол. рев.», стр. 22). Лишний и весьма яркий пример «смыкания» правого и «левого» оппортунизма.—Я. Б.

² Троцкий, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 93.

³ Там же.

тер. И оказалось, что коммунизм не может остаться один в *одной* государстве»¹. В обоснование своего положения Гортер выдвигает ряд обычных меньшевистских доводов, доказывающих буржуазный в конечном счете характер нашей революции. «Классовые соотношения в России и во всем мире оказались сильнее русского коммунизма. Малочисленный пролетариат и диктатура партии и вождей оказались слишком слабыми, чтобы сохранить коммунизм в России. Если мировой пролетариат не придет на помощь русскому посредством мировой революции, если последняя не произойдет, то и русская революция погибнет... И окажется, что пролетарская революция 1917 г. (которая, несмотря на то, что решающую роль в ней сыграло участие крестьянства, частично все же была коммунистической) путем свержения царизма и феодального дворянства способствовала приходу к власти русской буржуазии... Пролетариат таким образом своими руками создает буржуазное государство»².

Если Гортер все же признает частично-коммунистический характер Октябрьской революции, то другие идеологи каапеды и это отрицают. Во многих статьях «Пролетариера» нудно пережевываются меньшевистские теории о том, что независимо от тактики и политики нашей партии Россия неизбежно должна была притти к капитализму ввиду отсутствия мировой пролетарской революции³, что неминуемым является капиталистическое развитие и исход революции 1917 г.⁴ и т. д.

Невозможность строительства социализма в одной стране у каапедистов, как и у троцкистов, связана с отрицанием марксистско-ленинского учения о неравномерности развития капитализма, об обострении и углублении этой неравномерности в эпоху империализма. Возражая против тезиса проекта программы Коминтерна о возможности временного сосуществования пролетарских и буржуазных государств в силу неравномерности развития революционного процесса, уже цитированный нами Гюнтер пишет: «Здесь находит свое выражение старое механистическое, мелкобуржуазное представление о ходе развития революции, согласно которому (представлению) революция в национальных рамках есть основа ее осуществления в международном масштабе». Подобная точка зрения, по мнению Гюнтера, имела хоть тень оправдания в период промышленного капитализма, свободной конкуренции и т. д. Но полной нелепостью является, по его мнению, теперь, в период империализма, когда развитие мировых хозяйственных связей имело последствием создание единого мирового фронта капитализма, предполагать постепенный, не охватывающий одновременно все страны ход революции. «Развитие со времен империалистической войны разбило мир на несколько немногочисленных капиталистических лагерей, условия существования коих почти одинаковы. Правда, различными могут быть субъективные предпосылки, но и эти последние

¹ H. Gorter, «Der historische Materialismus», Berlin 1928, S. 57.

² Там же.

³ «Пролетариер» № 6 за 1925 г., стр. 120.

⁴ «Пролетариер» № 11 за 1926 г., ст. «Кризис большевистской партии».

выравниваются с неимоверной быстротой»¹. Как видим, наш каапедист, точно так же как впоследствии Троцкий (а также Зиновьев) на XV Всесоюзной партконференции и на VII пленуме ИККИ, смешивает *уровень жизни* с неравномерностью развития капитализма. А всей премудрости короткий смысл тот, что пролетарская революция должна произойти одновременно во всех основных странах капитализма, а поэтому... пролетариату в одной стране не стоит начинать, не дожидаясь пролетариев других стран. Что и требовалось доказать и что давным давно задолго до каапедистов и Троцкого доказано Каутским. Социал-демократическая сущность мнимо-«левых» каапедистско-троцкистских взглядов на строительство социализма в одной стране и неравномерность развития капитализма не требуют никаких доказательств.

* * *

Вслед за крестьянством каапедисты выбрасывают за борт и второго союзника пролетариата—национально-освободительное движение в колониях. Тезис проекта Коминтерна об «освобождении колоний и поддержке всех колониальных движений против империализма» каапедисты считают... социал-демократическим! Программа каапеды приводит как пример капиталистического возрождения Советского Союза факт поддержки нами «националистических движений» на Востоке, «несмотря на их ярко выраженный антикоммунистический характер»². Всю аргументацию каапедистов можно свести к следующим двум пунктам:

а) «В эпоху империализма революционных национальных освободительных войн больше не бывает»³. Национально-освободительные войны в колониальных странах Востока ведут к установлению там капиталистического строя, следовательно эти войны лишены революционного содержания. Делать различие между колониальными войнами против империализма и войнами империалистических стран между собой—значит капитулировать перед социал-демократией⁴. «Разве бывает национальное восстание против империализма, не связанное с интересами и интригами одной группы империалистов против другой? И, наконец, что сегодня означает колонию, какая колония имеет «право» бороться за свое освобождение?»⁵.

б) Пролетариат не заинтересован в том, чтобы помочь национально-освободительному движению в колониях, поскольку оно ведет к установлению капиталистического строя. В следующих внешне весьма патетических и «левых» словах наиболее ярко выражено предательство каапедистов по отношению к борьбе трудящихся масс колоний против империализма.

¹ «Пролетариер» № 2, от дек. 1924 г., стр. 22.

² «Программ», стр. 28.

³ «Пролетариер» № 9 за 1927 г., ст. П. Клейна «Эпигоны Маркса против Люксембург», стр. 208.

⁴ «Пролетариер» № 7 от 1925 г., ст. Адама «Назревающая мировая война», стр. 140.

⁵ Там же, стр. 141.

лизма. Возмущаясь подвигами французов в Марокко и мирового империализма в Китае, «Пролетариер» указывает, что лозунги и требования борющихся за свою национальную свободу народов для пролетариата неприемлемы. «Пролетариату эти предвестники бури говорят лишь одно: что он на происходящие события должен ответить активной борьбой против мирового империализма, там, где пролетариат ему противостоит (т. е. в капиталистических странах.—Я. Б.), под лозунгами пролетарской революции. Пролетариат обладает своей собственной наукой об обществе, имеет свои собственные лозунги, свои собственные цели и тактику. Только один пролетариат способен свергнуть империализм. Он не должен пожертвовать своей собственной политикой в угоду капиталистическому разрешению колониальной проблемы... Единственной практической помощью восстающим колониальным народам и здесь является пролетарское действие»¹.

Итак, надо бороться с мировым империализмом, но... не мешать ему грабить и угнетать колонии. Надо сочувствовать борьбе колониальных народов за свое освобождение от империалистического гнета, но... пролетариату нет дела до этой борьбы и т. д. Получается законченная программа II Интернационала в колониальном вопросе—и все это под канонаду возгласов вроде «да здравствует международная пролетарская коммунистическая революция», под прикрытием критики «слева» большевистских лозунгов самоопределения наций, помощи национально-освободительному движению в колониях и т. д. как лозунгов «девственно-социал-демократических»².

Любопытно применение этих каапедистских взглядов к конкретному примеру китайской революции, тем более что здесь раскрывается весьма ярко непонимание каапедистами роли мелкой буржуазии—крестьянства в первую очередь—в национально-освободительном движении колоний.

«Die Aktion» в номере от февраля 1927 г., т. е. в период высокого подъема китайской революции, в ст. «О политике России в отношении Китая» пытается сформулировать задачи пролетариата капиталистических стран. Автор статьи Байрейт начинает с глубокомысленной ссылки... на Маркса: «Разве вообще в Китае речь идет о пролетарской революции, разве действительно китайский индустриальный пролетариат, численно столь слабый, играет в революции ту руководящую роль, которую ему фантастически навязывает (angedichtet) Коминтерн? Разве и в данном случае не действительно фундаментальное положение Маркса, применимое к любому обществу, что нельзя перескочить через естественно-закономерные фазы развития? Разве не у Маркса мы читали, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производитель-

¹ «Пролетариер» № 9 за 1925 г., ст. Адама «Империализм, его борьба против пробуждающихся колоний и пролетариат», стр. 189.

² Там же, стр. 188.

ные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне общества?»¹

Революция в Китае буржуазная, следовательно руководить должна буржуазия,—эту унылую меньшевистскую формулу, опровергнутую давным-давно и в теории и в практике революционной борьбы, ультралевый Байрейт повторяет с ученым видом знатока-аналитика. Целевая установка здесь точно та же, что у меньшевиков: доказать, что пролетариату нет дела до китайской революции, которую должна возглавлять буржуазия. Это подробно развито в дальнейшем изложении. Вот как Байрейт оценивает борьбу китайского крестьянства. «Вторгшийся с пятидесятих годов прошлого столетия в Китай, в эту классическую страну мелкого крестьянства, европейский, американский и японский капитал совершил здесь полнейшую экономическую революцию. Капитализм во все возрастающей мере навязывал крестьянам незнакомые им потребности; путем искусственно-низкого уровня ввозных пошлин на импортируемые продукты капитализм сделал туземные сельскохозяйственные продукты неконкурентоспособными. Тем не менее требования китайского крестьянства, удовлетворение коих Коминтерн считает важнейшей очередной задачей дня, направленные против указанного естественно-закономерного развития капитализма, являются реакционными и утопическими, ибо эти требования рассчитаны единственно на реставрацию старых китайских культурных экономических форм. Столь же реакционными являются «революционные» цели ремесленников, положение которых, естественно, значительно ухудшилось в результате ввоза европейских товаров массового потребления. Эти слои, говоря словами Коммунистического манифеста, пытаются повернуть назад колесо истории, а Коминтерн возлагает на них главную свою надежду², в то время как Троцкий и Зиновьев заявляют, что как раз эти слои подавляют любое пролетарско-революционное движение»³.

Империализм выполняет прогрессивную экономическую роль в Китае, а крестьяне и ремесленники, борющиеся под руководством пролетариата против туземного феодального гнета, против гнета империализма, против привилегий, за изгнание иностранных войск, против кабально-грабительской системы ввозных пошлин, за политическую и экономическую независимость Китая, являются реакционерами. Подобный язык оголтелых пре-

¹ «Die Aktion» № 1/2 за 1927 г., стр. 11. «Группа» Пфемферта, издающая этот журнал, существует отдельно от каапеде, причем они друг друга обвиняют в предательстве. Горстка людей, объединенных в каапеде, разбилась на несколько «групп» в составе буквально десятков, в лучшем случае одной-двух сотен каждая. При изучении же взглядов Каапеде вполне правильно, однако, брать за *одни* скобки все эти группки, поскольку принципиальные расхождения у них минимальны и платформы по характеру однородны.—Я. Б.

² Это, конечно, грубая передержка. Коминтерн выдвигает, как основной тезис, гегемонию пролетариата в китайской революции, против чего автор статьи и возражает в приведенной выше цитате из статьи.—Я. Б.

³ Там же, стр. 12—13.

дателей, пособников империалистических поработителей возможно услышать только у идеологов II Интернационала.

И вполне «закономерным» является вывод того же автора в другой статье по поводу развертывающихся событий в Китае. Байрейт утверждает, что пролетариат не имеет никакой заинтересованности во внешне-политической стороне дела (читай: во взаимоотношениях Китая с империализмом), даже тогда, когда буржуазии колониальных стран удастся вовлечь свой пролетариат в борьбу с буржуазией других стран под большевистски-националистическим лозунгом «права на самоопределение». «Освобождение *пролетариата* колоний будет решаться... не в окопах вокруг Шанхая, а посредством самоосвобождения рабочего класса в индустриальных странах» ¹.

Помимо предательского отказа от помощи борцам китайской революции и, следовательно, прямой помощи империализму, в этих словах чрезвычайно характерной является громадная переоценка и превознесение революционной роли буржуазии, которая, по словам Байрейта, организует борьбу против империализма. Эту черту в оценке китайской буржуазии мы, как увидим ниже, наблюдаем и у Троцкого. Весьма знаменательным для каапедистов является также полное игнорирование проблемы некапиталистической эволюции колоний в связи с ростом социализма в СССР и перспективами мировой революции.

Высказывания каапедистов очень «ценны» тем, что они договаривают до конца то, что другие «левые» не всегда решаются досказать из боязни потерять последние остатки своего влияния на отдельных рабочих. Троцкизм в своих формулировках в отношении колониального вопроса не всегда (особенно до своего эмигрантско-заграничного бытия) доводил до логического конца свои взгляды на значение революционно-освободительного движения колоний для пролетарской революции, на роль борьбы мелкой буржуазии, на ее место в революции. Однако целый ряд данных говорят об очень большой близости взглядов троцкизма и каапедистов в колониальном вопросе. Недаром упомянутый Байрейт ссылается на Троцкого и Зиновьева. Троцкизм, придерживающийся резко-противоположных ленинизму взглядов на роль крестьянства в пролетарской революции, органически неспособен правильно поставить колониальную проблему, в которой крестьянский вопрос занимает исключительно большое место. Это мы ярче всего наблюдаем на примере троцкистской позиции в вопросах китайской революции.

Троцкисты в свое время (в 1927 г.) выдвигали и теперь выдвигают тезис о диктатуре пролетариата, как ближайшей задаче китайской революции, перескакивая (подобно 1905 году) через этап буржуазно-демократической революции, осуществляемой революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Последняя, по мнению Троцкого, является «замаскированной формой Гоминдана», отстаивание подобной фор-

¹ «Die Aktion» № 3 за 1927 г., стр. 48.

мулы Троцкий объявляет... предательством китайской революции (причем в «предатели» у Троцкого попадает, конечно, прежде всего Ленин, как автор этой формулы). Победа союза рабочих и крестьян может привести в Китае только к диктатуре пролетариата»¹. А под этими отчаянно-революционными фразами кроется глубочайшее неверие в силы китайской революции, громадная переоценка сил и лакейская идеализация «исторической миссии» милитаристской клики в Китае; вся канонада несуразно-«левых» лозунгов оказывается только необходимым аккомпанементом, для контрреволюционных выводов о революционной борьбе китайской компартии и трудящихся масс Китая.

Исходная точка у Троцкого: основные задачи буржуазной революции разрешаются Чан-Кай-Ши. Китайские милитаристы, блок крупной буржуазии, помещиков, джентри и компрадоров, раздираемый бесконечной генеральской склокой, отражающей борьбу иностранного империализма в Китае (Америка, Япония, Англия, Франция), оказывается по Троцкому способным объединить Китай. Это—при «наглядном факте» раздела Китая между по меньшей мере тремя милитаристскими группировками после вот уже трех лет чанкайшистского господства. Нынешний период в Китае по Троцкому есть столыпинско-чанкайшистский². Чан-Кай-Ши—китайский Столыпин! Соответственно Троцкий для настоящего времени в противовес борьбе за советы выдвигает лозунг Национального собрания, созываемого китайским Столыпиным, т. е. полностью заимствует лозунги дня для рабочего класса Китая у II Интернационала. В духе самого подлого ренегатства Троцкий обливает грязью руководимую киткомпартией партизанскую борьбу рабочих и крестьян Китая, как «путчизма». Буквально повторяя империалистическую прессу, Троцкий «грозно» требует от Сталина ответа, не потому ли происходит партизанская борьба в Китае, что это нужно русскому государству, хотя и вредит интересам китайской революции. Троцкий становится в первую шеренгу белогвардейских клеветников, утверждая, что «вооруженное восстание в Кантоне было организовано агентами Коминтерна»³.

Перескакивая через революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, Троцкий проявляет полное непонимание борьбы китайского крестьянства, игнорирует эту борьбу. Объединение Китая по Троцкому осуществляет китайская буржуазия, она «по-прусски» (Чан-Кай-Ши—Столыпин) проводит буржуазную революцию; пролетариат же непосредственно борется за диктатуру пролетариата. В этой концепции выпадает вовсе крестьянство, борющееся за революционное разрешение аграрного вопроса. Как заурядный писака империалистической печати, Троцкий поносит партизанское движение, которое в своем подавляющем большинстве под руководством компартии объединяет крестьянские массы и в первую очередь плебейским путем разрешает аграрный вопрос.

¹ «Бюллетень оппозиции» № 10.

² «Троцкий о VI конгрессе Коминтерна», «Die Aktion» № 10—12 за 1928 г., стр. 205.

³ «Бюллетень оппозиции» № 10.

* * *

Уже цитировавшийся нами Гюнтер делает такое общее заключение: «Исторический опыт учит пролетариат тому, что он не может и не должен иметь союзников, материальные условия существования которых зиждутся на капиталистической основе... В эпоху социальной революции пролетариат может рассчитывать только на свои силы. Он не имеет союзников и не должен себе таковых покупать»¹. Тем самым каапедисты (а по существу и троцкисты) делают весьма и весьма проблематичной самую возможность победы пролетарской революции, ибо пролетариату приходится иметь дело с единым сплоченным фронтом буржуазии и всей мелкой буржуазии, в том числе крестьянства.

Сделаем теперь несколько выводов.

Если у правого оппортунизма налицо тенденция растворения пролетариата в мелкой буржуазии; если для правых характерно приспособление к мелкой буржуазии путем принижения задач пролетариата до уровня мелкой буржуазии, путем ограничения деятельности пролетарской партии рамками приемлемого для мелкой буржуазии, то «левый» оппортунизм, наоборот, пытается сектантски отгораживать пролетариат от мелкой буржуазии, изолирует пролетариат. При такой внешней резкой противоположности позиций «левого» и правого оппортунизма в вопросе о союзниках пролетариата нетрудно установить совпадение в ряде основных и решающих положений у правых и «левых».

И те и другие, хотя и по-разному, *хоронят классовую самостоятельность пролетариата*. В отношении правых это не требует пояснений—мы уже констатировали, что их политика ведет к растворению пролетариата в мелкой буржуазии. Но и «левые» хоронят эту классовую самостоятельность, поскольку они *вместо классовых интересов отстаивают узко-цеховые, поскольку их политика лишает рабочий класс его роли гегемона в борьбе всей массы трудящихся*. Классом для себя пролетариат становится по мере осознания им своего положения, как передового класса современного общества, призванного возглавить весь фронт борьбы против капитализма. Классовая самостоятельность пролетариата раскрывается в руководстве массой трудящихся, «левые» же исключают возможность такого руководства.

И для «левых» и для правых характерно *неверие в силы пролетариата, в его способность руководить крестьянством, вести его за собой*. При этом «левые» и правые делают отсюда различные выводы: одни о необходимости приспособления к мелкой буржуазии, другие—о необходимости отгородиться китайской стеной от мелкой буржуазии.

И для правых и для «левых» характерно *приукрашивание буржуазии, ее классовой сущности и роли*. В отношении правых это не требует

¹ «Пролетарьер» № 4 за 1925 г., стр. 66 и 67. Под «покупкой союзников» в статье имеется в виду ленинское разрешение аграрного вопроса после Октября.

пояснений, тем более, что мы об этом подробно говорили в предыдущей статье. Неожиданным этот наш вывод может показаться в отношении «левых», которые обычно хвалятся своей исключительной непримиримостью, обвиняют Коминтерн в предательстве за участие в буржуазных парламентах и т. д. Например, у Троцкого и каапедистов мы видели такую архипоппортунистическую, прямо совпадающую с социал-демократической, оценку революционной роли китайской буржуазии. Иначе и не может быть: если роль буржуазии в борьбе с пролетарской революцией приравняется к роли мелкой буржуазии, то такое стирание граней и объективно и субъективно означает приукрашивание буржуазии.

в) «Левый» оппортунизм в вопросе партии и класс.

В этом вопросе каапедисты выступают то с откровенно социал-демократическими, то с «лево»-сектантскими взглядами, причем все эти взгляды, друг другу как будто радикально противоречащие, причудливо переплетаются.

Неожиданным на первый взгляд может показаться тот факт, что для каапедистов характерна *фетишизация организационных форм*. Это тем более должно удивлять, что каапедистам чуждо понимание самой сущности и значения организованности и дисциплинированности в борьбе рабочего класса.

В бесчисленном количестве писаний каапедистов разных мастей мы встречаем одну и ту же идейку: профсоюзы—это «капиталистические по организационной форме образования» (*kapitalistische Organisationsgebilde*)¹. То же относится к таким партиям, как коммунистическая, социал-демократическая, построенным на основе централизации, «диктатуры вождей» и т. д. Нельзя совершать пролетарскую революцию, пользуясь негодным капиталистическим оружием; нужно разрушить эти капиталистические образования, создать новые организационные формы. Такими являются каапед и «Betriebsorganisation», фабрично-заводская организация, объединяющая всех рабочих данного предприятия. Разрешением этого организационного вопроса будут созданы решающие предпосылки для победы пролетарской революции. Чтобы читатель убедился, что мы не упрощаем взгляды каапедистов, не извращаем их, приведем несколько примеров из огромного множества их высказываний на эту тему.

В речи, посвященной программе нового «Союза Спартака»², Пфемферт изучает, какие необходимы субъективные предпосылки для победы пролетарской революции: а) сознание, что все старые формы организации пролетариата для социальной революции непригодны; сюда относятся профсоюзы, партии вождей и т. д.; б) сознание, что *всякая* парламентская деятельность гибельна для революции; в) сознание, что освобождение ра-

¹ См. «Дер Кампфруф», передовая в № 11 за 1922 г.

² Одна из группок, стоящих еще «левее» каапедов, — жалкая и смешная карикатура на Союз Спартака, из которого вылупилась германская компартия.—Я. Б.

бочих есть дело самих рабочих, а поэтому должна быть устранена система вождей, за которыми послушно следуют массы, ибо подобная система сковывает инициативу масс, принижает ответственность¹. Мы в другой связи еще вернемся к этому «анализу» субъективных предпосылок революции, здесь же нас интересует только одна сторона вопроса: вся проблема подготовки и обеспечения победы пролетарской революции сводится к замене одних организационных форм другими.

В подобной фетишизации организационных форм сходятся различные оттенки каапедистского лагеря. В «директивной» статье первого номера «Пролетарьер» мы читаем, что «рвать с буржуазией—значит рвать с буржуазными методами и формами организации»². Главный идеолог каапедистов Г. Гортер так намечает путь к революции: «Уничтожение профсоюзов, этих очагов (Brutstätten) рабства, создание на их место фабрично-заводских организаций и на базе этих последних—производственных союзов, объединение всех этих организаций во Всеобщем германском рабочем союзе, а в конечном счете во всемирном Рабочем союзе—вот путь к революции, к победе»³. Этот пресловутый «Всеобщий германский рабочий союз», как известно, всегда, в самые лучшие свои времена, представлял весьма малочисленную организацию; масс рабочих он никогда не объединял. Тем не менее «один только факт его существования создает постоянную угрозу всем капиталистическим формам»⁴, это—«историческое выражение высвобождения пролетариата из буржуазного духовного мира»⁵.

Не классовую борьбу пролетариата в самых различных ее проявлениях от низших ее форм до высшей—вооруженного восстания за свержение буржуазии, видят каапедисты, а «организационные формы», приобретающие некую самодовлеющую, таинственную сущность. Не в том суть, что профсоюзы Германии находятся под влиянием социал-демократии, проводящей политику буржуазии, а беда вся в том, что профсоюзы—капиталистическая по форме организация. И т. д. и т. д. Исчезает сложная, труднейшая, стоящая неисчислимых жертв борьба пролетариата против буржуазии, а вся действительность становится на редкость «простой»—стоит лишь променять одну организационную форму на другую. Коммунисты, скажете, ведут ожесточенную борьбу с социал-демократией, которая расстреливает и пытается революционных рабочих. Но все это—пустяки, семейные раздоры, ибо организационные формы у них одни и те же—капиталистические, и здесь и там во главе партии—вожди, и та и другая партия принимает участие в парламенте, следовательно нет между ними принципиальной разницы...

¹ «Die Aktion» № 11—12 за 1926 г., стр. 274—275.

² «Пролетарьер» № 1 за 1924 г., ст. Адама «Курс каапед», стр. 5.

³ Н. Gorter, «Die Klassenkampf-Organisation des Proletariats», Берлин, год не указан, стр. 145.

⁴ «Дер Кампфруф», № 13 за 1922 г., статья «Всеобщий рабочий союз».

⁵ Там же, № 31 за 1922 г., ст. «Союз и его задачи».

Здесь перед нами доведенный до полнейшего абсурда формально-логический метод, свойственный «левому» оппортунизму. На место диалектического анализа многообразнейшей, разностороннейшей действительности и ее связей становятся формальные понятия, лишенные всякого реального содержания, не отражающие ничего из конкретной действительности, кроме кренинизма своих авторов (а этот кренинизм, конечно, тоже—кусочек действительности). Разве не является характерным для троцкизма такое жонглирование понятиями, за которыми не кроется ничего другого, кроме любования собой, своим красноречием? Разве мы не наблюдаем у Троцкого, как он какое-нибудь понятие пытается в самые различные эпохи использовать как ключ, открывающий все тайны необходимой тактики и стратегии пролетариата? Разве мы не видим это на примере, скажем, «теории» перманентной революции, которая давным давно опровергнута на опыте русской и международной революции? Нам уже приходилось указывать на «ценную» черту каапедистов: что они договаривают до конца выводы из «лево»-оппортунистической концепции. И в данном случае мы получаем чрезвычайно яркий пример, к чему приводит «доброе» применение формально-логического метода в противовес диалектическому.

Но вернемся к теме. Вторая характерная черта взглядов каапеды—это *полное непонимание роли партии как авангарда—руководителя рабочего класса.*

Надо сказать, что процесс усвоения братскими компартиями большевистских организационных принципов был связан с большими трудностями. В этом вопросе идейное наследие социал-демократии пожалуй дает себя знать с наибольшей силой. Это сказалось на неправильной формулировке роли партии в программе, принятой на учредительном съезде Германской компартии (Союза «Спартак», декабрь 1918—1 января 1919): «Союз Спартака,—говорит программа,—не является партией, которая хочет достигнуть господства над рабочей массой или через рабочую массу. Союз Спартака—это часть пролетариата, наиболее ясно сознающая свои цели, указывающая пролетариату на каждом шагу его исторические задачи, отстаивающая на каждом отдельном этапе революции конечную цель социализма»¹. В этой формулировке по существу отрицается, а во всяком случае совершенно стушевается роль партии как вождя, организатора революции, через которого рабочий класс осуществляет свою диктатуру. Это непонимание самого главного в роли партии еще ярче выступает в другом положении программы. «Союз Спартака отказывается взять власть только в силу того, что Шейдеман—Эберты окажутся банкротами, а независимые—загнанными в тупик в результате своего сотрудничества с ними. Союз Спартака никогда иначе не возьмет государственную власть, как в результате ясной недвусмысленной воли огромного большинства пролетарской массы во всей Германии, не иначе, как в силу сознательного со-

¹ Цит. по «Bericht» об учредит. съезде КПГ, стр. 56.

гласия этой массы с перспективами, целями и методами борьбы Союза Спартака»¹.

Этот тезис, как видим, содержит неверное в корне представление об условиях завоевания власти пролетариатом: эта власть достанется пролетариату как-то стихийно, самотеком. Но нас в данном случае интересует вопрос о роли партии: приведенный тезис в корне противоречит большевистским взглядам на партию, организующую революцию, *ведущую за собой*, мобилизующую массы на борьбу с капитализмом. Германская компартия в ходе своего дальнейшего развития преодолела эти меньшевистские установки. Каапедисты же всячески цепляются за неверные формулировки программы Спартака, соответственно дополняя и «углубляя» ошибки программы.

Непониманием роли партии как организатора, вождя и руководителя борьбы рабочего класса, низведением партии до роли советчика при классе объясняется принципиальное отрицание каапедистами необходимости вождей партии, жесткой партийной дисциплины, централизма, вообще «диктатуры партии». Наиболее ходким лозунгом каапедистов, ярко вскрывающим их мелкобуржуазную сущность, является: «долгой беспрекословное повиновение»² (*kadaver-gehorsam*)—так они называют большевистскую партийную дисциплину. Мы узнаем, что каапед родилась как «оппозиция пролетарских масс против беспрекословного повиновения и власти вождей»³.

Для большей полноты приведем некоторые тезисы идеолога каапеды Гортера из уже цитированной нами брошюры. Гортер доказывает, что «диктатура партии» вместо диктатуры пролетариата в России потому оказалась возможной, что пролетариат там малочисленный, страна же отсталая, ее население в большинстве состоит из неграмотных мелких собственников-крестьян. Не то в развитых странах капитализма, например в Германии. Здесь диктатура должна проводиться всем классом. Что для того нужно? спрашивает Гортер. И отвечает: «Чтобы подавляющая часть пролетариата превратилась в сознательных коммунистов, в борцов, ясно сознающих свои цели»⁴. Итак, чтобы установить диктатуру пролетариата, надо ждать, пока подавляющее большинство пролетариев станет сознательно коммунистическим, и, следовательно, роль партии сводится к ничтожному минимуму⁵. Но как же массу пролетариев сделать коммунистами? На этот вопрос каапедисты никакого ответа дать не могут, так как они совершенно не понимают борьбы за завоевание масс на сторону коммунизма.

¹ «Bericht» об учредит. съезде КПГ, стр. 56.

² Отметим кстати, что точно то же выражение употреблял П. Леви против дисциплины Коминтерна, когда открыто стал отходить от Коминтерна — Я. Б.

³ «Пролетариец» № 10 за 1926 г., стр. 205.

⁴ «Die Klassenkampforganisationen des Proletariats», стр. 7.

⁵ Мы здесь говорим о той группе каапедистов, которая формально признает необходимость партии и на этом основании раскололась с группой Пфемпферта, отрицающей и формально необходимость партии. Но, как видим, и в данном случае расхождения — не принципиального характера.

Мы подходим, таким образом, к третьей характерной черте взглядов каапедистов: *крайнее сектантство, непонимание и отрицание борьбы за массы.*

Получается своеобразное сочетание двух как будто друг друга исключающих положений: с одной стороны, аксельродовское представление о партии, стирание граней между партией и классом, с другой стороны,—культивирование крайне малочисленной секты, считающей «ниже достоинства» бороться за влияние на массы. Достаточно указать на то, с каким возмущением каапедисты относятся к работе в профсоюзах; последние являются «сатаной для коммунистически настроенного пролетариата, который должен быть изгнан возможно скорей огнем и серой»¹. С великолепным пренебрежением каапедисты относятся к массам рабочих, объединенным в профсоюзы: «Возрастание в течение очень короткого срока количества членов профсоюзов до 6½ млн. отнюдь не говорит о необходимости профсоюзов, а скорее говорит об их нездоровом разбухании. Количественный рост профсоюзов произошел почти исключительно за счет незрелых элементов, приливающих в профсоюзы по самым различным мотивам и которые, как масса, с самого начала несут в себе семя разложения,—точно так же как воодушевленная войной масса 1914 года»².

Каапедисты создали целую «теорию» о том, что «коммунистическая партия никогда не может быть массовой»,—как заявляет Гортнер в своем «Историческом материализме»³. В уже цитированной брошюре «Классовая боевая организация пролетариата» Гортнер обвиняет Коминтерн в оппортунизме за то, что он «ставит задачу создания массовых компартий»⁴. «Пролетарьер» в ряде статей развивает эту «идею». Оказывается, что массовой партия может стать только непосредственно в период революции, до этого—перспектив нет никаких.

«Во времена реакции»,—поучает «Пролетарьер»,—судьба революционных организаций всегда такова, что они остаются непонятыми массами. Революционная организация, если она не хочет отказаться от борьбы за революцию, не может приспособить свою политику и тактику к массовому сознанию»⁵. В другом месте «Пролетарьер» так поясняет различие в подходе к завоеванию масс между радикализмом и оппортунизмом: «Радикализм хочет завоевать массы такими, какими они являются в революции, оппортунизм—такими, какими они бывают в своей повседневной жизни»⁶. Таким образом, повседневная жизнь рабочих масс каапед не касается—это дело социал-демократов. Весь период до революции коммунисты не могут рассчитывать на расширение своих рядов. В этот период «революционная

¹ Рез. «Учредительного конгресса» каапедистов в апреле 1920 г., «Die Aktion» № 15—16 за 1920 г. стр. 200.

² Там же, стр. 201.

³ «Der historische Materialismus», Берлин 1928, стр. 61.

⁴ Указ. брошюра, стр. 22.

⁵ «Пролетарьер» № 2 за 1924 г., ст. Адама «Курс каапед», стр. 19.

⁶ «Пролетарьер» № 8 за 1927 г., ст. К. Горнера «Принцип и тактика», стр. 181.

партия может быть только маленькой; к ней могут принадлежать только такие социалисты и коммунисты, которые видят перед собой только будущее». Перспектива, как будто, создается совершенно безотрадная: в период до революции массы так сказать «в полном составе» неизбежно будут идти за социал-демократами, с кем же тогда каапеде будет делать революцию, вернее—где же возьмется то подавляющее коммунистически сознательное большинство рабочего класса, которое должно совершать революцию? Каапедисты и тут не унывают: «Когда настанет период революции, картина меняется... Массы становятся совершенно новыми людьми»¹.

Итак: революционная организация является как бы сторожем-хранителем лозунгов периода революции; стоит эта организация на посту, с ключами от запертого «ящика лозунгов» революционного прошлого и предстоящего будущего, она следит за тем, чтобы эти лозунги не запылились, чтобы они не были осквернены мелочами повседневной жизни и борьбы пролетариата. Ибо всякое участие в этой борьбе означает компромисс с действительностью, уступку в отношении революционных лозунгов. Революционная организация стоит одиноко, с высоты своего революционнейшего сторожевого поста взирает она с сожалением на темные массы, занятые ничемной злобой дня. Зато, как наступит революционное время, массы немедленно валом повалят к сторожу—хранителю революционных лозунгов, и масса станет коммунистической.

Это все кажется очень карикатурным. Что мы, однако, отнюдь не утрируем, можно убедиться хотя бы по аргументации, развиваемой в каапедистских органах против руководства забастовками, против проявления какой-либо инициативы в экономических боях пролетариата. «Сверхреволюционная» организация, критикующая Коминтерн «слева» и в то же время принципиально обосновывающая штрейкбрехерство,—таковы факты, такова диалектика развития оппортунистической группировки.

В органе «Всеобщего рабочего союза» в целой серии статей излагаются каапедистские позиции в отношении экономических боев пролетариата. «Дер Кампфруф» констатирует, что в данный момент (1922 г.) союз переживает «тяжелый внутренний кризис», угрожает опасность самому его существованию². Корень же этого кризиса-опасности в том, что в рядах союза усиливается тенденция к участию и—о ужас!—даже возглавлению текущих экономических боев пролетариата. Чем же питается эта губительная, зловредная тенденция? «Налицо—отлив революционной волны». Как же согласовать работу и существование Всеобщего союза, имеющего полностью и целиком установку на революцию, с данной ситуацией, которая, очевидно, совершенно не является революционной?.. Между исторической задачей союза, семимильными шагами стремящегося к конечной цели революции, и ситуацией сегодняшнего дня, явно отдаляющейся все больше от этой цели, образуется, так сказать, безвоздушное

¹ «Пролетарьер» № 8 за 1927 г. стр. 181.

² «Der Kampf» № 6 за 1922 г., стр. «Die Union—was sie ist und was sie nicht ist?».

пространство, в котором союз может задохнуться»¹. И вот, чтобы предотвратить эту угрозу удешения, определенная часть членов хочет толкнуть союз на путь «активности любой ценой», т. е. на путь участия в экономических боях пролетариата. Причем эти свои чреватые тяжелыми последствиями ошибочные идеи эти люди пытаются подкрепить указанием, что профсоюзы саботируют экономические бои рабочих².

«Камфруф» мобилизует все свои литературные, теоретические и т. д. ресурсы, чтобы разбить подобный опасный уклон от правоверного «каапедизма».

«Историческая задача союза состоит не в том, чтобы заботиться о лучших условиях работы и повышении заработной платы рабочих в рамках капиталистического строя. В прямую противоположность этой задаче профсоюзов задачей союза является руководить пролетариатом в последней стадии его борьбы, как угнетенного класса, т. е. повести его прямым путем к завоеванию политической власти»³. Это нелепейшее противопоставление, как двух совершенно противоположных задач—завоевания власти и руководства повседневной борьбой пролетариата—обосновывается целой «теорией».

«Реформизм—это борьба в рамках капитализма за лучшие условия труда и зарплаты, другими словами—это борьба за большую долю участия в частной собственности. Эту борьбу ведет каждый в отдельности пролетарий, конкурируя в своих личных интересах с другими подобными ему индивидами; ибо, чтобы жить в системе капиталистической частной собственности, необходим кусок этой частной собственности... Для этой борьбы рабочие создали себе профсоюзы... Последние являются представителями отдельного рабочего в рамках капиталистического строя; живущий в рамках этого строя рабочий не в состоянии уклониться от действия основного закона капитализма—необходимого стремления во все возрастающей мере к частной собственности»⁴.

Изображать борьбу рабочих против предпринимательской эксплуатации как подпадение рабочих под влияние капиталистических тенденций,—это могут сделать конечно только люди, ничего общего с рабочим движением не имеющие, чуждые борьбе пролетариата. Отметим еще два момента: каапедисты за реформистами признают полную способность и желание бороться против капитала, за улучшение экономического положения рабочих, а это значит приукрашивать социал-демократию, создавать контрреволюционные иллюзии в отношении современной ее роли в рабочем движении. Второе «замечательное» утверждение—это отрицание пролетарской боевой солидарности, осуществляемой в экономических боях против капитала, воспитывающей и втягивающей рабочего в общую борьбу с капиталом.

¹ «Der Kampf» № 2 за 1922 г., ст. «Neue Wege im Klassenkampf».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, № 4 за 1922 г., ст. «Die Union—was sie ist und was sie nicht ist?».

Читаем дальше. «Революция—это диалектическая противоположность реформизму. Революция—это борьба против капитализма вообще как цельной системы, борьба не за долю участия в частной собственности, а против самого существования последней... Эту борьбу рабочие могут вести только как сплоченный класс в общих интересах пролетариата как класса... Для ведения этой борьбы мы, революционные рабочие, создали Всеобщий рабочий союз»¹.

Из всего этого рассуждения стоит остановить внимание только на одном моменте: на совершенно извращенном понимании соотношения реформы и революции в борьбе рабочего класса. Ибо аналогичное в своей основе (хотя и не столь грубое по форме и не доведенное до такого логического конца) непонимание этого соотношения, соотношения, в частности, частичных требований и конечных целей движения мы наблюдаем у всех «левых» группировок. Не понимают диалектики этого соотношения и правые оппортунисты.

Коммунисты в капиталистических странах свою повседневную деятельность подчиняют задаче завоевания пролетариатом политической власти, установления диктатуры пролетариата. Для коммунистов выдвижение частичных требований, борьба за те или иные реформы—есть важнейший метод мобилизации и организации масс на предстоящую борьбу за диктатуру пролетариата. Борьба за частичные требования, в частности и в особенности руководство экономическими боями пролетариата, открывает коммунистам доступ к широчайшим массам рабочих, открывает широкие возможности втягивания этих масс в борьбу с капиталом, их коммунистического воспитания. Важно только, чтобы борьбу за частичные требования коммунист всегда умел связывать с борьбой за диктатуру пролетариата, разъясняя рабочим невозможность какого-либо коренного улучшения их положения при капитализме, показывая им, что только диктатура пролетариата несет освобождение пролетариату.

Эту борьбу за реформы как вспомогательный метод борьбы за революцию правые извращают в том направлении, что борьбу за реформу, за частичные требования они превращают в самоцель. Из-за деревьев реформ они не видят леса—пролетарской диктатуры, т. е. борьбу за свержение буржуазии правые в конечном счете заменяют борьбой за мелкие улучшения положения рабочих при капитализме. «Левые», наоборот, совершенно не понимают роль борьбы за частичные реформы в деле подготовки сил революции; они совершенно не понимают борьбы за массы, важнейшим звеном в которой и являются частичные требования, выдвижение последних толкуя, как измену идее революции. Это «левое» понимание вопроса в приведенном каппедистском рассуждении доведено до прямого абсурда.

Раз борьба за реформы, за частичные требования есть реформизм, то «Всеобщий рабочий союз», естественно, не может участвовать в этой

¹ «Der Kampfgruß» № 4 за 1922 г.

предательской работе. «Пусть профсоюзы видят оправдание своего существования в том, чтобы у отдельного буржуа отвоевать для отдельного пролетария побольше частной собственности: пусть профсоюзы защищают личные интересы отдельных рабочих и мелких буржуа в области распределения буржуазной частной собственности. Всеобщий рабочий союз подпишет смертный приговор себе как революционной боевой организации пролетариата, если он сделает хотя бы один шаг по этому пути профсоюзов... Нигде и никогда союз не возьмет на себя заботу о лучшем устройстве условий жизни своих отдельных членов... Нигде и никогда союз не станет вести бои с целью улучшения условий работы и зарплаты в пределах капитализма; всю свою энергию и силу союз должен концентрировать на сплочении революционного пролетариата для непосредственного свержения буржуазии»¹.

В подтверждение своей позиции каапедисты ссылаются на исторический материализм! По мнению автора статьи, товарищи, ратующие за участие союза в экономических боях пролетариата, допускают огромнейшую коренную ошибку и «отрицают основной закон исторического материализма». Ибо эти товарищи не хотят признать, что «революционная организация, изрядное время проводящая определенные действия в своей практической работе, неизбежно должна испытывать на себе, на своей внутренней сущности и структуре обратное воздействие этой своей практической деятельности». Деятельность в профсоюзе или в парламенте неизбежно превращает постепенно даже самого лучшего коммуниста в социал-демократа по действиям и мышлению. «Точно так же, если союз усвоит такую боевую тактику, которая ставит задачей достижение частных требований вроде улучшения условий работы и зарплаты своих членов (пусть это будет тактика только переходного периода), то такая тактика через очень короткое время превратит союз в организацию, отличающуюся от профсоюзов только по названию... Всеобщий рабочий союз не может передвигаться по болоту реформизма, без того, чтобы не заразиться и отравиться»².

И здесь в форме прямо карикатурной передана характерная черта всех левых оппортунистов: *дезертирство от труднейшей и тяжелейшей повседневной работы в массах в целях их коммунистического воспитания, прикрываемое всякими революционными фразами*; неверие и боязнь масс, барско-пренебрежительное отношение к ним, убеждение, что соприкосновение с рабочими массами должно неизбежно вести к принижению революционного сознания. Отсюда отказ от участия в буржуазных парламентах, являющихся определенным орудием революционной пропаганды в массах, отсюда — отказ от работы в профсоюзах, где сосредоточена основная масса рабочих³. Разве не видели мы ту же черту у отзовистов, кото-

¹ «Der Kampf» № 5, за 1922 г., название ст. то же.

² «Der Kampf» № 6, за 1922 г., ст. того же названия.

³ «Каап» — читаем мы в «программе» — отвергла всякие уступки парламентской демократии, дабы таким способом возбудить искусственное массовое движение, — хорошо учи-

рые под прикрытием «левейших» фраз критиковали, как оппортунизм, использование большевиками легальных возможностей для работы в массах? Разве все взгляды троцкизма на партию и рабочие массы не проникнуты насквозь боязнью масс, буржуазным барско-пренебрежительным отношением к ним? Где, напр., кроме «Соц. вестника» и Форвертса, можно встретить такие подлые и контрреволюционные отзывы о ленинских призывах в партию, о той лучшей части пролетариата, которая пополняет ряды партии новыми борцами, как это мы встречаем у троцкистов? Разве не ту же «лево»-оппортунистическую основу мы наблюдали в свое время во всей аргументации троцкистско-зиновьевского блока против использования нами англо-русского комитета для разоблачения английского реформизма и коммунистической пропаганды в английских рабочих массах? Сколько тогда со стороны оппозиции было произнесено речей, написано статей и деклараций, доказывающих оппортунистичность тактики нашей партии, которая решается послать своих представителей для разговоров с отпетыми английскими реформистами-предателями. А кому же теперь не ясно, что вся эта «сверх-революционная» позиция троцкистов имела одну только цель—уклониться от использования представившейся возможности коммунистической пропаганды в английском рабочем классе, дезертировать от выполнения этой труднейшей задачи? Чем иным, как не дезертирством, является фактический отказ ультралевых в Германии от работы в реформистских профсоюзах? Чем, как не изменой коммунизму, являются все эти примеры фактической сдачи позиций социал-демократам, очищения им поля для неограниченного влияния и работы в массах рабочего класса?

Итак, Всеобщий рабочий союз никакого касательства к экономическим боям пролетариата не имеет. Но как же быть с отдельными членами союза, работающими на предприятии, где произошла забастовка? Ответ на этот вопрос дается такой: «отдельный член союза пусть принимает самое деятельное участие в повседневной жизни предприятия, пусть он всеми средствами стремится к повышению своей заработной платы, к сокращению своего рабочего дня, к улучшению техники безопасности; но он должен знать и всегда заявлять, что эта борьба за сохранение своего существования в переходный период смертельного кризиса капитализма есть личное дело члена союза, как индивида, а не дело союза, как определенной организации»¹. Задачи союза «Компфруф» формулируются так: «Снова и снова в сознание масс вколачивать (einhammern) идею революции, без устали, монотонно, до скуки и пресыщения,—вплоть до того, момента, когда наступит новая волна революции»². Вместо борьбы проле-

тывая при этом, что ее станут называть сектой. Каапе всегда уясняла себе, что всякая уступчивость по отношению к иллюзиям, связанным с парламентаризмом, будет иметь неизбежным последствием значительное ослабление идей классовой борьбы и завершится капитуляцией перед буржуазной демократией... Независимая от всяких внешних влияний, рассчитывая только на свою собственную силу, Каапе шла прямой дорогой революционного сознания» («Программа...», стр. 13)...

¹ «Der Kampf» № 8 за 1922 г., ст. того же названия.

² Там же.

тарских революционеров за завоевание масс—мещанское, не требующее никаких жертв и борьбы приятное времяпрепровождение путем монотонного повторения «идеи революции». Пусть рабочим это надоедает, зато самодовольство каапедистского обывателя удовлетворено. Тем более, что занятие—абсолютно безопасное: никакой полиции и в голову не придет карать за подобное занятие «революционеров» из каапеде.

Все эти юмористические рассуждения каапедистов проникнуты при этом крайним пессимизмом в оценке дальнейших перспектив борьбы пролетариата. «Можно согласиться,—пишет «Дер Кампфруф»,—что союз должен указывать путь и начертать цели борьбы в крупных экономических боях (какая громадная уступка реформизму!—Я. Б.), но в том-то и суть вопроса, что такие крупные экономические бои, подобно тем, которые происходили в 1919 г., теперь уже невозможны. Особенность настоящей эпохи, что рабочие массы опять полностью и целиком идут на помочах за социал-демократическими партиями»¹. Это говорится в 1922 году в Германии, которая всего только через год стояла на пороге пролетарской революции! Этот пессимизм—результат неверия в силы революции, в силы рабочего класса и его партии—мы также наблюдаем у всех без исключения «левых» оппортунистов, в их аргументации против работы в массах. Безнадежность борьбы за массы, так как в области влияния на массы «сильней социал-демократии зверя нет»—вот каково убеждение «левых», толкающее их на дезертирство с фронта борьбы за массы.

По вопросу об участии союза в забастовках внутри каапеде произошел еще один раскол: на «эссенцев» (против участия) и «берлинцев» (за участие—права с очень большими оговорками), но эти разногласия не принципиального характера. И «берлинцы» участие в забастовках рассматривают как печальную вынужденную необходимость, поскольку иначе можно потерять своих самых последних сторонников. «Небольшая часть товарищей,—пишет представитель берлинцев,—ставят вопрос: «Должен ли союз вести экономические бои?» Такая постановка фальшива. Никто в союзе не хочет вести экономические бои, меньше всего этого хотят товарищи, которых в этом упорнейшим образом упрекают. Вопрос должен быть поставлен так: какова позиция союза в случае возникновения экономических боев?»². В другой статье «берлинца» сказано еще более определенно: «Союз не имеет задачей брать в свои руки наследие обанкротившихся профсоюзов и будить в массе разочарованных рабочих новые иллюзии об экономических боях... Союз не может видеть свою задачу в том, чтобы в рамках погибающего капиталистического общества в мелкобуржуазно-пацифистском или профсоюзно-реформистском духе лечить по мелочам наемное рабство. Всякие подобные попытки являются изменой революции и, следовательно, сущности союза. Его задача—полное и окончательное устранение наемного рабства вообще»³.

¹ «Der Kampf» № 2 за 1922 г., ст. «Новые пути классовой борьбы!».

² Там же № 17 за 1922 г., ст. «Unsere Stellung zum Lohnkampf».

³ Там же, № 31 за 1922 г., ст. «Союз и его задачи».

Безусловно, что каапедистская логика (если о такой вообще можно говорить) целиком на стороне «эссенцев». Недаром они были поддержаны наиболее видным каапедистом Г. Гортером и «Голландской рабочей коммунистической партией». Рассуждениями Гортера, чрезвычайно выразительными с точки зрения каапедистской идеологии, мы закончим раздел нашей статьи о проблеме партии и класса. «В то время, как объективное состояние Германии (и Европы) революционно, весь германский пролетариат настроен реформистски, т. е. контрреволюционно. Социал-демократы и коммунисты, так же, как и массы, не организованные в партиях, — все они борются за «реформы» и «восстановление». В таких условиях абсолютно необходимо, чтобы единственная существующая революционная группа высоко держала принцип революции, защищая его со всей последовательностью против всех и каждого, ибо революция — это единственное, что может спасти германский и европейский пролетариат... Главное — это предотвратить реформистское перерождение этой единственно революционной группы... И пусть докажут берлинцы в своих многочисленных статьях и тезисах, что они смогут остаться революционными и в случае ведения ими экономических боев. Каждый революционер должен согласиться, что при современном состоянии Германии ведение экономических боев совершенно бесполезно и является реформизмом... И так как при современном состоянии мира никоим образом нельзя допустить, чтобы единственная революционная группа мирового пролетариата погибла от оппортунизма, то эссенское направление право, когда оно требует, чтобы союз держался в стороне от всяких экономических боев»¹.

Как видим, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Гортера ничему не научила.

г) Ультралевая «теория» мирного вращивания в социализм.

Одно только неверное, социал-демократическое в своей основе понимание соотношения партии и класса уже делает невозможным для «левого» оппортунизма правильно поставить вопрос о путях завоевания власти пролетариатом и закрепления его диктатуры. Раз не понята роль партии как вождя-организатора победы пролетариата, роль авангарда, через которого пролетариат осуществляет диктатуру, — значит, наглухо закрыты все дороги к усвоению марксистско-ленинской теории пролетарской революции.

Для каапедистов прежде всего характерно весьма «туманное» представление о захвате власти рабочим классом. У каапедистов, как у всех других группировок с анархосиндикалистским — в той или иной мере — оттенком, мы наблюдаем чрезвычайную недооценку или даже прямое непонимание проблемы власти, этого «коренного вопроса революции». Своего рода классической является в этом отношении следующая формулировка

¹ «Дер Кампфруф» № 41 за 1922 г., заметка «Гортер о берлинском и эссенском направлениях».

из изданной в 1919 г. брошюры упомянутого уже Вольфгейма «Фабрично-заводская организация или профсоюз»: «Немецкая революция в своих политических формах закончилась 9 ноября прошлого года... Пролетарская революция—это в основном экономическая революция, имеющая задачей совершить коренной переворот во всем хозяйстве и во всем экономическом строе. Если политическая революция протекала на улице, то экономическая революция так происходить не может. Она не могла совершиться посредством вооруженного действия, а должна протекать там, где коренится хозяйственный процесс в предприятиях»¹.

Отметим наиболее существенные моменты в этом тезисе. Замечательно, во-первых, утверждение, что с ноябрьской революцией, передавшей власть, как известно, социал-демократии, политические задачи пролетарской революции, т. е. вопрос о власти, разрешены. Несмотря на всю свою чудовищность, это утверждение является общепринятым у каапедистов. Нам уже приходилось цитировать некоторые места из их статей, теперь можно привести такое авторитетное для каапедистов свидетельство, как их собственная программа: «Дальнейший ход войны принес с собой военное крушение среднеевропейских государств. Тем самым был разрушен и авторитет господствующих классов этих стран. Эти классы потеряли всякую поддержку, вышли в отставку и очистили поле пролетариату. Так рабочему классу политическая власть досталась, как переспелый плод. Пролетариат не знал, что с этой властью делать, как ее использовать. Он не усвоил, какие задачи он должен разрешить в социальной революции, что после захвата политической власти главная его задача сводится к тому, чтобы начать борьбу за средства производства на основе советов, дабы таким образом построить коммунистическое хозяйство»². Как видим, по мнению программы, 9 ноября пролетариату досталась политическая власть, и вся его беда была лишь в том, что он не знал, «что с этой властью делать». Следовательно, у каапедистов нет самого элементарного марксистского представления об условиях и предпосылках завоевания власти пролетариатом, в чем это завоевание должно выразиться, о разрушении буржуазной государственной машины, создании вооруженной силы революции и т. д. и т. д., т. е. у каапедистов представление о «захвате власти» в основном социал-демократическое.

Каапедисты, с другой стороны, чрезвычайно эклектически понимают соотношение политической и экономической революции. У них это два противостоящих друг другу, отдельно происходящих процесса, из которых один—мало существенный, кончается очень быстро в уличной борьбе, а другой—экономический процесс—развивается очень длительно. Каапедисты совершенно не понимают, что «политика—концентрированная экономика», что процесс экономической революции есть процесс укрепления по-

¹ Цитировано по докладу Леви на II съезде Германской компартии, см. «Bericht über den 2 Parteitag der KPD», стр. 19.

² «Programm», стр. 10.

литической власти пролетариата. Всего этого каапедисты не понимают, ибо они фактически *отрицают диктатуру пролетариата*. Мы это докажем на основе бесспорного материала.

Обычно господствует представление о «левых», как о людях рвущихся в бой против капитала, когда к этому нет необходимых предпосылок, всегда желающих наступать, наступающих «огульно», без закрепления завоеванных позиций, без перегруппировки сил в процессе наступления и т. д. Несомненно, как мы уже говорили, у большинства сторонников каапедистов из рабочих большую роль сыграли настроения революционного нетерпения, желание перескочить через необходимый этап подготовки сил путем использования парламента, профсоюзов и т. п. для работы в массах. Например, лозунг антипарламентаризма безусловно этими рабочими воспринимался как чрезвычайно революционный, как боевой вызов старому обществу. Нам уже приходилось отмечать, что уже в 1919 г. было налицо расхождение между капитулянтской установкой идеологов Каапеды и настроениями идущих за ними рабочих. В речи на втором съезде германской компартии (октябрь 1919 г.) все тот же Вольфгейм говорит: *«Мы против организации путчистских движений. Это не задача партии—звать массы на улицу. Согласно нашим представлениям массовые движения сами возникают. Мы отвергаем всякий путчи́зм. У ЦК же и у тех, кто за ним стоит, все еще чувствуется путчистское в основном настроение»*¹. «Путчи́зм» тут, конечно, не при чем, соль же в другом: что *не следует партии организовывать восстания*, так как массовые движения сами возникают», так сказать самотеком. Мы уже приводили выше слова того же Вольфгейма и его собрата Лауфенберга, где они прямо высказываются против гражданской войны. Допустим, что это только выступления отдельных лиц. Но фактом является, что в ходе дальнейшей эволюции каапедисты *официально стали отвергать вооруженное восстание в целях захвата власти*.

Очень многословная и расплывчатая программа каапедистов ни единым словом не оговаривает необходимость вооруженного восстания, как предпосылки захвата власти пролетариатом, а в «руководящих» статьях «Пролетариера» вопрос ставится с похвальной определенностью. В цитированной уже нами статье Гюнтера о проекте программы Коминтерна приводится следующий тезис проекта: «Борьба должна быть подчинена правилам военного искусства и предполагает наличие плана наступления (установление места, назначение срока и т. д.)». По этому поводу автор говорит: «Путчи́зм, несостоятельность которого для революционных восстаний достаточно доказана опытом, продолжает служить фундаментом. Борьба между трудом и капиталом. Революция организуется, назначается день для открытия революционных действий, объявляется мобилизация, проводится парад—и тогда вперед, в бой. Живой характер движения, который единственно обеспечивает успех, тем самым убивается... Невозмож-

¹ «Bericht über den 2 Parteitag der KPD», стр. 32.

ность подобных «приготовлений» вытекает с несомненностью из предшествующего опыта. Сплошное болото провокаторов, в которое превратилась германская компартия, показывает, что буржуазия овладевает военным аппаратом «революционного пролетариата» и назначает сама час начала революционных выступлений»¹.

Не нужно доказывать, что «путчизм» тут ни к селу, ни к городу. Гюнтер в данном случае не оригинален, он повторяет только обычный прием социал-демократов: вопрос о вооруженной борьбе за власть подменить вопросом о путчизме, против которого Коминтерн, конечно, ведет борьбу. Если отбросить шелуху, то что же содержат в себе все эти утверждения? *Принципиальное отрицание возможности вооруженного восстания пролетариата против буржуазии* по двум причинам: невозможно, во-первых, подготовить восстание, всякое массовое движение должно притти само и не может быть организовано,—здесь точь в точь повторяется то, что Мартынов в свое время выдвигал против Ленина, подменяя вопрос о назначении восстания вопросом о назначении революции; во-вторых, организовать восстание невозможно из-за силы буржуазии,—сильней буржуазии зверя нет, посему безнадежно что-либо предпринимать.

Но если вооруженное восстание отвергается, то каким же образом произойдет захват власти пролетариатом? Каким же образом будет установлена «диктатура пролетариата», о которой говорят каапедисты? Как каапедисты вообще себе представляют ход революции?

«Революция,—пишет «Der Kampf»,—это не механический акт. Не путем единовременного столкновения обоих классов, не путем акта военного насилия пролетариат завоюет власть и станет хозяином средств производства. Революция—это исторический процесс. Это—целый ряд экономических и духовных явлений (буквально—происшествий.—Я. Б.), в процессе развития которых наступает духовная зрелость пролетариата, необходимая ему для решающего и окончательного спора (Auseinandersetzung) между трудом и капиталом»².

Во всех этих весьма туманных положениях ясно только одно, что пролетарский переворот отнюдь не является обязательной предпосылкой начала пролетарской революции; неясным совершенно остается, когда же вообще начинается революция. Ведь экономические и духовные явления, способствующие росту «духовной зрелости» пролетариата, протекают и при капитализме. Замечательно также чрезвычайно деликатное выражение о «споре» между трудом и капиталом.

Обратимся к другому высказыванию «Кампфруфа» в статье «К оружию», написанной в середине 1923 г., когда в Германии уже была налицо непосредственная революционная ситуация. Казалось бы, что газета зовет пролетариат к подлинному оружию. На самом деле статья говорит об об-

¹ «Proletarier» № 4 за 1925 г., стр. 68.

² «Der Kampf» № 17. 1922. Ст. «Unsere Stellung zum Lohnkampf».

ратном: «Кровавые псы капитала стоят вооруженные и ждут кровопускания, повод к которому им дают пролетарии посредством своей игры в солдатики. (Это говорится о работе компартии по подготовке к восстанию!—Я. Б.) Но пролетариат обладает более острым оружием, он имеет более широкий боевой фронт. Капитал воюет через купленных наемников. Пролетарии же составляют громадную преобладающую массу,—они—если только осознают свои задачи—могут иметь в своих руках предприятия, этот источник власти капитала... Пролетариат сможет проявить всю свою силу, если он на предприятиях объединится в организации, выполняющие только его собственную волю. Эти организации—оружие пролетариата. Они означают его освобождение от буржуазной идеологии. Они означают объявление войны капиталистической системе. С такими организациями пролетариат взорвет свои цепи и установит свою диктатуру... Эта форма организации есть то оружие, которое сообщит пролетариату материальную силу. Обладая этими организациями, пролетариат завоюет себе свое отечество—коммунизм»¹. Итак, создание «Betriebsorganisation», фабрично-заводской организации, заменяет полностью вооруженное восстание, которое в просвещенном представлении каапедистов есть только «игра в солдатики». Но эту организацию можно строить и при капитализме. Следовательно, то, что достигается восстанием, полностью может быть достигнуто развитием фабрично-заводских организаций при наличии... диктатуры буржуазии! Что мы не утрируем и в данном случае, мы покажем на ряде высказываний, составляющих своеобразную «левую» «теорию» мирного вращивания в социализм, теорию создания и развития советской системы при капитализме.

«Еще до того, как достичь власти, пролетариат должен создать себе основу советской системы. В борьбе за власть советы должны являться наглядным выражением классовой решимости и классового сознания пролетариата. Процесс создания советов олицетворяет процесс все большего развития его самосознания. Чем больше оттесняется (zurückgeschlagen) капитализм, чем больше буржуазная идеология вытесняется из пролетарских голов, тем все больше будут проявляться советы.

Всеобщий рабочий союз построен по единственно возможному принципу построения коммунистического хозяйства: по принципу советов. Союз—это основа классового боевого фронта, имеющего задачей устранить капитализм и создать фундамент пролетарского общественного хозяйства. Членами союза являются фабрично-заводские организации. Из предприятий исходит власть капитала; трудом пролетариев создается всякая возможность существования, создаются все предпосылки культурного усовершенствования. Путем объединения в фабрично-заводских организациях пролетарии становятся факторами силы и власти»².

Здесь, как мы видим, дана целая программа, целая теория движения

¹ «Der Kampf» № 21 за 1923 г.

² «Der Kampf» № 33 за 1922 г., ст. «Всеобщий рабочий союз и профсоюзы».

к социализму. Компартии рассматривают советы как органы вооруженного восстания во время революции и как органы пролетарской государственности после победы восстания. Советы должны создаваться только в условиях непосредственно-революционной ситуации, когда партия призывает рабочие массы к штурму капиталистического строя. Каапедисты же, которые подобно социал-демократии хотят добиться политической власти без вооруженной борьбы, считают возможным создание советов в условиях отнюдь не непосредственно-революционной ситуации. Ибо в оценке перспектив революции и силы капитализма каапедисты (как мы об этом уже говорили) проявляют крайний пессимизм.

Итак, *первый тезис каапедистов*: советы создаются в рамках капиталистического строя, причем советами по существу своему и по форме являются фабрично-заводские организации. Работа этих «советов», согласно «Кампфруфа», сводятся... к развитию самосознания рабочих. Можно привести целый ряд цитат, свидетельствующих о том, что каапедисты революционный процесс мыслят себе в основном как идеологический процесс «прояснения мозгов» пролетариата. Достаточно, чтобы это классовое самосознание пролетариев дошло до определенного уровня развития—и капитализму будет крышка, без особенных новых усилий со стороны пролетариата, без вооруженного восстания.

Нам уже приходилось приводить цитату, как себе каапедисты мыслят субъективные предпосылки для свержения капиталистического строя: 1) сознание, что старые формы организации непригодны для социальной революции, «сознание», что пролетариат никак не сможет использовать в целях революции учреждения капиталистического общества, в том числе профсоюзы, партии с вождями»; 2) сознание, что всякое участие в буржуазном парламенте губительно; 3) сознание, «что пролетариат в своей революции будет поставлен перед задачами, более трудными, чем те, которые когда-либо ставились перед классами в предшествующих революциях» и т. д.¹ Речь идет только о сознании и самосознании, которые «само собой» приведут к победе пролетарской революции. В данном случае мы у каапедистов находим много общего с «философией» Макса Адлера, который тоже «за революцию», но мыслит он себе ее протекающей в мозгах, а не в уличных боях: покой обывателя революцией не должен быть нарушен! Итак, *второй тезис каапедистов*: революционный процесс проявляет себя в развитии самосознания, что «самотеком» приведет к победе пролетарской революции без вооруженного восстания.

Третий тезис каапедистов: «отрицание» и непонимание могущества централизованной государственной власти буржуазии. Каапедисты твердят, что сила капиталистов—в предприятиях, где производятся материальные блага общества, что нужно и можно поэтому *свергать буржуазию «снизу»*, по предприятиям. Но каапедисты не видят того жесточайшего сопротивления, которое буржуазия оказывает пролетарской революции

¹ «Die Aktion» № 11—12 за 1926 г., стр. 274—275.

через свой государственный аппарат, войско, полицию и т. д. Или—так, очевидно, будет вернее сказать—они хорошо видят эту силу (они не могут не видеть, как буржуазия расправляется с революционным движением, пока у нее на это хватает пороха), и как истые обыватели-мещане приходят в крайний ужас и трепет перед могуществом буржуазии и под прикрытием всякого quasi-революционного словоблудия уклоняются от борьбы с капиталом, придумывают теории, как бы обойтись без такого беспокойства, как вооруженная борьба.

Наконец, *четвертый и основной тезис* каапедистов, представляющий вывод из всего сказанного: *это теория мирного вращивания в социализм через «Betriebsorganisation»*, теория, согласно которой эта организация еще в рамках капитализма становится «фундаментом будущего коммунистического общества», поскольку она является «началом коммунистического создания»¹. Наиболее яркое свое выражение эта теория мирного вращивания получила в следующей формулировке: «Идея революционного воссоздания советов развилась из самосознания революционного авангарда; идея советов из стадии революционной фразы перешла в область действительности. Авангард начал созданные на предприятиях советы (т. е. фабрично-заводские организации.—Я. Б.) «встраивать» (einzubauen) в капиталистическую форму хозяйства, как свои боевые и экономические организации (буквально: «Kampf-und Aufbau-organisationen») ². В другом месте «Die Aktion» дает такую формулу: «экспроприации экспроприаторов в день революции должна предшествовать духовная экспроприация предприятий производителями»³. Это значит, что через фабрично-заводские организации, т. е. через «советскую систему», пролетариат создает фундамент коммунистического общества, вникает в производство и т. д. «Революция» же, собственно, сведется к тому, чтобы (при достигнутом рабочем уровне развития классового самосознания) узаконить уже завоеванное пролетариатом положение. Поскольку пролетариат закрепится на производстве в «советах», политическая власть придет сама собой, как побочный продукт...

* * *

«Левые», которые пришли к отрицанию вооруженного восстания и «своей» ультралево́й теории мирного вращивания в социализм—разве может быть более яркий пример, что разные по лозунгам и по форме оппортунистические течения объединяются в конечном счете на отказ от классовой борьбы пролетариата?

Является ли такая эволюция характерной только для каапедистов? Нет. Мы считаем, что и троцкизм находится на том же пути к отрицанию

¹ Тезисы учредит. конгресса Каапеды о сущности и задачах фабрично-заводской организации, «Die Aktion» № 15—16 за 1920 г., стр. 202.

² «Die Aktion» № 30—40 за 1922 г., стр. 553—554, см. «Развитие коммунистического движения в Германии».

³ «Die Aktion» № 11—12 за 1926 г., стр. 277, из речи Ф. Пфемфорта.

вооруженного восстания против буржуазии и признанию возможности мирного перехода от капитализма к социализму. Какой иной смысл имеет следующее положение Троцкого в одном из последних его писаний: «Достижения Октябрьской революции свидетельствуют о том, какие неизмеримые возможности открылись бы перед Европой и всем человечеством, если бы социал-демократия Германии, Англии и других стран, где она даже формально может стать большинством, *стоит ей лишь «захотеть»*, т. е. стоит ей выдвинуть пролетарскую программу,—поставила в порядок дня социалистическое переустройство отношений на основе неразрывного сотрудничества с Советским Союзом»¹. Следовательно: 1) Троцкий допускает, что социал-демократия способна очень много сделать для социализма; 2) Троцкий считает, что с.-д. могла бы мирным путем, без свержения капиталистического строя, сделать то же, что в СССР достигнуто в условиях диктатуры пролетариата. Это—не обмолвка, ибо Троцкий во многих других своих писаниях последнего времени заигрывал с социал-демократами, и происходит весьма быстрый процесс сближения Троцкого со II Интернационалом.

Пойдешь «налево» от коммунизма—в конечном счете неизбежно придешь направо, к социал-демократии...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В форме тезисов сделаем теперь ряд обобщающих выводов о некоторых особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний. Как и в начале нашего очерка, мы считаем необходимым здесь подчеркнуть, что никоим образом не ставим себе задачей охватить вопрос более—менее полно: а) речь у нас идет только о «некоторых особенностях»; б) мы не ставим себе задачей специальный разбор вопроса о социальных корнях правого и «левого» оппортунизма в коммунистических партиях.

1. Два потока мелкобуржуазных шатаний «всегда имеют место рядом с пролетариатом», всегда проникают «в той или иной мере в среду пролетариата». Это «мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и социал-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле—таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма» (Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 325). Эти два «потока» мелкобуржуазных шатаний суть отражение буржуазной идеологии в рядах рабочего класса и его партии. В капиталистических странах это *отражение давления господствующего класса* капиталистов, в СССР «все и всякие уклоны от ленинской линии, имеющиеся в рядах нашей партии», представляют собой *«отражение сопротивления отживающих классов*

¹ Бюллетень оппозиции, № 10.

политике советской власти» (Сталин, XVI партсъезд, курс. наш). Правый оппортунизм более непосредственно отражает влияние буржуазии на рабочий класс. «Левый» оппортунизм дает обычно отражение буржуазного влияния как бы в кривом зеркале, через призму псевдо-революционных фраз и лозунгов.

2. Борьба на два фронта с «мелкобуржуазным реформизмом» и «мелкобуржуазной революционностью» внутри рабочего движения, борьба с право-оппортунистическими и «лево»-оппортунистическими уклонами, как с «представителями» этих двух потоков внутри партии, велась большевиками *во все без исключения периоды партийной истории*. Большевизм всегда проявлял в этой борьбе нестигаемую идейную непримиримость, преодолевая примиренчество к оппортунистическим уклонам, приобретающее на отдельных этапах партийной истории довольно значительный удельный вес. *Примиренчество к уклонам—трусливая форма выражения оппортунистических колебаний*. Примиренчество означает недооценку или даже прямое отрицание необходимости и важности борьбы с оппортунизмом на два фронта, попытку смазать и прикрыть оппортунистические шатания.

В зависимости от конкретной обстановки меняется роль той или иной разновидности оппортунизма и сообразно тому, в чем в данный момент заключалась главная опасность, большевизм и направлял наиболее сосредоточенный и сильный огонь партийной борьбы. Но борьба неизменно шла на два фронта.

3. Только люди, ничего не понявшие в большевизме, чуждые марксизму-ленинизму, могут борьбу партии на два фронта истолковать как центризм. *Во-первых центризм неспособен на действительную борьбу и не борется с оппортунизмом*. Там, где центризм имел значительный политический удельный вес, например в германской социал-демократии в период до войны, он (центризм) вел реальную борьбу только с левым, революционным крылом партии, по отношению же к правым центризм, как правило, лавировал, дипломатничал, сглаживал острые углы, прикрашивая ревизионизм в глазах рабочих масс. Центризм имел отдельные периоды колебаний влево, в связи с революционизированием обстановки. Но колебания эти не меняют его оппортунистической природы. Приписать центризму способность борьбы с оппортунизмом, да еще на два фронта—значит оппортунистически прикрашивать его. действительную сущность и обманывать рабочие массы. *Во-вторых*—центризм процветал во II Интернационале, представлявшем в довоенный период блок пролетарских и мелкобуржуазных интересов; центризм *невозможен в нашей монолитной пролетарской партии* (см. Сталин, речь на ноябр. пленуме ЦК 1928 г.).

4. В изучении определенной системы оппортунистических взглядов надо различать между уклоном и готовым течением. «Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить... Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного» (Ленин, Соч.,

т. XXVI, стр. 267). Чтобы изучить ту или иную разновидность оппортунизма, надо проследить весь цикл ее эволюции: от уклона внутри партии до его превращения во внепартийное, следовательно, контрреволюционное «готовое течение».

5. Между «левым» и правым оппортунизмом нет непроходимой грани. Элементы того и другого уклона переплетаются. Но политически вредным было бы не видеть различия между уклонами. «Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует» (Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 255). Изучение особенностей правых и «левых» оппортунистических уклонов имеет актуальное значение для борьбы партии. Изучение *особенностей* правого и «левого» оппортунизма ярче вскрывает *основное общее*, объединяющее разные уклоны от ленинизма.

6. И правый и «левый» оппортунизм отступают от революционной диалектики, и тот и другой неспособны к «всестороннему учету соотношений в их конкретном развитии» и «выдергивают кусочек одного, кусочек другого» (Ленин).

И правые и «левые» не понимают диалектического *соотношения политики и экономики*. Для тех и других характерно противопоставление экономики политике, «хозяйственного момента» «политическому моменту» (напр. Троцкий и Бухарин в профсоюзной дискуссии), попытки разгородить, как обособленные процессы, экономическую и политическую революции (Бухарин, каапедисты).

И правые и «левые» *не понимают диалектики развития через противоречие*. Для правого оппортунизма характерно филистерское «нежничание с природой и историей», стремление «очистить их от противоречий и борьбы» (Ленин о филистерах, IX, Лен. сб., стр. 117). «Левые» обычно много шумят о непримиримых противоречиях, но и им совершенно чуждо понимание диалектической сущности противоречия. Противоречие «левые» подменяют механическим противопоставлением явлений, не понимая единства и взаимного проникновения противоположностей. Для «левого» оппортунизма, в частности для троцкизма, характерно оперирование абстрактными категориями, понятиями, терминами, за которыми «левые» не видят действительных противоречий общественного развития. Например в момент кризиса взаимоотношений пролетариата и крестьянства на переходе от военного коммунизма к нэпу Троцкий «самое большое противоречие внутри рабочего государства» видел в несоответствии навыков и методов работы профсоюзов. В дискуссии 1923 г. троцкизм оперировал «планом», не видя классов и классовых соотношений, от которых зависят возможности планового хозяйства и т. д.

И «левые» и правые неспособны дать правильный анализ классовых отношений на данном этапе общественного развития, не понимают диалектики классовой борьбы.

7. Правым оппортунистам свойственно «отвращение к классовой борьбе», стремление *«сгладить и примирить, притупить острые углы»* (Ленин, курсив наш), мечтания о том, чтобы обойтись без классовой борьбы. В странах капитализма правые преуменьшают силу и глубину противоречий между рабочим классом и буржуазией, правые стремятся сгладить эти противоречия, идя фактически на поводу социал-фашистских теорий хозяйственной демократии, выдвигая лозунг контроля над производством в условиях диктатуры буржуазии (Брандлер). Правые в СССР «думают, что социализм можно построить втихомолку, самотеком, без классовой борьбы, без наступления на капиталистические элементы. Они думают, что капиталистические элементы сами отомрут незаметно, либо будут вращаться в социализм» (Сталин, XVI партсъезд).

«Левые формально стоят за непримиримую борьбу с буржуазией, они обычно кичатся своей непримиримостью. По существу же «левые», «уравнявая» мелкую буржуазию и буржуазию в отношении враждебности пролетариату, тем самым неизбежно умахают противоречия между пролетариатом и его главным и решающим антагонистом—буржуазией. Например, приравнявая середняка к кулаку, «левые» тем самым уменьшают и умахают остроту противоречий между пролетариатом и деревенской буржуазией. И для правых и для «левых» характерен мелкобуржуазный страх перед буржуазией, прикрываемое теми или иными фразами стремление к капитуляции перед ней (напр. степень стабилизации капитализма переоценивается и правыми и троцкистами).

8. Марксизм-ленинизм учит трезво взвешивать на каждой новой стадии борьбы все объективные данные: разрешение тактических и стратегических задач марксизм-ленинизм ставит в зависимость от экономических фактов, от соотношения классовых сил. В то же время марксизм-ленинизм отводит должное место субъективному фактору. Ибо при данных объективных условиях решающим для исхода борьбы рабочего класса является субъективный фактор—степень сознательности и организованности сил рабочего класса. Правильно поняв исторически-необходимое развитие, партия выдвигает цели, организующие и мобилизующие рабочие массы на борьбу за социализм.

В противовес этой точке зрения ленинизма-марксизма правый оппортунизм крайне недооценивает субъективный фактор, волю пролетариата, как данное, определяющее ход общественного развития капиталистического общества. Недооценка субъективного фактора у правых сочетается с переоценкой объективных трудностей борьбы. В понимании исторической необходимости правый оппортунизм *скатывается к объективизму*. С другой стороны, «левый» оппортунизм или мелкобуржуазный революционализм ревизует марксистско-ленинское понимание исторической необходимости, переоценивая значение субъективного фактора, недооценивая объективный фактор, игнорируя экономическую действительность, соотношение классов. В понимании процесса общественного развития «левые» *скатываются к субъективизму*.

И правые и «левые» оппортунисты исходят при этом из одинакового капитулянтского неверия в силы рабочего класса, в его способность преодолеть объективные трудности борьбы.

9. *Правый оппортунизм* выдвигает *непосредственно-капитулянтские лозунги*, лозунги отступления, прямой сдачи позиций классовому врагу. В странах капитализма взгляды правых по существу сводятся к замаскированному отказу от революционного свержения капиталистического строя. Группа Каменева—Зиновьева перед октябрём пыталась толкнуть партию на капитуляцию перед буржуазией. Теперь в СССР правые проповедают капитулянтскую установку на снижение темпов индустриализации, «продиктованную по существу интересами кулацко-капиталистических групп», что на деле «ведет к реставрации капитализма» и «означает предательство интересов рабочего класса» (Рез. XVI партсъезда).

«*Левый*» оппортунизм отличается *авантюристическими лозунгами*; «левые» забегают вперед, пытаются перескочить через определяемые объективными данными темпы и этапы развития, игнорируя факты действительности. Авантюризм «левых» имеет основой то же капитулянтство, безнадёжность в оценке сил и возможностей пролетарской революции. «Капитулянтство на деле, как *содержание*, «левые» фразы и «революционно»-авантюристические замашки, как *форма*, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание,—таково существо троцкизма» (Сталин, XVI партсъезд).

10. Авантюризм «левых» оппортунистов имеет своей самой глубокой основой не революционный оптимизм, а *чрезвычайный пессимизм мелкого буржуа*, приходящего в отчаяние при виде объективных трудностей борьбы пролетариата и думающего «преодолеть» их авантюристическим прыжком: в условиях буржуазного общества мелкий буржуа подобным прыжком хочет освободиться от разоряющего его капиталистического строя, в условиях СССР разоряющаяся городская мелкая буржуазия, не терпящая «режима» диктатуры пролетариата, старается «либо перескочить сразу в социализм, чтобы избавиться от разорения (отсюда *авантюризм и истерика* в политике), либо, если это невозможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда капитулянтство в политике)». (См. Сталин, речь на XVI партсъезде).

Например авантюристическая установка троцкизма в 1926—1927 гг. о преждевременном переходе в наступление на капиталистические элементы опиралась на ликвидаторскую, капитулянтскую теорию невозможности построения социализма в нашей стране. Эта теория была основана, с одной стороны, на отрицании возможности победоносного социалистического строительства в СССР и социалистического характера нашей революции, с другой стороны—на отрицании обострения неравномерности развития капитализма в империалистическую его стадию, на превознесении прочности стабилизации мировой капиталистической системы, на отрицании глубины противоречий третьего периода и допущении возможности целой «новой эпохи роста капитализма» (Троцкий, «Критика проекта

программы Коминтерна»). Авантюризм имел социал-демократическую по существу основу.

Когда рабочий класс перешел действительно в развернутое наступление на капиталистические элементы, троцкизм пришел в ужас и смятение, «требуя» отступления, выдвигая архи-правые лозунги снижения темпов индустриализации, отказа от сплошной коллективизации. Здесь ярче всего сказалась подлинная мелкобуржуазная сущность троцкистского авантюризма.

11. Вместо пролетарского руководства крестьянством в целях борьбы за социализм и уничтожения классов, правый оппортунизм подчиняет по существу пролетариат мелкой буржуазии. Для правого оппортунизма характерно стремление приспособления к мелкой буржуазии путем принижения задач пролетариата до уровня мелкой буржуазии, путем ограничения деятельности пролетарской партии рамками приемлемого для мелкой буржуазии. Правые хотят «социалистически» переделать крестьянское хозяйство без выкорчевывания корней капитализма, вне производственного кооперирования—коллективизации, через обращение. Ленинское учение о соглашении с крестьянством правые ревизуют, проповедуя такое соглашение, которое означает отказ от борьбы с капиталистическими элементами деревни и ведет к реставрации капитализма.

Для «левого» оппортунизма характерно враждебное отношение к крестьянству, приравнение его к буржуазии: «левый» оппортунизм пытается *сектантски отгородить пролетариат от мелкой буржуазии*, изолируя пролетариат. Троцкизм отрицает самую возможность социалистической переделки основных масс крестьянства. «Левые» отрицают возможность соглашения с основными массами крестьянства, держа курс на неизбежность гражданской войны между пролетариатом и крестьянством. Правые не видят кулака и бедняка, сливая все прослойки крестьянства в единый «средняцкий массив», «левые» видят только бедняка и кулака, не различая середняка—основную массу крестьянства.

При такой внешней противоположности позиций «левого» и правого оппортунизма налицо совпадение между ними в основном и решающем: и «левые» и правые не верят в силу пролетариата, в его способность завоевать крестьянство на сторону пролетариата, вести его за собой к социализму. И те и другие отрицают возможность социалистической переделки массы крестьянских хозяйств. Троцкизм отрицает возможность вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства в деревне. Правые формально признают эту возможность, «и в этом их отличие от троцкизма. Но признавая ее формально, они вместе с тем отрицают те пути и средства, без которых невозможно вовлечение крестьянства в дело построения социализма» (Сталин, XVI партсъезд).

12. В области революционно-освободительного движения колоний для правых характерна крайняя переоценка революционной роли буржуазии, стремление подчинить руководству буржуазии рабочее и крестьянское движение, ограничить массовое движение рабочих и крестьян рам-

ками приемлемого для туземной буржуазии (напр., позиция Роя и брендлеровцев в вопросах революционного движения в Индии). В конечном счете взгляды правых сводятся к меньшевистской формуле, что борьбу за буржуазно-демократическую революцию в колониях должна возглавлять буржуазия. «Левые» «перепрыгивают» через этап буржуазно-демократической революции, игнорируя мощное крестьянское движение, отрицая проблему гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции колониальных стран, выдвигая лозунг непосредственного перехода к диктатуре пролетариата. И в данном случае политический авантюризм имеет капитулянтскую основу. Несуразно-«левый» троцкистский лозунг диктатуры пролетариата для Китая имеет своей основой, с одной стороны, капитулянтское неверие в гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции в Китае, крайний пессимизм в оценке перспектив борьбы рабочих и крестьян Китая, с другой стороны—сходную со II Интернационалом оценку китайской буржуазии, якобы еще не перешедшей полностью на сторону контр-революции и способной в основном решить ряд коренных задач буржуазно-демократической революции в Китае.

Правых и троцкистов объединяет отрицание гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и в борьбе против иностранного империализма. И те и другие по существу *отрицают борьбу за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.*

13. И правые и «левые» ликвидируют самостоятельность пролетариата как класса. Правые—в результате политики, ведущей к растворению пролетариата в мелкой буржуазии, в результате искажения классовых целей пролетариата и принижения их до уровня мелкой буржуазии. «Левые»—в результате лишения рабочего класса его роли гегемона в борьбе всей массы трудящихся. Классовая самостоятельность пролетариата как передового класса, призванного возглавить весь фронт борьбы против капитализма, раскрывается в его руководстве массой трудящихся; «левые» же исключают возможность такого руководства.

14. Направлять «всю деятельность масс по пути сознательной классовой политики» (Ленин) можно только сохраняя тесную связь с массой рабочего класса. Путем упорной, настойчивой работы в массах большевики подтягивают сознание масс рабочего класса к уровню коммунистического авангарда, к пониманию классовых задач пролетариата. «Мы—партия, *ведущая* массы к социализму, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроений или упадка настроения масс» (Ленин, Собр. соч. т. XI, ч. I, стр. 177). Этому ленинскому пониманию взаимоотношений партии и класса противостоят хвостизм правых и сектанство «левых». Правые оппортунисты партийное руководство массами заменяют *хвостистским приспособлением к отсталым настроениям масс*, пытаясь завоевать расположение масс путем снятия лозунгов, выражающих классовые цели пролетариата, и подмены их групповыми и цеховыми интересами отдельных слоев рабочих; конечные цели движения подменяются заботами

сегодняшнего дня. Для «левого» оппортунизма характерно *сектантство, игнорирование масс, непонимание и прямое отрицание необходимости борьбы за массы*, боязнь масс, убеждение, что соприкосновение с рабочими массами должно неизбежно вести к принижению революционного сознания.

И здесь, при всем внешнем различии, основа у правых и «левых» оппортунистов—одна: неверие в возможность завоевания масс на сторону коммунизма. Правые отсюда делают вывод: снимай партийные лозунги, откажись от коммунистического лица, приспосабливайся к уровню отсталых слоев. «Левые» отсюда выводят дезертирство от труднейшей и тяжелой повседневной работы в массах.

15. Правое и «лево»-оппортунистическое искажение ленинского понимания взаимоотношений партии и класса получает яркое выражение на примере проведения тактики единого фронта¹.

Для правых оппортунистов характерно проведение тактики единого фронта путем приспособления к идеологии социал-демократии путем принципиальных уступок ей. Борьбу за частичные требования правые превращают в самоцель, не связывая ее с борьбой за диктатуру пролетариата, в конечном счете заменяя борьбу за свержение буржуазии борьбой за мелкое улучшение положения рабочих при капитализме. Вместо использования тактики единого фронта, как мощного орудия коммунистического воспитания масс, получается *капитуляция перед социал-демократией*. «Левые» же саботируют тактику единого фронта, они совершенно не понимают роли борьбы за частичные требования в деле подготовки сил революции. «Лево»-оппортунистический отказ от использования всех возможностей для работы в массах означает *фактическую сдачу позиций социал-демократам*, очищение им поля для неограниченного влияния и работы в массах рабочего класса. И здесь—в своеобразной форме—та же капитуляция перед социал-демократией.

16. И «левый» и правый оппортунизм отступает от организационных принципов большевизма в построении партии пролетариата.

17. Правый и «левый» оппортунизм—проявление мелкобуржуазной стихии. При различной аргументации и часто внешнепротивоположных лозунгах правые и «левые» приходят к одним и тем же капитулянтским выводам. Отсюда—нередкое явление блока между «левыми» и правыми. (Каменев—Бухарин; ультралевые и брандлеровцы в Германии). Этим же объясняется относительно быстрый переход отдельных товарищей от одной разновидности оппортунизма к другой (Бухарин—от преимущественно «левых» ошибок к правой платформе; Радек—от правооппортунистической установки в германских событиях 1923 г.—к «лево»-троцкистской оппози-

¹ В настоящей, как и в предыдущей статье (№ 6 «Прол. рев.») мы не разбирали эволюцию форм тактики единого фронта в связи с фашизацией социал-демократии. Формы этой тактики мы разбирали в соответствии с данной конкретной исторической обстановкой (Германия 1923 г. и т. д.). Ясно, что изменение форм тактики единого фронта не меняет ее сущности, как метода завоевания масс на сторону коммунизма.—Я. Б.

ции и т. д.). В борьбе против ленинизма объединяются различные оппортунистические течения (в настоящее время и «левые» и правые приписывают ЦК ответственность за перегибы в колхозном движении, одинаково говорят об отступлении и т. д.).

Задача партии «состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу на два фронта как с «левыми», представляющими *мелкобуржуазный радикализм*, так и с правыми, представляющими *мелкобуржуазный либерализм*. Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу с теми *примиренческими* элементами в партии, которые не понимают, или делают вид, что не понимают, необходимости решительной борьбы на два фронта» (Сталин, XVI партсъезд).

Я. Бронин

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ

Легальным марксизмом было окрещено известное течение общественной мысли в России, сложившееся в середине 90-х годов прошлого столетия среди передовых элементов русской буржуазии, устремивших свои взоры в сторону марксизма. Эволюция общественной мысли в России, весь ход развития идей русской интеллигенции, эволюция самого народничества—широко распространенной тогда в интеллигентских кругах идеологии—создавали внешний фон и подводили буржуазный либерализм в России к своеобразному восприятию марксизма.

В народнической идеологии, которая к этому времени испытывала наибольший кризис, буржуазия столкнулась с такой эволюцией взглядов, с такой программой и тактикой, которые в известном смысле не противоречили ее интересам. Мы имеем в виду «мещанский либерализм», каким окрестил Ленин либеральное народничество 90-х годов. Дело в том, что «капитализм, развиваясь с громадной быстротой в течение всей пореформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России,—патриархальное, полукрепостное крестьянство—вырывать его из средневековой, полufeодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто-капиталистическую»¹.

Эти факты не могли оставить неизменным народничество,—таким, каким оно было, когда не была разительной картина капиталистического развития России и когда отсутствовали сравнительно точные данные об экономике деревни. Несмотря на субъективное желание народников 90-х годов не замечать, замазывать все факты капиталистической действительности России, чтобы сохранить идеалы отцов, они бессознательно, а отчасти и сознательно, вынуждены были «вполне и целиком стать на почву капиталистических порядков». И получилась программа и тактика, идеология пошлого мещанского либерализма, которая не противоречила основам капитализма, интересам буржуазии. В самом деле, либеральные народники 90-х годов, признавая наличие капиталистических отношений, не ставили вопроса об уничтожении этой системы отношений, об уничтожении эксплуатации, о революционной борьбе, а ограничивали свою программу «штопанием и починкой», смягчением эксплуатации, примирением, в общем,—либеральными мероприятиями на данной почве. «Их идеалы не идут

¹ Ленин. «Что такое друзья народа», стр. 163.

далее исправного крестьянства, отбывающего «повинности» перед помещиком и капиталистом».

Эти краткие начатки либерализма—как характеризует Ленин программу и тактику либерального народничества, по своему существу заключали в себе черты, которые характерны для либерализма вообще: а) замалчивание антагонизма классов и эксплуатации трудящихся в России, представление этого антагонизма как «дефектов»; б) реформизм, «штопание дыр» капитализма, а не борьба за развитие новой ткани; в) оппортунизм, готовность идти на компромисс с правительством, политическое лакейство.

Ярко оттеняются черты этого вырождения народничества в мещанский оппортунизм, в кратко-либеральное штопание современных порядков, в «грошевый оппортунизм», «жиденский эклектизм», при сопоставлении его с революционным народничеством 60-х—70-х годов. И в этом сопоставлении ясно вырисовываются две стороны, которые боролись в самом народничестве: революционно-демократическая и либерально-реформистская, отражая и выражая двойственную душу мелкого буржуа.

В 90-е годы вместе с расколом деревни вследствие развития капиталистических отношений «раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой, выродившись в пошлый мещанский радикализм... пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное неразъединенное целое (как это было, например, в эпоху Чернышевского) «безвозвратно канула в вечность»¹.

Если в 90-е годы революционно-демократическую линию развития общественной мысли воспринял и продолжил рабочий социализм, то линию развития мещанского либерализма продолжил и развил буржуазный либерализм.

Отпочкование такой группы от народничества, как народоправцы (в 1893 г.), которая отказывалась от социализма и во главу угла своей деятельности выдвигала объединение всех сил для борьбы с самодержавием, за политическое преобразование России—свидетельствовало о банкротстве народнического социализма, и не могло не служить известной вехой, указывающей путь развития для спустя год появившегося легального марксизма.

Какая же задача выпала на долю легального марксизма 90-х годов по отношению к его предшественнику—мещанскому народническому либерализму? Очистить его от явной реакционности, уничтожить его мелкобуржуазную природу, его утопизм. Конкретно, это означало порвать окончательно с народнической «анти-капиталистической» идеологией. Это было необходимо, поскольку народники 90-х гг., признавая капитализм, на деле все же отрицательно относились к его развитию, продолжали считать его регрессом по сравнению с докапиталистическими порядками, не замечали прогрессивных сторон его, по сравнению с теми остатками азиатчины, кото-

¹ Ленин, т. 1, стр. 179.

рые продолжали задерживать экономическое, политическое и социальное развитие России. Народники квалифицировали происходивший процесс капитализации, как падение и ломку «устоев». Отбросив положительные демократические черты и продолжая развивать отрицательные реакционно-утопические идеи своих отцов, либеральное народничество в период 90-х годов становилось все более реакционным, по мере того как оно продолжало воспевать все отсталое в русской общественно-экономической жизни. Вот эту-то реакционную идеологию мещанства прежде всего уничтожал марксизм своей критикой. Но эту сторону в народничестве не принимала и выросшая в самостоятельную классовую силу промышленная русская буржуазия.

Вот почему, несмотря на то, что либеральное народничество в известной мере не противоречило интересам буржуазии, на долю идеологов последней выпала прогрессивная задача—участвовать, вместе с марксистами, в добывании старой народнической идеологии, в которую продолжали рядиться народники 90-х гг., далеко отошедшие от идей своих предшественников.

Тот факт, что идеологи прогрессивной буржуазии в качестве оружия для преодоления народничества выбрали именно марксизм, не будет удивительным, если мы вспомним о следующем обстоятельстве. Дело в том, что этим оружием не брезгали пользоваться и представители самого народничества. С помощью марксизма народники пытались подкрепить свои позиции. Так, например, Н—он, В. В., в известной мере и Михайловский, свой тезис «о невозможности капиталистического развития России» обосновывали тем, будто-бы марксистским положением, что для развития капитализма нужен внутренний и внешний рынок, а Россия лишена и того и другого. Это народническое заигрывание с марксизмом объяснялось научной силой марксистского учения, но эта же сила заставляла в свою очередь наиболее дальновидных представителей буржуазного либерализма того времени прибегнуть в борьбе против эпигонов народничества, к своеобразному восприятию марксизма. В какой мере легальные марксисты опирались на марксово учение, какие выводы они делали из этого учения применительно к вопросам русской действительности,—мы увидим из последующего изложения.

1. КРИТИКА НАРОДНИЧЕСТВА ЛЕГАЛЬНЫМИ МАРКСИСТАМИ

Посмотрим, в чем же состояла критика народничества легальными марксистами; в какой мере она была выполнена последним, каково ее значение, в чем ее непоследовательность и несостоятельность*. Борьба легальных марксистов с народнической идеологией не была изолированной и самостоятельной. Задача сокрушить народническую идеологию выпадала, конечно, в основном, на долю рабочего класса и его идейных вождей. Нужно вспомнить соотношение классовых сил и обстановку того периода, чтобы понять тот энтузиазм, с которым марксизм разрушал все-

возможные народнические представления; причем самые различные слои и даже классы, противоречия между которыми лишь впоследствии для всех выявились и обнаженно заострились, с помощью марксизма расширяли свое влияние, утверждали свое развитие.

В самом деле, появившиеся в результате капиталистического развития России буржуазия и пролетариат были, правда, по-разному заинтересованы в отстаивании перед лицом народничества прогрессивности капитализма, необходимости его дальнейшего более глубокого развития, поскольку этот процесс освобождал деревню и город от крепостнических пережитков, от сохранившихся в экономическом и политическом укладе полуфеодалных остатков старины. На этом как бы сходились задачи двух противоположных классов. Правда, либеральствующая буржуазия не шла дальше признания прогрессивности капитализма и добивалась сокрушения народничества вместе с его не только реакционными, но и революционными чертами. А пролетариат не ограничивался такого рода критикой, его задачи не укладывались в эти узкие рамки. Уничтожение крепостнической отсталости, как и преодоление народнической идеологии—объективно ставшей на защиту всей этой азиатчины—не составляло для пролетариата самоцели, а являлось средством, лишь промежуточным этапом для последующей борьбы за социалистическое преобразование общественных отношений. Вместе с тем, в интересах пролетариата было развить и использовать революционные черты народничества в борьбе против царизма. Но несмотря на эту понятную разноречивость в установках, на классовое отличие исходных положений, объективная обстановка все же обуславливала временный и частичный блок идеологов пролетариата и буржуазии, внешне проявившейся в недолговечном союзе революционного и легального марксизма, боровшегося против общего врага—народничества.

Это оригинально сложившееся положение, когда рабочее движение показывало себя, как основную силу будущей революции, обязывало буржуазных идеологов, подстегиваемых пролетариатом, воспевать хвалебные песни учению пролетариата—марксизму. Так, П. Струве в статье «Моим критикам», защищая себя от нападок Михайловского и других, победно вопрошал: «какая теория общественного развития более обоснована научно и философски, чем экономический материализм?» И несколькими строками ниже он отвечает, что «экономическая эволюция во всяком случае превосходно объясняется социологическим учением Маркса, и потому освещение вопроса об экономическом развитии России, с точки зрения этого учения, конечно, гораздо более научно, чем попытка выяснить тот же вопрос при помощи теорий, опирающихся на пресловутую «роль личности в истории».

В «Критических заметках», продолжая эти хвалебные гимны марксизму, Струве провозглашает, что «за этим учением (речь идет об историко-экономическом материализме Маркса и Энгельса) всегда останется та заслуга, что оно дало глубоко-научное, по истине философское, истолкование целому ряду исторических фактов огромной важности».

Более того, будучи сам недалек в некоторых основных вопросах от точки зрения Брентано (что дало основание Плеханову говорить о брентанизме Струве), цитируемый нами автор вынужден был признать, что брентанизм—«это отражение Маркса в буржуазной литературе». Русским публицистам, главным образом, народнического толка, Струве бросил вызов, обвиняя их в непонимании и нежелании понять марксизм. Ленин отметил это, как заслугу Струве, поскольку он первый выдвинул перед русской интеллигенцией этот справедливый укор.

Правда, уже тогда, и даже в той же цитированной статье, Струве оговаривался насчет того, что он только «по некоторым, а не основным вопросам примыкает к марксизму» и что «ортодоксией он не заражен». Однако, в борьбе с народничеством он довольно щедро расточал комплименты по адресу марксизма, не скрывая своих симпатий этому учению ¹.

Казалось бы, что после такого разбега, после таких хвалебных оценок, после всех заверений и глубоких реверансов в сторону марксизма будут сделаны не менее решительные шаги в деле практического применения марксистского учения и метода, в деле разоблачения народничества, выявления утопичности, вредности и реакционности его идей. Однако мы сейчас увидим, что критика народничества со стороны легальных марксистов была недостаточна и непоследовательна. В самой этой критике обнажались особые черты, характеризующие легальных марксистов как своеобразных идеологов либеральствующей буржуазии.

Наш разбор мы сосредоточим на произведениях П. Струве, поскольку он дал из всех легальных марксистов наиболее полную критику народничества ¹. Струве поставил перед собой задачу дать критику социоло-

¹ Приведем одну небезынтересную цитату из статьи П. Струве: «Наши утописты» («Новое слово» № 6, 1897 г.), в которой автор устанавливает истоки марксизма и отдает дань всемирно-историческому значению марксистского мировоззрения. «Для всякого сведущего, добросовестного и вдумчивого исследователя теперь должно все яснее и яснее обрисовываться историческое место, занимаемое Марксом в развитии европейской мысли. Даже если не вскрывать сложной и глубокой связи между общественными идеями и теми реальными отношениями, на почве которых они вырастают, даже если иметь дело лишь с идеологией эпохи, то нетрудно вполне отчетливо увидеть, какие великие умственные течения сливаются в один мощный поток в духовном творчестве автора «Капитала». По-первых, идеалистическая немецкая философия плюс ее позитивистическое отрицание в лице Фейербаха, во-вторых, французский социализм и, в-третьих, английская политическая экономия...

«Одна черта в этом новом до последнего времени упорно не давалась русским, знакомившимся с произведениями Маркса и даже изучавшим его. Черта эта, говоря коротко,—отрицание утопизма, строгий до неумолимости реализм в общественной науке и основанной на ней практической деятельности».

¹ Основная работа по систематической критике народничества была проделана, главным образом, П. Струве; остальные представители легального марксизма в своей критике касались только отдельных сторон и вопросов народнической идеологии. Критика Струве в этом отношении выгодно отличается от критики других легальных марксистов — Туган-Барановского, Булгакова, Бердяева. Это видно уже из того, что Струве поставил своей задачей «дать систематическую критику народничества, понимая это слово в широком смысле как теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы, и как систему догматов экономической политики». Вот по-

гических идей народничества с точки зрения марксизма и выяснить сущность этой идеологии. Отдельные замечания его о народничестве были чрезвычайно метки. Его оценка народничества, как слащавого оптимизма, была совершенно правильной, и недаром она вызвала полное признание Ленина. «Слащавый оптимизм»—так охарактеризовал г. Струве народничество, и это глубоко верно. Как же не оптимизм, когда полнейшее господство капитала в деревне игнорируется, замалчивается, изображается случайностью, когда предлагаются разные кредиты, артели, общественные запашки, как будто бы все эти «кулаки, коштаны, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики» и т. д., как будто бы вся эта «молодая буржуазия» не держала уже «в руках» каждую деревню»¹.

Разбор и критику идей народничества Струве пытался произвести путем противопоставления объективного метода субъективному. Такой подход, такая постановка вопроса должна быть признана опять-таки методологически приемлемой, вне зависимости от того, верно или неверно, достаточно или недостаточно разрешалась Струве задача критики народничества. Разрушение народнической системы идей действительно можно было начинать с критики методологических основ, с критики краеугольного камня народнических идей—субъективного метода социологии.

Точно так же правильно он поступил, выдвинув вопрос о сущности мировоззрения народничества. Но заслуга его ограничивается только постановкой этого вопроса, так как истолкование его оказалось недостаточным, а подчас и неверным.

Отмечая положительные стороны в критике народников легальными марксистами, мы хотели бы указать, еще на то обстоятельство, что при анализе ими российской общественно-экономической действительности, как и в сокрушении народнической идеологии, они пропагандировали марксизм как передовое учение и тем самым способствовали более широкому распространению его среди передовых элементов русского общества. Это также должно быть отнесено к числу заслуг легальных марксистов.

А дальше, за чертой этих заслуг, обнаруживается половинчатость и недостаточность этой критики, непоследовательность в применении марксистского метода и ошибочность отдельных положений, свидетельствующих либо об уступках воззрениям народников, либо об открытой апологии капиталистических отношений. Это неудивительно, поскольку легальные марксисты в конечном счете представляли интересы передовой буржуазии. Перейдем теперь к конкретному рассмотрению некоторых особенностей критики народников легальными марксистами, чтобы убедиться в справедливости наших утверждений.

За примерами далеко ходить не придется. Так, П. Струве, подвергая критическому разбору методологию народничества и систему их социально-

чему выяснение вопроса о критике народнической идеологии легальными марксистами приходится произвести преимущественно на разборе «Критических заметок» Струве и отдельных его статей, разбросанных в различных журналах того времени.

¹ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 259 (2-го изд.).

экономических воззрений, даже не поставил вопроса о классовой сущности их идеологии, а ограничился лишь анализом двух положений, составлявших, по его мнению, источник и основную идею народничества. Этими положениями были: 1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особых, самобытных его исторических судьбах.

Уже сама эта постановка вопроса говорит нам о том, что здесь П. Струве не выполнил одного из азбучных требований марксизма и не свел идей народников к общественно-экономическим отношениям. Вот почему эта постановка вызвала совершенно справедливые нарекания со стороны Ленина: «Такая характеристика сущности народничества требует, мне кажется, некоторых исправлений. Она слишком абстрактна, идеалистична, указывая господствующие теоретические идеи народничества, но не указывая ни его «сущности», ни его «источника»¹.

А сущностью народничества являлось представительство интересов мелких товаропроизводителей. Источником народничества было «преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России». Не поняв этого, Струве оказался, например, не в состоянии объяснить сущность и отыскать корень теоретических ошибок народников, а также выяснить действительную социально-политическую роль народничества, его двойственность (с одной стороны—революционный демократизм, с другой—реакционный утопизм), выражающую двойственное положение мелкого буржуа.

У Струве, правда, имеется попытка протянуть нить между идеями народничества и социально-экономическими отношениями. В отдельных местах своей работы он характеризует народников, как идеологов натурального хозяйства, представляя этим самым народников как консервативную силу. Такая характеристика, однако, помимо того, что она недостаточно выдерживается до конца в струвистской критике народничества,—является в корне неверной. Народничество—исторический продукт развивавшихся товарных отношений в русской экономике, в частности в деревне. Правда, эти отношения недостаточно развились,—отсюда реакционный в тех условиях протест народников *против капитализма* как высшей ступени развития товарных отношений. Но вместе с тем, именно развитие этих отношений разлагало в России феодальные остатки; отсюда народнический протест *против феодализма*, составлявший основу прогрессивных сторон народничества тех времен. Социальная характеристика народников, данная Струве («идеологи натурального хозяйства»), смазывала совершенно всю эволюцию народничества и топила в этой общей формулировке прогрессивные и даже революционные стороны народничества, от которых «открещивались» легальные марксисты, но вовсе не отстранялись революционные социал-демократы. Это игнорирование революционных сторон

¹ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 271.

народничества, это желание представить народническую идеологию как сплошь консервативную, как идеологию отживших натуральных отношений выявляло либерально-буржуазные тенденции Струве.

«Своеобразно» Струве растолковывает и идейные корни народничества; он их находит в споре славянофилов с западниками. Это фактически неверно, так как «народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и капитала»¹. Конечно, народничество отразило эту противоположность в «кривом зеркале» своей утопической идеологии. Но и этого отражения не могло бы быть, если бы народничество представляло собой продукт чистых «натуральных», дотоварных отношений. Ибо капитализм появляется на почве товарных отношений, представляя собой определенную ступень их развития.

В результате у Струве получается недостаточная, абстрактная, идеалистическая характеристика народничества; он в некоторых случаях сам становится на идеалистическую точку зрения, впадает в догматизм, когда, например, рассуждает о прогрессе. Ленин по этому поводу замечает, что «основная ошибка» г. Михайловского именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять «прогресс» вообще, вместо изучения конкретного «прогресса» какой-нибудь конкретной общественной формации. Когда г. Струве выставляет против г. Михайловского свои общие положения... он повторяет его ошибку, отходя от изображения и выяснения конкретного процесса в область туманных и голословных догм».

Замечание Ленина находит свое полное оправдание, если принять во внимание, как например, общие, ничего не говорящие рассуждения Струве о зависимости личности от степени развития дифференциации социальной среды, рассуждения, построенные вне связи с определенным моментом развития конкретных общественных отношений, и т. д.

Отмечая приведенные выше недостатки струвистской критики народничества, Ленин подчеркивает основную черту большинства рассуждений Струве—это профессорский объективизм. И эта черта была далеко не случайной, являясь типичной в России для буржуазных апологетов 90-х годов. В чем же особенность этого объективизма буржуазного толка и его отличие от объективизма подлинно-марксистского? С исчерпывающей полнотой на этот вопрос отвечает Ленин:

«Материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исто-

¹ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 279.

рических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹.

Профессорски абстрактный подход к анализу народничества у Струве сказывается с наибольшей ясностью, когда он переходит к рассмотрению социально-экономических отношений в России и к критике народнических взглядов в этой области. Здесь Струве ограничивается только «одной, наиболее общей стороной теории», не проводя ее с должной последовательностью и не доводя анализа русской действительности до выявления тех новых классовых отношений, которые рождались вместе с ломкой докапиталистических отношений и развитием капитализма. Он любовно охаживает мысль о законности и неизбежности капитализма, постулируя это в виде голых положений, не привлекая для доказательства конкретных материалов. Ленин делал Струве тот справедливый упрек, что разложение старого крепостнического строя нужно было констатировать на фактах, а не в виде голословных утверждений.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что Струве особенно восторгался Листом, певцом промышленного капитализма, развивавшим мысль о значении фабричной промышленности для сельского хозяйства, вместо того чтобы выяснить вопрос о конкретных формах товарного хозяйства в России, о его отношении к крепостническим пережиткам, о формах капиталистической эксплуатации масс, и т. д. Не выяснив конкретных классовых отношений в России, Струве не мог определить классовой сущности народничества и мог лишь поставить вопрос о том, какую форму производственных отношений они отражали, давая на этот вопрос ошибочный ответ, представляя народников как идеологов натурального хозяйства.

Необходимо отметить, что Струве усматривал капиталистическое развитие главным образом в развитии промышленности, не понимая процесса капитализации сельского хозяйства (это представление было характерно вообще для легальных марксистов). Не понимая специфических форм, индивидуальных особенностей, которые приобретал капитализм, в самом сельском хозяйстве, Струве сходил с рельс марксизма и прямо отрицал некоторые его положения, чтобы объяснить хотя бы такое явление, как аграрное перенаселение в России. Последнее по существу было выражением развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве; Струве же объяснял его по-мальтузиански—несоответствием средств существования и рождаемости.

Также неправильно причину основного факта экономического развития деревни—процесса дифференциации крестьянства Струве усматри-

¹ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 275.

вал в «технической нерациональности» крестьянского хозяйства. Эта же техническая нерациональность служила Струве для объяснения экономической кабалы, на которую обрекалась крестьянская беднота. Уже одной этой постановкой вопроса центр тяжести у него переносился из области отношений крестьянина к помещику в область рассуждений о пользе с.-х. техники! Вопрос о рынке Струве разрешал общим указанием на возможность его развития, вместо конкретного доказательства на фактах русской действительности.

Особенно рельефно отступление его от марксизма и, вместе с тем, уступки народническим представлениям сказались в защищаемом им взгляде, что экономические преимущества крупного производства над мелким в сельском хозяйстве не приводят к поглощению мелкого производства крупным.

«Тем, кто опирается на учение Маркса,—писал Струве,—не пристало отрицать значения экономических и технических особенностей сельскохозяйственного производства, благодаря которым в известных случаях мелкие предприятия имеют экономические преимущества над крупными,—хотя бы сам Маркс и отрицал значение этих особенностей»¹.

Итак, мы видим что узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности, необходимости известного процесса и не стремящийся вскрыть в каждой конкретной стадии процесса присущую ему форму классового антагонизма, составлял характерную черту легальных марксистов, сказавшуюся уже в критике народничества. Неудивительно, что этот узкий объективизм, за которым скрывалась буржуазная сущность легальных марксистов, приводил последних к отмеченным нами уступкам как раз в тех вопросах, где марксизм, казалось бы, должен был выступать со всей своей непримиримостью.

Но особенно обнажалась классовая природа легальных марксистов в открытой апологетике промышленного капитализма. Мы имеем в виду следующие слова Струве, внешне как будто бы направленные против народничества: «Мы отвергаем одно из самых краеугольных положений народнической теории экономического развития России,—положение, что развитие крупной обрабатывающей промышленности разоряет крестьянина-земледельца»².

Эта попытка замазать противоречия капиталистического развития и сопровождающее его разорение мелкого производства, эти попытки под видом критики народничества ополчиться против одного из основных положений марксизма как нельзя лучше вскрывают классовую природу легальных марксистов. Она станет нам понятна, если мы вспомним (о чем мы говорили раньше) огульную критику ими народничества без подробного выяснения, помимо отрицательных и положительных моментов народнической идеологии. А между тем, в старом народничестве, в крестьян-

¹ П. Струве, «Критические заметки», стр. 111.

² П. Струве, «Критические заметки», стр. 246.

ском социализме 60-х и 70-х годов было многое, возвышавшее их над буржуазными идеологами. Это—демократизм и революционность.

Замазывание этих черт старого народничества было выгодно для «восходящей» промышленной буржуазии, интересы которой и представляли легальные марксисты. В противовес им идейные вожди пролетариата по праву считали себя наследниками лучших традиций социализма истекших десятилетий, имевшихся и в революционном народничестве.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ МАРКСИСТОВ

Критика народничества легальными марксистами обнаружила непоследовательность применения ими марксистского учения. При этом особенно наглядные отступления от марксизма легальные марксисты допускали в своих экономических воззрениях. Поскольку экономические их взгляды представляют самостоятельный интерес и поскольку в их проповеди легальные марксисты проявляли отличительные особенности своей идеологии, как апологетики капиталистического развития, остановимся на специальном разборе этих воззрений.

Мы видели, что, когда дело касалось вопросов борьбы с народничеством, легальные марксисты прибегали к марксистскому оружию и с его помощью одерживали победу. Но как только закончилась борьба с народничеством, легальные марксисты, игнорируя выводы, к которым их приводил спор с народничеством, не стеснялись в других, и особенно в некоторых экономических, вопросах выставять прямо народнические положения.

Перечень экономических проблем, вокруг которых вращалась мысль легальных марксистов и которые нам хотелось бы подвергнуть разбору, может быть сведен к следующему: 1) вопросы, по которым приходилось дискутировать с народниками—вопросы о рынках, кризисах и т. д.; бегло эти вопросы мы освещали уже в предыдущей главе; 2) вопросы, связанные с методологией теоретической политической экономии; 3) конкретные вопросы экономического развития России, тенденции ее развития. Не собираясь дать исчерпывающий анализ и критику, мы постараемся на разборе критических и позитивных взглядов легальных марксистов на экономические темы дать социологическую обрисовку их идеологии, вскрыть либерально-буржуазную ее сущность.

К 90-м годам, когда Россия шагала уже победным маршем по капиталистическому пути, отживающее народничество продолжало еще отстаивать и цепляться за старые, разрушавшиеся устои. Основной твердыней в борьбе с марксизмом для марксистующих народников Николая—она и В. В. служило якобы марксистское положение, что для капиталистического развития стране необходим внешний рынок. А так как Россия, поздно вступившая на рельсы капиталистического развития, была лишена внешнего рынка, то для нее якобы был закрыт, исключен путь капиталисти-

ческого развития. С другой стороны—капитализация сельского хозяйства, по их мнению, должна была сокращать и внутренний рынок, поскольку под капитализацией народники понимали обнищание, пауперизацию масс.

Против этой народнической премудрости и выступили легальные марксисты, причем в противовес Н—ону и В. В. некоторые легальные марксисты, как напр. Булгаков, выставляли марксов анализ и схемы воспроизводства. Насколько глубоко вынужден был Булгаков забираться в дебри марксова анализа, показывает уже тот факт, что Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» в примечании пишет, что «для читателей, не имеющих возможности ознакомиться со II томом «Капитала», можно рекомендовать изложение марксовой теории реализации в... книге С. Булгакова»¹.

Однако было бы неправильно полагать, что легальные марксисты полностью и целиком соглашались со всеми положениями Маркса в этом вопросе. Если марксистствующие народники, как мы видели, с помощью якобы марксистского учения приходили к выводу о невозможности капиталистического развития в России, то легальные марксисты пытались использовать Маркса исключительно с целью непосредственной апологетики буржуазного развития. В этой связи характерно замечание Тугана о том, что «анализ Маркса остался незаконченным и неиспользованным им самим для каких-либо общих выводов. Его знаменитые схемы остались без своего логического завершения, как бы совершенно инородным телом в стройной системе марксизма»².

В работе «Периодические промышленные кризисы в Англии»,—установив и согласившись с Марксом, что целью капиталистического производства является не производство продуктов ради их потребления, а производство прибавочной ценности, что основной движущий нерв капитализма заключается в накоплении капитала, изложив схемы расширенного воспроизводства,—Туган приходит к выводу о том, что «капиталистическое производство само для себя создает рынок». Это положение само по себе еще ничего еретического не предполагает, если иметь в виду необходимые ограничения, которые должен был бы сделать автор. Но этих ограничений Туган не только не делает, а еще больше заостряет выдвинутое им положение, впадая в ошибочное, чрезмерно расширительное толкование своей формулировки. Он не только не указывает на относительный характер процесса создания рынка самим капиталистическим производством, но выставляет другое, прямо ошибочное положение о том, что «размер рынка в капиталистическом хозяйстве отнюдь не определяется размером общественного потребления. Если машина замещает рабочего, то общественный спрос на предметы потребления... сокращается, но зато возрастает спрос на предметы производства»³.

Туган доводит до абсурда правильные марксистские положения. По-

¹ Ленин, Сочинения, т. III, стр. 29.

² Туган-Барановский, «Промышленные кризисы», изд. 1914 г., стр. 213.

³ Туган-Барановский, там же, стр. 222.

этому у него получается, что производство идентично сбыту, что при безграничном расширении производства, взятого само по себе, и сбыт и способность поглощения продуктов производства тоже не имеют границ. Во всех этих положениях проглядывает стремление затушевать кардинальное противоречие капиталистического производства, противоречие между производством и потреблением, стремление обойти, замолчать те коллизии, с которыми связано накопление капитала в условиях относительно суживающейся базы потребления производительных классов капиталистического общества.

Несколько видоизменив постановку вопроса и приписав Марксу не совсем правильные мысли, Туган делает следующий вывод: «распространенное мнение, которое в известной степени разделялось и Марксом, что нищета рабочих, образующих подавляющее большинство населения, делает невозможной, вследствие недостаточного спроса, реализацию продуктов все расширяющегося капиталистического производства,—должно быть признано неправильным»¹. Обойти совершенно молчанием относительное сокращение потребления в капиталистическом обществе Туган не мог. Этот очевидный процесс требовал недвусмысленного разъяснения. Но и здесь отрыв производителя от потребления, допущенный Туганом в абстрактном анализе, послужил ему трамплином, с помощью которого он совершил прыжок к выводу о том, что «невзирая на абсолютное сокращение общественного потребления, не возникает никаких трудностей для реализации общественного продукта... Потребление средств производства заменяет собой человеческое потребление»².

Это положение Туган признает парадоксом капиталистического производства. Мы не станем подробно критиковать и опровергать это, очевидно ошибочное, положение, подметим лишь тот социальный смысл, который в нем заключается. Если капитализм сам для себя создает рынок, если потребление никакой роли не играет при капиталистическом производстве, если относительно более быстрый рост производства средств производства сравнительно с производством средств потребления совершается беспрепятственно и никаких преград не встречает со стороны общественного потребления,—то ясен отсюда вывод о возможности безграничного, беспредельного развития и существования капиталистического общества.

Туган так прямо и заявляет, что если заместить всех рабочих, вплоть до одного, машинами, то «этот единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин».

«Итак,—говорит он под конец,—до бесконечности, пока не будет исчерпаны естественные запасы соответствующих минералов»³.

Этот вывод о безграничности капиталистического производства, о том, что капитализм не может себя социально исчерпать, что границы

¹ Цитир. по Люксембург «Накопление», стр. 312.

² Туган-Барановский, «Промышленные кризисы», стр. 227.

³ Там же, стр. 229.

ему поставлены лишь естественными ресурсами, Туган развивает еще дальше, когда переходит к рассмотрению того, как эта диспропорция между производством и потреблением отражается на капитализме, он говорит: «Капиталистическое хозяйство не подвергается опасности крушения даже при огромном абсолютном сокращении народного потребления. Неизбежность крушения капиталистического способа производства вследствие недостаточности рынка,—этот символ веры... «ортодоксов» и некоторых «ревизионистов»—оказывается чистейшей фантазией. Капиталистическая оболочка современного общества не рискует лопнуть даже при таких условиях, которые, повидимому, противоречат всем естественным задачам хозяйства»¹.

Это, в сущности, и являлось тем желанием и центральным выводом, обосновать который пытался Туган в противовес революционному марксизму. Что именно это положение и обоснование его шло вразрез с правильным марксистским анализом капиталистического производства, в котором экономически доминирующим противоречием являлось противоречие между производством, носящим общественный характер, и присвоением, носящим частный характер (на основе антагонистических отношений производства), свидетельствует уже тот факт, что этот пункт являлся мишенью нападения Тугана и других легальных марксистов в их критике экономических воззрений Маркса. Можно было бы привести многочисленные цитаты, в которых Туган ясно высказывал свое несогласие с основными тезисами Маркса по этим вопросам (на стр. 212, 209 того же сочинения).

Нам остается еще указать на то, как Туган оценивал так называемую диспропорцию в капиталистическом обществе. «Уничтожив» основное противоречие в капиталистическом обществе между производством и потреблением, признание которого обязало бы Тугана и легальных марксистов признать необходимость крушения капитализма, вследствие неразрешимости этого противоречия в рамках капитализма, Туган не отвергает второго противоречия,—диспропорцию в развитии отдельных отраслей, связанную с анархичностью капитализма. Но эта диспропорция, по его мнению, не ведет к крушению капитализма, потому что она стихийно исправляется имеющими место периодическими кризисами. Он говорит: «Приближение к такой пропорциональности достигается капитализмом с величайшим трудом, путем кризисов и уничтожения чрезмерно расширяющихся отдельных предприятий»².

Маркс на основе абстрактного анализа и схем сделал совершенно противоположные выводы тем, которые высказал Туган, и оба они отобразили две идеологии двух противоположных классов капиталистического общества—буржуазии и пролетариата. Разная точка зрения на вопросы капиталистической действительности сказались в оценке этих явле-

¹ Туган-Барановский, «Промышленные кризисы», стр. 228.

² Там же, стр. 232.

ний. Туган не скрывал своего несогласия с Марксом, когда еще в 1898 г. (в «Мире божьем», возражая Булгакову) заявлял, что «изложенное у меня решение вопроса о роли внешнего рынка для капиталистической страны, целиком принимаемое г. Булгаковым, отнюдь не взято у Маркса».

Так обстоит дело со всей концепцией Тугана. Обратимся теперь к Булгакову. Последний, казалось, более последовательно принимал марксов анализ общественного воспроизводства, тем самым создавая впечатление большей ортодоксальности в решении вопроса о рынках и судьбах капитализма в России. Булгаков даже обвинял Тугана за переделку схем Маркса, подчеркивая, что схемы Тугана «благодаря отступлению от образца в значительной степени теряют свою убедительную силу и не разъясняют процесса общественного воспроизводства»¹. Это впечатление большей ортодоксальности Булгакова усиливалось еще и благодаря тому, что он почти исключительно оперировал марксовой схемой воспроизводства и его теорией реализации, с особой настойчивостью в противовес народникам подчеркивал значение марксова деления всего общественного производства на производство средств производства и производство средств потребления. Он заявлял, что «в одном этом делении больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших словопрениях относительно теории рынков»². Но при ближайшем рассмотрении всех положений Булгакова мы приходим к выводу, что его ортодоксальность оставалась лишь внешней, формальной и лопалась, как мыльный пузырь, как только Булгаков переходил к ответам на вопросы, выдвигаемые развитием капитализма. Во всех практических выводах он полностью солидаризировался с Туганом. Уже в теоретическом этюде «О рынках при капиталистическом производстве» Булгаков, указывая, что он воспользовался очень ценным, но почему-то не утилизированным в науке анализом общественного воспроизводства, который он нашел во II томе «Капитала» Маркса, добавляет, что этот анализ «не давал законченного ответа» на вопрос о рынке.

И дальше, изложив марксов анализ общественного воспроизводства, Булгаков, в полном соответствии с Туганом, приходит к выводу, что «капитализм может существовать при известных условиях исключительно внутренним рынком,—нет внутренней необходимости, свойственной капиталистической форме производства,—необходимости, в силу которой внешний рынок может поглотить избытки капиталистического производства». Это положение Булгаков обосновывает, с одной стороны, марксовой схемой общественного воспроизводства, а с другой—анализом отношений между производством и потреблением в капиталистическом обществе. И в этом последнем анализе он приходит к выводам, которые являются прямым отступлением от Маркса. Он пишет, что «развитие производства сокращает потребление... Расширение воспроизводства не совершается и не

¹ Булгаков, т. I, стр. 248.

² Булгаков, т. I, стр. 27.

может совершаться за счет потребления. Между тем это расширение есть внутренний имманентный закон капиталистического производства. Выход из этого противоречия заключается в том, что рынком для добавочного количества продуктов является само расширяющееся производство». Правильно устанавливая наличие антагонизма между условиями производства и потреблением в капиталистическом обществе, Булгаков разрывает совершенно связь между производством и потреблением, слишком увлекается относительной независимостью производства от потребления в капиталистическом обществе, когда потребление лишь в конечном счете сказывается на производстве, и приписывает производству абсолютное значение. Отсюда он попадает полностью в план тугановских построений.

И у него, как и у Тугана, получается чудовищное положение о том, что «капиталистическое производство способно к безграничному расширению, несмотря или даже вопреки сокращению потребления... Единственным рынком для капиталистического производства является само это производство»... Он интерпретирует Маркса в таком смысле, что по Марксу «расширение производства имеет своей границей размеры капитала и зависит только от этих последних».

Булгаков изображает капиталистическое развитие «как замкнутый круг, в котором капиталистическое производство не зависит ни от какого внешнего рынка, а само в себе довлеет, и в котором оно способно к автоматическому, так сказать, возрастанию путем накопления».

Свой тезис о независимости капиталистического накопления от внешнего рынка Булгаков аргументирует тем, что последний не решает вопроса о реализации прибавочного продукта, так как страны, ввозящие вынуждены свой ввоз покрывать вывозом.

Совершенно правильная постановка вопроса о необходимости абстрагировать анализ реализации от внешнего рынка приобретает у Булгакова такую трактовку, будто не социально-исторические условия приводят к зависимости внутреннего рынка отдельной страны от внешнего, а, так сказать, только естественные; будто существуют страны, которые по своим естественным условиям вынуждаются к ввозу, а следовательно, и вывозу, и, наоборот, такие страны, которые избавлены от этой необходимости, как, например, САСШ. Тут Булгаков возвращается к струвистской постановке вопроса, о которой мы будем говорить дальше.

Подведем общий итог взглядам Булгакова и Тугана.

Заслуга их в вопросе о рынках и теории реализации заключается в том, что они в противовес народникам признавали вполне законным абстрактный анализ этой проблемы и считали возможным отвлечься при решении этих вопросов от проблемы внешнего рынка и от конкретно-исторических условий существования и развития капитализма в России. Этим, пожалуй, ограничивалась в данном случае полезная роль в деле подрыва народнической идеологии. Отчасти выполнив эту задачу, они направляли свои удары уже против центральных, революционных положений Маркса.

В чем же социальный смысл теории легальных марксистов о рынках; почему и Туган и Булгаков переусердствовали в защите Маркса от отечественных романтиков-народников; почему так рьяно и горячо отрицали необходимость внешнего рынка при анализе теории реализации? Ответ напрашивается сам собою. Их теория была буржуазной потому, что она оправдывала не только необходимость капиталистического развития на определенный исторический период, но доказывала возможность безграничного развития капитализма, поскольку капиталистическое производство, реализация и накопление в их трактовке не имели никаких мыслимых пределов.*

Другими путями к этому же выводу приходил и Струве. Не понимая сущности марксовых схем воспроизводства, не придавая им сколько-нибудь существенного значения, он вообще избегал теоретического анализа в данном вопросе, держась ближе к выяснению конкретно-исторических вопросов капиталистического развития России.

Хотя Струве несколько особняком стоит от Булгакова и Тугана, поскольку признает необходимость третьих лиц для реализации прибавочной стоимости, но лейт-мотив его в борьбе с народничеством одинаков с ними: России даны безграничные возможности для развития капитализма и внутреннего рынка, поскольку у нее обширная территория, население и огромное число «третьих» лиц, которые способны реализовать прибавочную стоимость, служа источником накопления. Струве и не заметил, как он в конце концов скатился к народнической постановке вопроса, когда вслед за народниками считал, что исчерпание внутреннего рынка ставит перед страной проблему внешнего, в форме проблемы «третьих лиц». Его отличие от народников заключается лишь в том, что он большой оптимист в отношении границ внутреннего рынка для России в то время, как народники высказывали пессимистические взгляды на этот предмет. Народники «отрицали» капитализм, потому что он разоряет мелких производителей, а по Струве—промышленный капитал не разоряет, а сохраняет мелкое с.-х. производство в качестве рынка. Этот оптимизм, хотя и исходящий из других теоретических положений, объединяет Струве с остальной плеядой легальных марксистов в вопросе о рынке.

Пожалуй, только в этом одном из экономических вопросов нам приходится столкнуться с попыткой легальных марксистов в той или иной мере опереться на марксово учение. В постановке ими остальных экономических вопросов уже не видно следов марксизма. Попытки превращения его в эклектическое учение граничат с прямым его отрицанием. В одной из центральных проблем политической экономии, в проблеме стоимости, а главное—прибавочной стоимости, в методологии самой этой науки вся эта компания—Струве, Туган, Булгаков—отрицает самые основы марксизма, причем главный удар направляется против теории прибавочной стоимости. Сквозь теоретическую премудрость легальных марксистов проглядывают и здесь либерально-буржуазные их тенденции. Так, еще в ранних работах Туган заявлял, что «технический прогресс находит свое

выражение в том, что значение средств труда—машин—все более возрастает по сравнению с живым трудом, с самим рабочим... Рабочие отступают на задний план по сравнению с машиной». Эту, казалось бы, верную мысль о тенденции к повышению органического состава капитала и относительному сокращению переменного капитала по сравнению с постоянным Туган доводит до абсурда, и получается желательный для него вывод о том, что *не только рабочий*, но и машина создает прибавочную ценность.

А Струве уже в 1899 г. в «Жизни», в статье «Против ортодоксии», откровенно высказал то, что мучило его сознание, производило неприятное впечатление в марксизме, которым он пользовался, как орудием: «Твердо удерживая социологическую теорию прибавочного труда, нужно отказаться от экономической теории прибавочной ценности и вообще критически пересмотреть *всю* экономическую теорию Маркса как таковую». А в «Антиномиях» он противопоставляет трудовой теории Маркса свое положение о том, что «стоимость создается не только трудом, но и капиталом»¹. Струве на этом не остановился. Его эволюция привела к отрицанию стоимости, как регулятора производства, как источника цены, к отрицанию по существу теоретической политической экономии, поскольку он начал разделять взгляды, враждебные «некритическому реализму», как он окрестил экономическое учение Маркса.

Споры с народничеством заканчивались, жизнь, революционная борьба рабочего класса, врывалась, нарушая капиталистическую идиллию, срывая боевой оптимизм буржуазии, и ее идеологи эволюционировали вправо, чем дальше, все решительней. Нужно было во что бы то ни стало приукрасить капитализм, замазать, затушевать его недостатки и язвы, и наши легальные марксисты не гнушались, во имя выполнения столь высокой миссии, защищать даже народнические, по существу дела, идеи. Мы имеем в виду работу Булгакова «Капитализм и земледелие», в которой он представляет дело так, будто сельское хозяйство не только в России, но и в других странах представляет исключение из основного капиталистического закона о тенденциях развития крупного производства, доказывая, что в сельском хозяйстве более жизнеспособным оказывается мелкое и среднее производство, и что оно не только не разоряется крупным, но имеет все преимущества перед ним. Мы опять-таки не станем здесь критиковать эти ошибочные взгляды Булгакова. Для нас достаточно установить, что его взгляды не марксистские, а скорее соответствуют народ-

¹ Больше того, Струве признает возрастающую роль постоянного капитала при создании прибавочной ценности в ходе развития капиталистического производства. По этому вопросу мы находим у него следующее положение: «Установленная Марксом и всецело признаваемая мною зависимость между ростом одного из элементов постоянного капитала—капитала основного—и ростом производительности труда дает полное право утверждать, что *рост прибавочной ценности или прибавочного продукта зависит в гораздо большей мере от роста постоянного капитала, чем от роста переменного капитала*. Исторически прибавочная ценность или прибавочный продукт является по преимуществу функцией основного капитала» (Н. Струве «Основная антиномия трудовой теории ценности», «Жизнь», т. II, 1900 г.).

ническим положениям. Разница лишь в том, что народники, на основе этой теории, создавали иллюзии насчет самобытного развития России и усматривали в этом противоядие росту капитализма. А легальные марксисты видели в этой теории противоядие социализму и делали ее исходным пунктом в защите промышленно-капиталистического развития.

Выводы, к которым приходил Булгаков, и иже с ним, объяснялись тем, что при сопоставлении крупного, мелкого и среднего производства в сельском хозяйстве брались заведомо неравные величины, ибо игнорировались основные особенности, характерные для среднего и мелкого производства, замалчивалось, что эти типы хозяйств имеют возможность отстаивать свое существование перед крупным лишь в силу: а) недопотребления; б) чрезмерной эксплуатации дарового труда своей семьи; в) неимоверно хищнической эксплуатации земли и орудий труда. Но все эти условия вовсе не предотвращают мелкого производителя при капитализме от разорения, а только задерживают это разорение на известное время. Капиталистическое развитие не может не сопровождаться дифференциацией крестьянства.

Задача приукрасить капиталистическое развитие ни на минуту не забывалась Булгаковым. С исключительной ретивостью он оспаривал выводы, к которым пришел Каутский при исследовании влияния развивающегося капитализма на сельское хозяйство. Если Каутский устанавливал разрушающее действие капитализма на крестьянские устои и традиционные условия сельскохозяйственного производства, то Булгаков, не решаясь прямо отрицать это положение, приписывает предварительно Каутскому утверждение о разрушении производительных сил сельского хозяйства и затем, после такой подтасовки, уже без труда его «опровергает». Заявляя, что «капитализм рационализирует земледелие», Булгаков добавляет, что в с. х. «носителем этого технического прогресса вовсе не является крупное производство».

Проблему диспропорции между развитием сельского хозяйства и городской промышленности, проблему города и деревни в условиях развивающегося капитализма Булгаков не только не ставит во всю ширь, не только не вскрывает все те издержки, при которых капитализм прокладывает себе дорогу в сельском хозяйстве, но совершенно обходит этот вопрос и объявляет фантазией мысль Каутского об эксплуатации деревни капиталистическим городом. Даже кризисы в сельском хозяйстве, происходящие не столько от нормального капиталистического развития, сколько от тех преград, которые ставились последнему чудовищными феодальными пережитками, Булгаков объявляет прогрессивным явлением. Этот радужный оптимизм, это полное игнорирование мучительных противоречий, в которых развивался капитализм, это полное отрицание тяжелых, в известной мере отрицательных сторон капиталистического развития в сельском хозяйстве с головой выдают Булгакова как трубадура буржуазных отношений.

Но особенно интересна попытка Булгакова смазать те экономические

противоречия, которые связаны с остатками докапиталистических общественных отношений, тормозящих капиталистическое развитие и тяжело отражающихся на положении трудящихся элементов деревни. Мы имеем в виду вопрос о ренте. Казалось бы, что легальные марксисты со всей силой своей убедительности должны были бы обрушиться против остатков феодальных отношений. В действительности же Булгаков занимает противоположные позиции.

Возражая Каутскому, Булгаков пишет: «Едва ли правильно рассматривать рост ренты только как препятствие... рост ренты, возможность ее повышения, является самостоятельным стимулом для сельского хозяйства, побуждающим к техническому и всякому иному прогрессу»¹. Эта защита получателей ренты понятна. Передовые идеологи либеральной буржуазии в России не решались выступить против коренных интересов землевладельцев, опасаясь, очевидно, прибегать к каким бы то ни было выпадам против принципа частной собственности. Не давая картины земельных отношений в России и кабальных условий, в которых находился русский крестьянин благодаря сохранившемуся помещичьему землевладению, они трусливо прятали голову, не стараясь даже обнажить препоны капиталистического развития сельского хозяйства, боясь сорвать трогательное единодушие между всеми частными собственниками земли и фабрик. Легальный марксизм в этой области не выходил, таким образом, за рамки перспектив «прусского пути» развития капитализма в русском земледелии.

Чтобы закончить рассмотрение взглядов легальных марксистов на аграрные темы, мы коснемся еще закона убывающего плодородия почвы, «установленного» Булгаковым. Булгаков придавал исключительное значение этому закону: «Вся история XIX в... с его проблемами богатства и бедности была бы непонятна без этого закона. Для меня совершенно несомненно, что социальный вопрос в теперешней его постановке существенно связан с этим законом»².

Содержание этого закона Булгаков сводил к тому, что добавочные вложения капитала на обработку земли дают все меньший производительный результат вследствие убывающего плодородия почвы. Этот закон как бы должен был подтвердить установку легальных марксистов насчет жизненности мелкого производства в сельском хозяйстве, так как эффективность вложений капиталов в крупное хозяйство парализовалась убывающим плодородием почвы.

Нетрудно разгадать социальный смысл этого установленного Булгаковым закона. С помощью этого закона легальные марксисты пытались корни деревенской бедности усмотреть не в социальных условиях, ее порождающих, а в естественных. Эта мысль ясно проглядывает в следующих словах Булгакова: «Несомненно, что при наличии перенаселения известная часть бедности должна быть отнесена на счет абсолютной бед-

¹ Цит. по Ленину, Сочинения, т. II, стр. 462.

² Цит. по Ленину, Сочинения, т. IV, стр. 185.

ности, бедности производства, а не распределения... Проблема народонаселения в той особенной ее постановке, какую создают условия сельскохозяйственного производства, составляет в моих глазах главную трудность, которая лежит на пути в настоящее время сколько-нибудь широкому проведению принципов коллективизма или кооперации в сельскохозяйственном предприятии»¹.

Подводя итоги экономическим воззрениям легальных марксистов, приходится сказать, что взгляды их на сельское хозяйство находятся в прямой связи с их общей теоретико-экономической концепцией. Все их теоретические обобщения пропитаны были желанием приукрасить промышленно-капиталистическое развитие вообще, России в частности, желанием смягчить его противоречия и ослабить препоны этого развития.

Во II томе «Капитализм и земледелие» Булгаков пишет: «Единственное, что позволяют нам утверждать данные науки, это то, что настоящее экономическое развитие ведет к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплуатации человека человеком, хотя и разными способами: в промышленности—концентрируя производство и подвергая его все более общественному контролю, в земледелии—уничтожая крупные предприятия и ставя на его место крепкое крестьянство... Оба эти течения объединяются в мощном демократическом потоке, который, можно сказать, с чувством удовлетворения приносит новые, лучшие и более удовлетворяющие требования социальной справедливости, общественные формы».

Эти слова открывают нам весь смысл экономических воззрений легальных марксистов. В промышленности они выступали прямыми апологетами капиталистического развития; в сельском хозяйстве из тех же соображений они делали ставку на крепкое крестьянство, понимая, что это крепкое крестьянство было бы лучшей опорой для капиталистического процветания России. Этим самым они как бы предвосхищали последую-

¹ Там же. Струве еще в 1894 г. заигрывал с мальтузианством, а у Булгакова это заигрывание привело к вульгарному буржуазному апологетизму. Булгаков не останавливается перед попыткой найти себе союзника в этом вопросе и в лице Маркса. Отдавая пальму первенства в вопросе о дифференциальной ренте Рикардо (по мнению Булгакова, Маркс к теории Рикардо не прибавил ничего заслуживающего внимания), Булгаков заявляет, что, «несмотря на, очевидно, отрицательное отношение к этому закону (закону убывающего плодородия почвы), Маркс усваивает в основных принципах теорию ренты Рикардо, которая построена на этом законе» (там же, стр. 186). Характерно, что в целом ряде других вопросов, как и в данном случае, отказ от революционного экономического учения Маркса легальными марксистами совершался под прикрытием признания правильности домарксовских экономических теорий буржуазных экономистов. Этот факт реставрации старых буржуазных теорий с исчерпывающей полнотой был отмечен Лениным. Ленин указал на отсутствие у Тугана, Булгакова и Струве основательной критики Ад. Смита, родоначальника ошибочных теорий рынка. В этой же связи Лениным было отмечено утверждение Тугана о правильности теории рынка у Сея и Рикардо. Приведенная нами выше цитата Булгакова подтверждает, что и в теории ренты легальные марксисты пытались опереться на домарксовские экономические теории.

щие попытки Столыпина повести экономическое развитие России по прусскому пути при сохранении помещиков и при ставке на кулака¹.

Понятно, что взгляды легальных марксистов в экономической области не были случайными; они выражали желания и чаяния передовых слоев либеральной буржуазии. Все они сходились на одних и тех же принципах теоретической экономии и экономической политики. В теоретической области их выступления против марксистской теории стоимости и прибавочной стоимости преследовали задачу затушевать характер капиталистической эксплуатации, замазать и приукрасить противоречия капиталистической системы производства. В учении о рынках и кризисах они стремились нарисовать благоприятные и блестящие перспективы для безграничного капиталистического развития. В области экономической политики они добивались наиболее желательных для буржуазии условий этого развития. В полном соответствии с Булгаковым,—так же как в полном соответствии с интересами русской буржуазии,—Струве следующим образом формулировал направление экономической политики: *«Основными задачами экономической политики являются—развитие национальной индустрии; создание крепкого крестьянства, вполне созревшего для товарного производства и обладающего достаточной потребительной способностью»* (отзыв Струве о книге В. В., помещенной в Берлинском архиве. Курсив мой.—П. П.).

Эти слова как нельзя более выразительно формулируют чисто буржуазную экономическую программу легальных марксистов.

III. СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ МАРКСИСТОВ

Уже в нашем обзоре критики народничества легальными марксистами, как и в обзоре их экономических воззрений, мы указывали, что, несмотря на отступления от нее, марксистская точка зрения формально все же служила им, в известной мере, отправным пунктом их аргументации. В других вопросах отмежевание струвистов от учения Маркса было более решительным и откровенным. В итоге все их отступления и извращения выливались уже в стройную систему буржуазной трактовки и переработки марксизма. Пересмотр их социальных воззрений целиком нас в этом убедит.

Чрезвычайно характерно, что в этой области, в области марксистского материалистического понимания истории и законов социального развития капиталистического общества, легальные марксисты сосредоточивали наибольший ревизионистский огонь против ортодоксального марксизма. Особенно это сказывается в их воззрениях на переход от капитализма к социализму. И понятно, что критика этой части марксовой теории социального развития не могла не затронуть всей теории в целом, известных

¹ Правда, Булгаков в приведенной цитате говорит об «уничтожении» крупных предприятий в земледелии, но у него, конечно, не идет речь об уничтожении их революционным путем. С его точки зрения, «уничтожение» это обеспечено путем экономической эволюции в силу технико-экономических преимуществ мелкого хозяйства над крупным. Тем самым эта теория Булгакова представляет собою особое идейное обозначение перспективы «прусского пути».

философских основ ее и некоторых отдельных социальных проблем (например о государстве, вопрос об интеллигенции и т. д.). Разорвав с основной марксовой теории, они в ряде конкретных вопросов все дальше и дальше отходили от марксизма и в результате от всего марксизма у легальных марксистов остались лишь «рожки да ножки»; самый марксизм приобрел весьма умеренный и пресный характер, превращаясь в совершенно безобидное для буржуазии учение.

В области социальных воззрений буржуазные идеологи старались освободить себя от неудобной одежды, в которую они вынуждены были облачаться в борьбе против народничества. Почему именно марксова теория социальных «катастроф» стала объектом первоочередного их нападения? Понять нетрудно. Политический смысл этой вылазки выболтал Струве в статье, помещенной в архиве Брауна: «Я уже отметил то обстоятельство, что если социальное развитие совершается по формуле возрастания противоречий, то «общественный переворот» необходимо должен представляться в виде *политического переворота*. Но это представление, лежащее в основе знаменитого учения о диктатуре пролетариата, падает вместе с диалектическим ходом развития». По существу критика легальных марксистов материалистического закона социального развития должна была разрушить «крепчайшие устои марксова социализма»—учение о диктатуре пролетариата.

К чему же сводятся положения легальных марксистов в этой области? На чем они основываются, подвергая критике марксову теорию, и какие взгляды они ей противопоставляют?

Для ответа на эти вопросы мы в основном остановимся на разборе позиции Струве. Свою точку зрения он высказал с наибольшей ясностью и недвусмысленно в немецких статьях, помещенных в архиве Брауна, в статье «Международный конгресс по вопросам охраны рабочих» и в «Критических заметках».

По мнению Струве, капитализм пережил два периода. Первый—бурный, сопровождавшийся наибольшей ломкой, крушением старых экономических социальных отношений. Этот период в глазах людей того времени не мог не связываться с представлением о неизбежности катастроф. «Капитализм развивался конвульсиями...» «Последовательный ряд кризисов должен был упереться в катастрофу... таковы были реальные общественные условия, на почве которых возникала первая попытка начертать историю развития современного общества—теория капиталистической эволюции в знаменитом «Манифесте» Маркса»¹.

Этот конвульсивный период развития капитализма давал основание Марксу для его выводов о социальной катастрофе, как предпосылке перехода от капитализма к социализму. Но этот период, по мнению Струве, уже сдан в исторический архив, так как Европа за последние десятилетия вступила во второй период, существенно иной—мирный, органически эво-

¹ Струве, сб. «На разные темы», стр. 415.

люционный, медленно изменяющий все отрицательные явления общественной жизни; поэтому по-иному жизнь решает проблему перехода от капитализма к высшей ступени общественно-экономического развития. «Разгадку этого факта нужно искать и можно отыскать в истории экономического развития Европы за последние пять лет... конвульсивный характер промышленного развития уступил место другому еще недостаточно определившемуся, но существенно иному... социальная катастрофа, которая в сороковых годах по объективным материальным условиям производства казалась столь близкой, теперь не то чтобы отдалилась, а просто исчезла из реалистического поля зрения, подобно тому как старое представление о геологических катаклизмах исчезло из геологической науки»¹.

Из этого анализа экономического развития, анализа характера эпохи, из всей своей теоретической установки Струве приходит к соответствующим тактическим выводам. В противовес марксистской революционной «догме» он отстаивает реформистский путь, как единственно отвечающий духу времени и единственно способный постепенными изменениями преобразовать капиталистический строй. Это вывертывание революционных сторон марксистского учения, эта открытая ревизия революционно-марксистской идеологии проводилась Струве под лозунгом несоответствия старой марксистской теории новым общественно-экономическим условиям, новой эпохе капиталистического развития. Свое признание реформ как единственного орудия преобразования капиталистического общества Струве пытается оправдать характером эпохи, которая, по его мнению, диктует выбор именно этого оружия; причем, что весьма характерно, свой реформизм он пытается обосновать самим Марксом, вырывая из общей цепи отдельные звенья марксистского учения и отводя им взамен подчиненного, второстепенного места превалирующее значение.

В «Критических заметках» Струве писал: «Некоторые места у Маркса дают основание думать, что Маркс представлял себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого падения, крушения капитализма под тяжестью постоянно растущих в нем противоречий; но в то же время Маркс один из первых указал на социально-культурное значение фабричного законодательства и постепенного экономического и политического объединения трудящихся масс. С тех пор его последователи неустанно боролись и борются за реформы в интересах промышленного пролетариата... В этой политике заключается признание, что на почве капиталистического строя существует возможность частичного постепенного улучшения положения рабочего класса. Социальные реформы составляют звенья, связующие капитализм с тем строем, который его сменит», — и дальше он продолжает: «Такова была точка зрения Маркса в 40-х и 50-х годах. В нее впоследствии был внесен важный корректив в том смысле, что вместо пропасти, отделяющей капитализм от строя, долженствующего его заменить, и теория и практика должны были признать целый ряд переходов. В данном случае теория следовала за жизнью и ее развитием».

¹ Струве, сб. «На разные темы», стр. 416.

Так, для видимости прикрываясь Марксом, Струве разделялся с революционными выводами последнего с исключительной вольностью и беззастенчивостью, интерпретируя и в корне извращая центральные положения основоположников научного социализма. Сводя весь марксизм к борьбе за социальные реформы и обезвреживая этим самым учение Маркса, Струве с головой выдавал себя как либеральствующего буржуа.

Развивая эти взгляды, Струве ничем не выделялся из круга остальных легальных марксистов. Вся его установка целиком примыкает к формуле Бердяева, высказанной последним в его работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Бердяев писал: «Поправки, создаваемые самим капиталистическим развитием, до тех пор будут штопать дыры существующего общества, пока вся общественная ткань не сделается сплошь новой».

Характерно, что легальные марксисты во многом предвосхитили ревизионистское направление в рядах западно-европейской соц.-демократии, отражавшее политику и влияние буржуазии внутри рабочего класса. Справедливо замечал по этому поводу Плеханов, что «на практике ими начата эпоха того сознательного оппортунизма, который тем более доволен собою, чем полнее и удобнее его требования укладываются в схему «штопання»¹.

Но Струве пытался свою укороченную программу социальных реформ поднять на принципиальную высоту, оправдать возвышенными конечными идеалами, связать с далекой и радужной перспективой. «Когда-то,—писал Струве,—социальные реформы на почве существующего капиталистического строя одинаково казались и невозможными, и непрактичными, и тщетными радикальным представителям обоих антагонистических классов: буржуазии и пролетариату... Теперь... крепнет убеждение, что они вовсе не представляют собою жалкого «штопанья», а, наоборот, являются лишь звеньями в той органической цепи форм, которая ведет от одной общественно-экономической формации к другой. Социально-политический радикализм окончательно сроднился с идеей эволюции, он привык мыслить и аргументировать эволюционно; наоборот, представители близорукого консерватизма все более и более попадают в сети пагубной веры в политические и социальные чудеса»².

Обозвав революционных ортодоксальных марксистов представителями близорукого консерватизма³, обругав их за пагубную веру в политические и социальные чудеса, что по терминологии легальных марксистов означало убеждение в неизбежности социальной революции, выступив с пламенной защитой социальных реформ, Струве тем самым отмежевался от

¹ Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 253.

² Струве, сборник «На разные темы», стр. 414.

³ Неудивительно, т. к. для революционных марксистов реформы были побочным продуктом революционной борьбы: «частичные улучшения могут быть (и всегда бывали в истории) лишь побочным результатом револ. классовой борьбы», см. Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 267, и также т. XV, стр. 147.

марксизма, пытаясь превратить его в удобное буржуазии учение. «Передовая промышленная буржуазия капиталистических стран давно уже поняла, что осуществление таких идеалов (речь идет о социальных реформах) *не только не вредит ей, но приносит значительную пользу*. Вот почему она, так решительно восстававшая прежде против государственного вмешательства, в отношении труда к капиталу и против профсоюзов рабочих, теперь сама готова *требовать такого вмешательства и содействовать* возникновению таких союзов»¹.

И как бы в подтверждение мысли Плеханова Струве выступает поборником реформаторства, вскрывая буржуазную подоплеку мирного эволюционного пути. Показательно, что все аргументы Струве исходят из интересов буржуазии, из интересов капиталистического накопления. В цитированной уже нами статье «Международный конгресс» Струве пишет, что «сокращение рабочего времени приводит к прогрессу техники и ускоряет капиталистическое накопление и обобществление труда, т. е. не задерживает прогресса промышленности, а, наоборот, содействует ему. Это один из тех многих пунктов, в которых само экономическое развитие внесло крупные поправки в начертанную Марксом в сороковых годах картину социально-экономического развития современного общества».

Все эти взгляды, в которых достаточно ярко просвечивало буржуазное естество, не могли не казаться странными для человека, не только считавшегося одно время социал-демократом, но и писавшего манифест 1-го съезда РСДРП. Струве действительно почувствовал неловкость принадлежности к марксистскому лагерю при защите им чисто буржуазных, в конечном счете, воззрений. Он пытается поэтому отгородиться от социалистов. В «Критических заметках» он приходит к нелепому выводу, что можно быть марксистом, «не будучи социалистом». А это возможно, «если мы под марксизмом будем разумеать безусловно объективную часть воззрений Маркса и примем во внимание, что его «прогноз», прямо как таковой, не может иметь безусловно обязательного характера для всякого исследователя».

Эти взгляды проливают яркий свет на все критические статьи Струве, направленные против марксизма.

Реформистские взгляды Струве наиболее последовательно и полно были изложены в его статьях, помещенных в Архиве Брауна. Во всех этих статьях Струве пытался свой реформизм и ревизионизм обосновать и логически и философски.

Струве подвергнул сомнению и поставил под удар «критики» основные положения Маркса, установленные им в качестве законов исторического развития капитализма, в частности теорию Маркса о переходе от капитализма к социализму. По словам Струве, эта теория Маркса имеет тройное основание: во-первых, учение о развитии производительных сил в капиталистическом обществе, или, другими словами, «теорию обобщест-

¹ Плеханов, т. XI, стр. 255.

вления и концентрации производства и теорию производительной анархии в капиталистическом строе; во-вторых, учение об ухудшении положения низших классов общества или «теорию обнищания и теорию экспроприации мелких капиталистов крупными»; в-третьих, учение о революционной роли пролетариата, т. е. «теорию социалистической миссии пролетариата, создаваемого развитием капитализма и растущего в ходе этого развития».

На основе этих положений, по мнению Струве, Маркс и пришел к выводу о неизбежном процессе нарастания противоречий, неизбежной ломке старых общественных отношений и пролетарской социальной революции. С этим-то выводом Струве и не может согласиться. Он считает что утверждения Маркса не имели никакой реальной основы, были простой утопией. Маркс, по его мнению, заблуждался, устанавливая неизбежность социализма. «Настоятельная психологическая потребность,—писал Струве,—доказать историческую необходимость экономического порядка, основанного на коллективизме, вынудила в сороковых годах социалиста Маркса вывести социализм из более чем недостаточных посылок».

Струве отрицает возрастание по мере развития капитализма объективных предпосылок для революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое. Этот вывод у Струве покоится на трех критических положениях, с помощью которых он пытается «исправить» и «пополнить» марксистскую концепцию. Во-первых, Струве оспаривает неизбежность революции в результате острого столкновения производительных сил с производственными отношениями. Во-вторых, он вообще берет под сомнение марксово положение о возрастании противоречий по мере развития капиталистической системы производства; по мнению Струве, развитие идет по линии притупления противоречий. И, наконец, в-третьих, он высказывает сомнение о процессе обнищания, удивляясь, каким это образом «пролетариат подвергается обнищанию, но достигает в то же время такой социальной и политической зрелости, которая делает его способным свергнуть капиталистическую систему путем активной борьбы классов и заменить ее социалистической системой».

Разберем эти три положения. Посмотрим, чем их обосновывает Струве. Для доказательства своего первого положения он прибегает к испытанному и весьма распространенному приему. Он извращает основную мысль Маркса, без труда после этого опровергая ее правильность. Маркс в качестве основного стимула развития и главной причины смены одной общественной формации другой указывал на возрастание противоречий между производительными силами и производственными или имущественными отношениями. Струве видоизменяет эту формулу. Он навязывает Марксу другое положение, заявляя, будто бы Маркс «представлял себе устранение капиталистических производственных отношений как могучее столкновение между хозяйством и правом». Он уверяет, будто бы, по теории Маркса, «все вращается вокруг противоречий между имущественными отношениями данного общества и его правом».

Если бы, говорит по этому поводу Плеханов, действительно «сущ-

ность так называемого социального вопроса заключалась в несоответствии буржуазного права буржуазному хозяйству, то об исторической необходимости общественного переворота могли бы говорить только люди, страдающие буйным умопомешательством. При таком отрадном положении дел теоретики-юристы и толковые практики из мира деловой буржуазии без труда открывали бы, в каком именно месте башмак жмет, по немецкому выражению, ногу, и господам буржуа стоило бы только сердито поворачивать и угрожающе нахмуриться, чтобы их парламентские представители немедленно придали башмаку новую форму»¹.

Струвистская фальсификация показательна в том отношении, что автор ее, оставаясь на почве буржуазных имущественных отношений, ставил лишь вопрос о возможном противоречии правового порядка этим отношениям. Понятно, что это буржуазное извращение марксизма в корне отличало Струве от ортодоксально-революционных последователей Маркса, исходивших из положения о возрастании противоречий между производительными силами и буржуазными производственными отношениями и ставивших поэтому своей задачей не реформирование буржуазного права в смысле приспособления его к капиталистической экономической основе, а борьбу за устранение буржуазных производственных, «имущественных» отношений. Именно это составляло историческую революционную миссию пролетариата.

Так Струве обосновывает свое первое критическое замечание. Мы видели, что извращение Маркса облегчило ему задачу разделаться с главными положениями этого учения. Перейдем теперь ко второму пункту критики Струве, где он «расправляется» со всей революционной концепцией Маркса. Вспомним, что Струве поставил под сомнение марксов закон нарастания противоречий капитализма, находящий свое разрешение в революционных потрясениях. По мнению Струве, эта постановка не соответствует действительности, не соответствует конкретному ходу капиталистического развития. Он пускается в логические ухищрения и с помощью голой схематики пытается опровергнуть марксистский прогноз. Поскольку отправным пунктом при определении социального закона развития у Струве является противоречие между хозяйством и правом, Струве приходит отсюда к выводу, что это противоречие решается не революционным, а реформистским путем, что общественное развитие совершается не путем «обострения», а путем притупления противоречий. Он ссылается на факты отмены законов против рабочих, как на явление, будто бы подтверждающее процесс притупления общественных противоречий. Он не видит, что даже издаваемые в пользу рабочих законы являются результатом нарастания противоречий, результатом классовой борьбы пролетариата. Так же, как буржуазная куриная слепота не позволяет ему видеть, что все эти законы, вырванные пролетариатом из рук господствующих классов, создают предпосылки для еще более острой, более ожесточенной борьбы между классами.

¹ Плеханов, т. XI, стр. 162.

Нам уже приходилось отмечать, что вся критика Струве по этому вопросу вызывалась потребностью этого буржуазного апологета подорвать и парализовать «представление, лежащее в основе знаменитого учения о диктатуре пролетариата», которое, по мнению Струве, «падает вместе с диалектическим ходом развития». Эта попытка получила отповедь со стороны Плеханова, который, перефразируя Струве, писал: «Настоятельная психологическая потребность подорвать теоретическую основу знаменитого учения о диктатуре пролетариата и о «политической революции», необходимой для социального освобождения этого класса, вынудила критику П. Струве, на заре XX столетия, обосновать свои возражения против «ортодоксального» марксизма на более чем недостаточных посылках»¹.

Посмотрим теперь, как Струве развивает свое третье критическое замечание, как он критикует положение Маркса об относительном ухудшении положения эксплуатируемых классов. Струве утверждает, что высокая степень эксплуатации рабочего характерна лишь для начальной стадии капиталистического развития; а экономическое развитие сопровождается повышением заработной платы и сокращением рабочего дня, а так как усиление эксплуатации невозможно-де в иных формах, кроме соответствующих изменений в заработной плате и величине рабочего дня, то Струве отсюда приходит к выводу о постепенном улучшении в положении рабочих, а также и о постепенном ослаблении противоречий, о притуплении революционности пролетариата. Струве обнаруживает непонимание того, что повышение номинальной цены рабочей силы может сопровождаться понижением реальной заработной платы, а сокращение рабочего дня может компенсироваться увеличением напряженности труда, чего нельзя упускать при анализе степени эксплуатации. Кроме того, из поля его зрения совершенно выпадает относительный характер ухудшения положения рабочего класса, он не подмечает углубления пропасти между двумя полюсами капиталистического общества, когда мелкие улучшения в условиях труда гигантски отстают от процесса обогащения буржуазии, накопления капиталов. Свою мысль Струве пытается защитить и ссылкой на фабричное законодательство, улучшающее положение пролетариата и как бы подтверждающее возможность путем социальных реформ изменения и трансформации капиталистического общества в более совершенную общественную формацию.

Не трудно понять обнаруживаемое во всем этом вождение буржуазного идеолога, рекомендующего рабочему классу заниматься собиранием крох со стола буржуазии. «Опровергая» пауперизацию пролетариата, Струве отрицает вместе с тем положение Маркса о социалистической миссии рабочего класса, причем он просто-напросто умалчивает о неизбежном спутнике капиталистического развития—о процессе сплочения, организации, активизации и революционизирования пролетарских масс в борьбе с буржуазией за переустройство общества на социалистических основах.

¹ Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 166.

Характерно, что одним из тяжеловесных аргументов в пользу теории социальных реформ и отрицания социальной революции, к которым прибегает Струве, является противопоставление «конечной цели» движения самому движению. Вся трактовка Струве этого вопроса свидетельствует о том, что это оружие было им заимствовано из того же буржуазного арсенала, из которого черпали свои идеи и западно-европейские ревизионистские критики Маркса. Идейное родство струвистов с ревизионистами сказывалось и в том, что легальные марксисты также изображали из себя последователей «реалистического воззрения», в то время, как всех социалистов они награждали кличкой утопистов.

В полном соответствии со всеми социальными буржуазно-реформистскими воззрениями находились и взгляды легальных марксистов по вопросу о государстве и интеллигенции. В угоду буржуазным интересам они покидали и преобразовали марксистскую точку зрения и в этой области. Свои взгляды на государство Струве высказал еще в 1894 году в «Критических заметках».

Уже тогда Струве прямо заявил свое несогласие с марксовой теорией государства, которая, по его мнению, являлась результатом чрезмерного увлечения критикой современного государства. Эти взгляды были не случайными. Они не были связаны с частичным несогласием с отдельными второстепенными положениями Маркса, а вытекали из общей буржуазно-либеральной концепции Струве. С особой настойчивостью при определении государства Струве упирал на то, что оно является организацией порядка. Признак насилия одного класса над другим для Струве казался маловажным. В «Критических заметках» он писал, что «государство есть *прежде всего организация порядка*; организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обуславливается его экономической структурой. Родовой быт знал известную организацию порядка... знал государство и, став в сословном и классовом обществе организацией господства, государство не перестало, конечно, быть организацией порядка»¹. Правда, в то время, когда обстановка еще вынуждала легальных марксистов бряцать оружием передового учения, Струве, наряду с приведенным нами утверждением, по отношению конкретно к русскому самодержавию признавал насильнический его характер, его классовую сущность. Но одновременно для будущего он считал возможным существование государства только как организации порядка.

Такое толкование сущности государства выдавало в лице Струве буржуазного апологета. Оно было чрезвычайно выгодно представителю передовой буржуазии, поскольку с этим вопросом связывалась идея реформирования общества на рельсах буржуазно-капиталистических отношений. Эта же постановка давала возможность устранить в головах людей необходимость социальной революции, диктатуры пролетариата и преподнести рабочему классу в качестве духовной пищи идею о социальных реформах с помощью «внеклассового» государства.

¹ П. Струве, «Критические заметки», стр. 53. Курсив наш. — П. П.

В вопросе об интеллигенции смысл позиции Струве сводится к тому, что он прикрывал переход значительных слоев интеллигенции в буржуазный лагерь. Под трескотню пышных «марксистских» фраз о том, что интеллигенция растворяется в классе, Струве затушевывал происходившее тогда расслоение интеллигенции, вызванное общим процессом классовой дифференциации в стране, затушевывал ту роль, которую интеллигенция играла в деле формирования буржуазной идеологии.

Мы видели, что в критике народничества легальные марксисты охотно использовали передовую теорию для сокрушения ставшей объективно реакционной народнической идеологии. В этой критике отступления от марксизма, допускавшиеся легальными марксистами, сказывались главным образом в непоследовательном применении марксистского оружия. Значительно иначе обстоит дело, когда мы знакомимся с их социальными воззрениями. Здесь перед нами раскрывается картина полного опошления марксизма, выветривания его революционного существа, открытого отказа от основных его положений, явной переделки его в сторону буржуазной приемлемости. И вся эта ревизионистская работа проводится под лозунгом исправления, дополнения марксистского учения, приведения его в соответствие с конкретно-развертывающейся обстановкой, в соответствие с конкретной исторической (читай, буржуазной) действительностью.

П. Прагер

(Окончание следует)

РСДРП И «ЗЕМСКАЯ КАМПАНИЯ» 1904 ГОДА

Вторая половина 1904 г. в истории рабочего движения в России характерна тем, что в условиях предреволюционной политической ситуации в нашей партии возникли и стали оформляться две концепции русской революции, приведшие через 13 лет отдельные части РСДРП к борьбе на двух противоположных сторонах фронта Октябрьской революции.

В этот период был создан первый партийный организационный центр большевиков—Бюро комитетов большинства, и этим организационно оформились две фракции в РСДРП. Начался спор уже не только по организационным, но и по основным вопросам тактики рабочей партии в период буржуазно-демократической революции.

Еще на втором партийном съезде большевики и меньшевики дали различную оценку революционной роли русской либеральной буржуазии и классовых задач пролетариата по отношению к ее выступлениям. Резолюция Плеханова, за которую голосовали большевики, предлагала социал-демократии поддерживать выступления либералов постольку, поскольку они будут революционными, но основной задачей партия ставила разоблачение буржуазного, соглашательского, контрреволюционного характера их действий. Меньшевистская резолюция Старовера (Потресова), наоборот, подчеркивала необходимость и обязательность соглашений социал-демократии с либерально-демократической буржуазией без всяких оговорок об обязательности разоблачения трусости и предательства либералов.

Во время второго съезда классовая суть этих разногласий еще не была ясна для широкой партийной массы. Первый же небольшой подъем революционной волны в конце 1904 г. заставил меньшевиков проявить свой оппортунизм и доказал необходимость твердого отмежевания революционной части РСДРП от ее оппортунистического крыла. Пробным камнем для политического «credo» большевиков и меньшевиков послужило их отношение к так называемой «земской кампании» либералов—первому открытому выступлению русской либеральной буржуазии. В этот период в спорах между Лениным и меньшевиками об исторической роли и задачах пролетариата и либералов стали оформляться две теории движущих сил русской революции: «общенациональное движение», во имя развития которого требуется самоограничение крайних групп населения, или классовая борьба пролетариата, для которого, по словам Ленина, борьба с самодержавием является только «наиболее революционной из всех бли-

жайших задач». Свое полное выражение эти две концепции русской революции получили уже позже. С одной стороны, они были проанализированы в брошюре Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и в ряде статей и речей о 1905 году и об аграрном вопросе, с другой—взгляды меньшевиков и их полный отказ от идеи гегемонии пролетариата были изложены в меньшевистской истории первой русской революции—«Общественное движение в России в начале XX века» и в сборнике «Борьба общественных сил».

* * *

Русско-японская война ослабила положение правительства как вне, так и внутри России. Она прежде всего ухудшила положение крестьянства, ускорила темпы его разорения и дифференциации и этим еще более обострила аграрную проблему. В конце XIX и начале XX столетия все острее и острее становилось несоответствие между политическим строем России, защищавшим интересы помещиков, и ее капиталистическим развитием. Земельная теснота, бесчисленные налоги и выкупные платежи давили крестьян, связывали развитие сельского хозяйства, задерживали рост товарных отношений в деревне. Экономические условия сельского хозяйства России вынуждали крестьянство стремиться к решительной ломке феодальных пережитков в виде надельных, дворянских, церковных и др. земельных преград для его капиталистического роста.

Даже передовую часть помещиков стесняли пережитки средневековья. Им приходилось заботиться о развитии местных самоуправлений и улучшении дорог, о статистике, культурном и хозяйственном подъеме крестьян, чтобы создать необходимые условия для развития крупных предпринимательских хозяйств. Им нужно было усилить свое влияние в государственном управлении страной. Для уничтожения всех помех к капиталистической перестройке и развитию сельского хозяйства России они были вынуждены требовать, чтобы самодержавие, представлявшее собой правящий класс крупнейших аграриев, поделилось с ними своею властью. Достигнуть этого нельзя было без помощи профессиональной интеллигенции, и «третий элемент» начал играть все более значительную роль в местных самоуправлениях и тянул земцев влево.

Война присоединила к обычной помещичьей эксплуатации и общему кризису сельского хозяйства в России еще новые трудности: сокращение отхожих промыслов¹, вздорожание жизни и мобилизации, которые отнимали от крестьянского производства наиболее ценную рабочую силу.

¹ Отхожие промыслы сократились как вследствие общего уменьшения строительства в период войны, так и оттого, что запасным в ожидании мобилизации не выдавали паспортов. Неохотно принимали запасных и наниматели. Положение запасных хорошо иллюстрируется беседой одной солдатки с корреспондентом «Искры»: «Еще с осени, ведь, объявили, чтобы запасные никуда не отлучались и чтобы их на большие работы не нанимали, — дескать, во всякое время потребовать могут. Ну, как муж придет куда наниматься, видят по паспорту, что запасной, — нет, говорят, нам таких не надо» («С дороги», «Искра», № 73 18 (5) сентября 1904 г.).

Кризис крестьянского хозяйства отразился и на промышленности в первую очередь сокращением спроса на текстиль. Спрос на мануфактурные товары на деревенском рынке сократился сразу, как только началась война. Уже в феврале миткаля, хлопка, пряжи было продано на 30—40% меньше нормы. Скопление непроданных товаров стало настолько серьезным, что мануфактуристы обсуждали вопрос о сокращении своего производства. Вскоре начался кризис и в других отраслях промышленности—сперва в тех, которые работали на восточный рынок, потом в тех, которые потеряли казенные заказы из-за того, что средства правительства шли на нужды войны¹.

Кризис промышленности и вздорожание жизни, конечно, сразу ухудшили и без того тяжелое положение рабочих. Все более широкие массы населения начинали страдать от войны и становились заинтересованными в ее скорейшем прекращении. Мобилизация на войну заставила интересоваться газетами широкие массы населения, даже крестьян, прежде считавших газеты делом «барским». А известия, приносившиеся газетами, не могли способствовать укреплению веры в силу царского правительства. Поражение следовало за поражением и вместо «патриотического одушевления», на которое в начале войны рассчитывало правительство, в народных массах росли презрение и злоба к тем, кто так бестолково начал и вел войну и допускал в армии такое исключительное воровство и головоунытие. «На что нам эта война? Мало, что ли, своей земли, что полезем в Китай»—такие речи, по свидетельству очевидцев, слышались на каждом шагу. Особенно острым было антивоенное настроение у рабочих. На одном из лагунских заводов поп, явившийся служить молебен, был встречен криками запасных: «Нечего тут молебен служить, спой-ка лучше всем нам панихиду!» «Знаем мы вас: вечно вы все на всевышнего сваливаете, а нашего брата теперь в Манчжурии и ворон не успевает клевать» (корреспонденции в «Искру») ².

Война усилила и оппозиционные настроения буржуазии. Русские промышленники не были, конечно, революционны. Их оппозиция правительству сильно смягчалась страхом перед растущим движением рабочих. Промышленная буржуазия имела дело с более зрелым и сознательным пролетариатом, чем сельская буржуазия, и больше, чем последняя, опасалась в своей борьбе с царизмом опереться на массовое движение, но историческое развитие классовой борьбы в России заставляло и ее не быть пассивной, требовать усиления своего влияния в управлении страной, стремиться к парламентаризму.

¹ Рост чрезвычайных расходов с 225 милл. руб. в 1903 г. до 831 милл. руб. в 1904 г. принудил правительство сократить расходы на производственные и культурные нужды. Так, напр., смета министерства путей сообщения была уменьшена на 84 милл. руб.

² Весь этот период, до конца декабря, большевики не имели своей газеты (см. мою статью «Первый большевистский центр «Бюро комитетов большинства» и возникновение газеты «Вперед» в журн. «Пролетарская революция» № 11 — 1924 г.), и это вынудило меня использовать всюду меньшевистскую «Искру». Р. Х.

В начале войны привилегированные классы России надеялись на расширение рынка для своих товаров в результате победы России. В этот период они слали правительству сотни патриотических адресов. И только два адреса—от тамбовского земства и тамбовского дворянства—осмелились робко напомнить о «самодеятельности народных сил» и о том, что после войны, пожалуй, необходимо будет вступить в «новый период государственной жизни». Война не оправдала их надежд. Внутренний рынок быстро уменьшался в результате разорения и уменьшения покупательной способности населения, а биржевые ценности падали в ответ на поражение русских войск. Банкротство правительственной политики ставило буржуазию в оппозицию к самодержавию, заставляло стремиться к конституции. «Искра» в № 74 от 3 октября (20 сентября) 1904 г. ярко рисует их настроение: «Столь же непопулярна война и в обществе. Она принесла с собой промышленный кризис, застой в торговле, стеснение кредита; сотни тысяч рабочих оказались выброшенными на мостовую и переживают все ужасы безработицы. Господствующие классы смотрят на правительство, как на своего проворовавшегося приказчика и готовятся предать его суду»¹.

Быстро начали расти численность и активность «Союза освобождения»—либеральной организации, в которой наряду с левой частью земских деятелей участвовали и играли большую роль представители так называемого «третьего элемента», т. е. интеллигентов, служащих земств. Освобожденцы выступали как идеологи буржуазного прогресса и «социальной реформы». Определенной программы этой реформы у освобожденцев не было. Формально основанный на учредительном съезде 3—5 января 1904 г. и до того уже имевший два съезда, «Союз освобождения» не имел никакой программы и объединял либералов, очень различавшихся между собою. Газета «Освобождение» была центральным органом русских либералов и лавировала между их правыми и левыми элементами—земцами-помещиками и земской профессиональной интеллигенцией. В начале войны редактор «Освобождения» П. Струве рекомендовал принимать участие в патриотических манифестациях, связывая либеральные политические требования с лозунгом: «да здравствует армия!». Теперь же либералы стремились нажить политический капитал на затруднениях правительства. Они надеялись, что поражения заставят его пойти на уступки. Особенно поднялись надежды буржуазной и интеллигентской оппозиции после того, как 28 (15) июля 1904 г. на улице бомбой был убит фактический руководитель правительственной политики министр Плеве, и правительство решило на время попробовать новый метод борьбы—действовать по отношению к буржуазной оппозиции не путем запугивания, а мягкостью.

Начался период, названный либералами «правительственной весной». Правительство сделало несколько очень мелких уступок. Первой такой уступкой был царский манифест 24 (11) августа 1904 г. «об отмене телес-

¹ «Искра», № 74. Ст. «Военные неудачи и самодержавие».

ного наказания в деревне и в войсках и о сложении недоимок выкупных платежей с крестьянского населения на сумму 127 миллионов рублей». Одновременно с этим еврейское население России получило кое-какие льготы, в числе которых было расширение черты еврейской оседлости, а 26 (13) августа был опубликован манифест об открытии сейма в Гельсингфорсе. Новый министр, сменивший убитого Плеве, Святополк-Мирский, сказал речь о том, что «плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям». Несколько человек либералов было возвращено из ссылки и еще несколько утверждено на земских должностях. Либералы по-прежнему были лишены всякой власти, всякого влияния, но им была дана несколько большая, чем прежде, возможность говорить речи, и на эту удочку «доверия» бюрократии охотно пошли не только официальные либералы, но и те, которые называли себя социалистами.

Земцы отозвались на декларацию министра потоком адресов и приветствий. Поражение русских войск под Ляояном еще больше подняло их настроение. Они осмелели настолько, что даже решились просить о конституции и попробовали открыто организоваться. Оживление либеральной оппозиции заставило левых освободителей начать все более настойчиво выдвигать требование выработать и принять определенную программу. Так, напр., в № 58 «Освобождения» от 27(14) октября появилось письмо за подписью Немо, в котором говорилось, что журнал служит не компасом, а лишь «зеркалом» оппозиции, что его сотрудники быстро «исчезают за кулисы», как только им приходится отвечать на вопросы об отношении к демократическим принципам и радикальной тактике. Немо писал, что когда «политическая конъюнктура потребует от партии коллективного действия», то выявятся и окажутся роковыми невыявленные разногласия среди освободителей.

Святополк-Мирский дал согласие на созыв земского съезда, раньше запрещенного Плеве. 21(8) сентября состоялось в Москве заседание Бюро земских съездов, а 20 октября (1 ноября) состоялся съезд «Союза освобождения». Руководители Союза не решились поставить на этом съезде обсуждение выработанной ими политической и экономической платформы Союза, и программа «случайно» не была доставлена на съезд. Но на съезде были обсуждены и решены ближайшие политические шаги земской либеральной оппозиции. Было принято постановление: 1) принять деятельное участие в предстоящем съезде земских и городских деятелей и всячески стараться направить его на путь конституционный; 2) пытаться на предстоящих уездных и губернских земских собраниях возбудить вопрос о конституции; 3) в связи с празднованием сорокалетия Судебных уставов организовать кампанию политических банкетов.

Эти намерения земцев показались слишком смелыми министру, и он хотел отложить съезд, но земцы напирали, и съезд состоялся 21(8) ноября 1904 г. Он происходил наполовину с разрешения, наполовину самовольно,

так как министром было дано разрешение только на частное совещание земцев, съехавшихся в Москву по ранее разосланным приглашениям. По словам «Освобождения», съезд состоял в основном из председателей и членов губернских управ и председателей уездных земских управ. В нем участвовали также несколько предводителей дворянства и наиболее влиятельные из числа земских гласных. Всего было 103 человека. Председателем съезда был правый либерал Д. Н. Шипов. Такой состав съезда, конечно, гарантировал его неспособность к каким-либо серьезным революционным действиям.

Напугавший министра вопрос был сформулирован в § 6 программы съезда: «Общие условия, не благоприятствующие правильному развитию нашей земско-государственной жизни, и желательные в них изменения». При обсуждении этого пункта 38 человек из 98 были за то, чтобы народное представительство имело только совещательный голос в государственных делах. Таким образом, значительная часть представителей либеральных помещиков и буржуа высказалась за сохранение самодержавия, украшенного представительным, но не законодательным, т. е. совершенно бессильным органом. Тех вопросов, которые больше всего волновали рабочих и крестьян—земельного и условий труда, съезд совсем не коснулся. Даже стоявшее за ограничение самодержавия большинство земского съезда слишком боялось «революционной толпы», чтобы решиться на какие-либо реальные меры воздействия. Все их надежды заключались только в том, что правительство пойдет само на уступки. Ленин писал об этом съезде: «Возьмите пресловутую резолюцию «тайного» земского съезда 6—8 ноября. Вы увидите в ней отодвинутые на задний план и умышленно неясные робкие конституционные пожелания. Вы увидите ссылки на народ и общество,—гораздо чаще на общество, чем на народ. Вы увидите особенно подробное и наиболее подробное указание реформ в области земских и городских учреждений, т. е. учреждений, представляющих интересы землевладельцев и капиталистов. Вы увидите упоминание о реформе в быту крестьянства, освобождение его от опеки и ограждение правильной формы суда. Совершенно ясно, что перед вами—представители имущих классов, добывающиеся только уступок от самодержавия и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя»¹. Постановления съезда неофициально были сообщены правительству.

Земский съезд тщательно охранялся полицией от вторжения рабочих и студентов. Но эта охрана не помешала тому, что нашлись значительные слои населения, которым революционными казались и этот съезд и начавшиеся после него либеральные банкеты, на которых в обстановке дорогого ресторана или дворянского клуба произносились речи и пились тосты за реформы.

Кто были эти слои населения? В официальной и наиболее обширной

¹ Ленин, Сочинения (2-е изд.), т. VII, стр. 31.

меньшевистской истории первой русской революции «Общественное движение в России в начале XX века» Маевский говорит: «Оппозиционный обыватель юсмелел и решил, что не все то, что запрещено, действительно неосуществимо». Маевский не оговорил, что в 1904 г., в среде этих оппозиционных обывателей была и партия меньшевиков. Меньшевики не сразу прониклись горячей верой в силу и революционность либералов. Еще 7 сентября (25 августа) 1904 года в № 72 «Искры» напечатано было заявление уполномоченных меньшевиков «К членам партии», где они писали про либеральную буржуазию, что она еще не стала сознательной политической силой, что ее «приближающаяся развязка заставит пассивной, нерешительной, политически лицемерной, готовой лишь к одному: «ждать тем терпеливее, чем меньше согласна ждать история».

История действительно не хотела ждать. Ход событий развивался очень быстро. Поражения на фронте, финансовый кризис и всеобщее недовольство заставили правительство, если не делать уступки, то хотя бы делать вид, что оно готово на них. Меньшевикам казалось, что они наблюдают колебания правительства. «Отсрочка суда по делам убийства Плеве и о вооруженном сопротивлении в Варшаве, льготы богатым евреям, речь финляндского генерал-губернатора, программное «интервью» нового министра внутренних дел, новые ноты в отражающей петербургские «веяния» печати,—вся совокупность этих признаков говорит за то, что мы присутствуем при моменте колебания самодержавия» («Ляоян и «реформы», «Искра» № 73 13(1) сентября 1904 г.).

В этот период меньшевики не обманывали еще себя на счет качества и цели правительственных реформ. Автор статьи «Ляоян и «реформы» прямо утверждал, что рабочие ничего не получают от уступок, которые сделает правительство, что все они целиком будут направлены на создание союза между царизмом и верхушкой буржуазного общества. Он себя не обманывал и насчет того, как отнесутся к этому либералы. Вышеуказанная передовица «Искры» писала: «А что этот союз может быть куплен царизмом за весьма дешевую цену, в этом порукой вся история нашего либерального общества. Не было еще примера, чтобы это общество отказывалось от измены народу даже тогда, когда перед ним и помахивали лишь туманными обещаниями «реформ».

Не долго помнили меньшевики эти столь элементарные для марксистов истины. Прошло 20 дней и передовица в № 74 «Искры» под названием «Петербургская весна» уже начала убеждать русский либерализм в том, что он «должен издать клич: «Мир и свобода!», что пока он не сделает этого шага, он не сможет играть в политической драме другой роли, кроме шаблонной роли «обманутого обманщика». Но либералы мало склонны были к выполнению какой-либо революционной роли. И уж в следующем номере «Искры» меньшевики, недовольные готовностью либералов идти наудачку сладких слов и обещаний Святополка-Мирского, обратились к ним с вопросом: «Неужто же так велик политический кредит царских министров у русского «общества», что не требуется и подкрепляющих слова фак-

тов?» («Дружина князя Святополка»—«Искра» № 75 от 18 (5) октября 1904 г.). Поведение либералов заставляло даже меньшевиков указать на то, что «ныне между самодержавием и верхами имущих классов начинается домашний торг о «безболезненной» и, стало быть, возможно и более убыточной для народа, ликвидации царского хозяйства» («На очереди», «Искра» № 75).

15 дней, прошедшие между выходом 75-го и 76-го № «Искры», принесли меньшевикам неожиданную радость. Освобожденцы решились обратиться к народу с прокламацией о войне и конституции. «Искра» приветствовала решимость либералов. Статья «Явление либералов народу» 2 ноября (20 октября) писала: «Обращение освобожденных с программной прокламацией к народу—крупный политический шаг. «Освобождение», неофициальный, центральный орган либеральной партии, санкционирует это обращение либералов и придает ему значение боевого акта целой партии». Но даже меньшевики вынуждены были признать, что либералы в этом воззвании берут под свою защиту монархию, предлагают созвать народных представителей «не для выражения суверенной воли народа, а в помощь монарху» и умалчивают о том, какое представительство ими предполагается.

Развитие банкетной кампании с радостью отмечалось меньшевиками. Так, например, они как значительное революционное действие отметили, что легальные газеты 22 ноября впервые сообщили о принятии требования немедленного созыва учредительного собрания из представителей всего населения Российского государства, на собрании 676 человек представителей интеллигентских профессий. Также сообщалось и о выступлении оратора и распространении листовок Кубанского комитета на заседании городской думы в Екатеринодаре 3 декабря (20 ноября) и о выступлении оратора с.-д. в Одессе 1 декабря (18 ноября) на заседании Общества охранения народного здравия и втором выступлении в том же городе 3 декабря (20 ноября) на праздновании сорокалетия Судебных уставов, устроенном городским управлением, о банкете в Киеве и т. д. («Искра» № 79).

Шумная банкетная кампания, начатая либералами, увлекла и меньшевиков. Она казалась им серьезным революционным воздействием на правительство, способным вынудить его дать конституцию. Им грезились, что они уже на пороге конституционной России. В своем «Письме к партийным организациям» они писали: «Можно с уверенностью сказать, что никогда еще Россия не была так близка к конституции, как теперь». Либеральная шумиха внушала им такое почтение, что они сочли либералов способными добиться конституции своими собственными силами. В вышеуказанном письме, адресованном «только для членов Партии», они писали, что переворот может свершиться двумя путями—или при деятельном и сознательном участии нашего пролетариата, под знаменем социал-демократии, или при его полной пассивности, и предлагали стремиться к первому пути. Задачу пролетариата и социал-демократии они видели в том, что-

бы придать побольше храбрости либеральной буржуазии и побудить ее присоединиться к требованиям, с которыми выступит руководящий с.-д. пролетариат. Они при этом очень боялись испугать либералов и предостерегали рабочих от методов «устрашения». Возложив все свои надежды на революционность и силу либеральной кампании, меньшевики объявили «низшим типом демонстрации» рабочие демонстрации 1901—1903 гг.

Показательно для противоречивости меньшевистской политики и zig-загов «Искры», что это письмо писалось и рассылалось в начале ноября, а 18 (5) ноября «Искры» в № 77 напечатала статью «Демократы на распутьи». Автор статьи писал, что «умеренная, уклончивая и нерешительная тактика земских либералов вполне вытекает из основных особенностей их программы. Ставя своею целью расширение политических прав имущих классов, земский либерализм не может рассчитывать на поддержку широкого народного движения». Статья утверждала, что «демократия должна действовать самостоятельно от земских либералов и в качестве самостоятельной силы влиять на поведение земских либералов, стараясь превратить суррогаты общественного представительства во всенародное Учредительное собрание».

Чем объясняется такое противоречие статьи в центральном органе меньшевиков и «Письма». Тем ли, что статья, видимо, писалась еще перед земским съездом, разношерстным ли составом сотрудников «Искры» или тем, что статья писалась для более широкого круга читателей, чем конспиративное письмо? Скорее всего последнее. Недаром редакция «Искры» в своем втором письме ругала Ленина за разглашение конспиративного документа. Видно, им очень не хотелось публично разоблачать свой оппортунизм. «Письмо» это — яркий документ, свидетельствующий о том, что меньшевики уже в этот период полностью отказались от идеи гегемонии пролетариата в русской революции.

Мартов в своей «Истории РСДРП» пытался представить это «письмо» как попытку воспроизвести «классический образец политически самостоятельного выступления пролетариата, каким было в 60-х годах в Германии организованное Лассалем движение во время разгара борьбы между абсолютизмом и либеральной буржуазией». Но и Мартов был вынужден признать, что Ленин «теперь получил возможность констатировать глубокую противоположность политических линий между обеими фракциями»¹. Действительно, по воспоминаниям Ольминского, Ленин, когда прочел это письмо «Искры», сразу оживился и высказал при этом ту мысль, что «Искра» целый год увертывалась, а тут, наконец, попалась с поличным, и что отныне есть возможность вести борьбу принципиальную, а не бороться со склобниками².

На письмо меньшевиков Ленин ответил брошюрой «Земская кампа-

¹ Л. Мартов, История российской с.-д., изд. 3-е, стр. 86 и 87.

² Ольминский, Прелисловие к 1-му выпуску «Вперед» и «Пролетарий». Изд. Истпарт, «Красная новь», 1924.

ния и план «Искры»¹. В этой работе он не только подверг детальной критике письмо меньшевиков, но и дал большевистскую оценку как земской кампании, так и вообще либерального движения того времени и наметил большевистскую тактику по отношению к ним. Ленин пытался отрезвить меньшевиков, освободить их от либерального очарования, он указывал на полное бессилие либералов, на то, что правительство боится не их, а рабочих. «Под давлением революционного натиска *пролетариата* правительство разрешило либералам поговорить о свободе» (стр. 20). Он вскрывал контрреволюционную сущность либералов: «Пугаясь уличных листов, пугаясь всего, что идет дальше цензовой конституции, гг. либералы всегда будут бояться лозунга «демократическая республика» и призыва к вооруженному всенародному восстанию» (стр. 9). «Перед нами совершенно ясно обрисовывается возможный и вероятный союз умеренных земцев с правительством для борьбы против революционного пролетариата» (стр. 12). Он убеждал, что либералы не могут быть искренними союзниками рабочих, так как они боятся «революционной самостоятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия пока не свергнет господства буржуазии» (стр. 8).

Критикуя меньшевиков, Ленин указывал совершенно твердо на основную задачу партии критикой половинчатости либералов подталкивать их и отрывать от либеральной демократии на сторону рабочей демократии все большее количество пролетариев и мелких буржуа (стр. 7). Он признавал серьезность политического момента, но видел революционные признаки не в деятельности либералов, а в политическом возбуждении в самых различных слоях народа и в затруднительном положении правительства. Из ленинской оценки либералов и политического момента неизбежно следовал вывод прямо противоположный тому, который делали меньшевики. Ленин писал: «Именно в настоящий момент центральным фокусом политической деятельности пролетариата должна быть организация внушительного воздействия на правительство, а не на либеральную оппозицию» (стр. 18); «необходимо удесятерить энергию борьбы против правительства, а не заниматься выработкой казуистических условий соглашения с либералами об обоюдной поддержке» (стр. 12).

Ленинская критика не была способна отрезвить меньшевиков, но она все-таки задела за живое и заставила отозваться изданием нового письма к партийным организациям. В этом письме после целого ряда жалоб на то, что Ленин огласил конфиденциальный документ, после обещаний принять меры к тому, чтобы переписка редакции «Искры» с комитетами не попадала в «недобросовестные» руки, редакция «Искры» разъясняла основные мысли своего первого письма.

Авторы очень старательно пункт за пунктом оспаривали все обвинения, брошенные им Лениным. Редакция горячо отстаивала возможность и целесообразность соглашений с либералами, разбивая вопрос о согла-

¹ Сочинения, т. VII, стр. 1—20.

шении на вопрос об общем соглашении и частных соглашениях отдельных партийных организаций. Мотивы, которые выдвигает в свою защиту «Искра», заслуживают того, чтобы их привести. «Такое политическое соглашение,—пишет редакция «Искры»,—не совершается отдельными организациями, к которым было обращено письмо, оно может быть совершено только партийным центром (Советом или по его поручению ЦК) от лица всей партии на условиях, предусмотренных резолюцией II съезда. Заметим только, что, вопреки наивному мнению Ленина, эти намеченные II съездом условия нашего соглашения с демократами могут быть ими приняты, если того они пожелают, и они вынуждены будут пожелать этого, если мы сумеем показать себя политической силой. Опportunистическим, напротив, является утверждение, что буржуазная демократия и впрямь не может *обязаться* (курсив редакции письма) перед партией пролетариата отстаивать всеобщее избирательное право, становиться на сторону социал-демократии в ее борьбе с реакцией и не вводить в свою программу антипролетарских требований. Такое утверждение, отдающее, если употреблять собственное меткое выражение Ленина из «Что делать?», знаменитым «возить вам не перевозить, таскать вам не перетаскать», стремится заранее ограничить предел нашего возможного влияния на непролетарскую демократию и должно вести на практике к готовности *вступить в соглашение* (курсив ред. письма) с нею без достаточных гарантий действительной демократической политики... Не затрагивая вопроса об общем политическом соглашении нашей партии с демократами, мы указали в своем письме на возможность, предпринимая тот или другой шаг по отношению к земству, столкнуться с отдельными его радикальными элементами в интересах *техники проведения в действие* нашего плана. Если, например, есть опасность, что председатель земского собрания захочет каким-либо ловким приемом спрятать под сукно проектируемое заявление рабочих или что в данном заседании не будет присутствовать достаточно демократической публики, то было бы странно организаторам демонстрации не позаботиться о том, чтобы обеспечить себе заранее техническое содействие наиболее радикальных представителей земского движения».

Ленин не считал нужным тратить время на столь же подробный разбор второго письма, как первого. Он ограничился кратким констатированием того факта, что меньшевики сделали еще один шаг по пути оппортунизма. «Со ступеньки на ступеньку. На ряду с партийным соглашением (единственно допустимым, по резолюции Старовера) явились частные соглашения в отдельных городах. На ряду с формальными соглашениями явились моральные. Словесное признание «условий» и их «моральной» обязательности оказалось дающим звание «надежного» и «действительного демократа», хотя всякий ребенок понимает, что десятки и сотни земских говорунов сделают любое словесное заявление, уверят даже честным словом радикала, что они социалисты, лишь бы успокоить социал-демократов»¹.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 69.

Не только редакция «Искры» почувствовала необходимость откликнуться на ленинскую брошюру, Плеханов написал специальное письмо в ЦК «О нашей тактике по отношению к борьбе либеральной буржуазии с царизмом»¹. В этом письме Плеханов, возражая Ленину, говорил о значении буржуазной революции, которая впервые создает общественно-политические условия, необходимые для социальной революции пролетариата, и о том, что пролетариату нужен опыт политической жизни, выясняющий ему «взаимоотношение» всех классов современного общества. Тактика, предлагаемая «Искрой», по его мнению, должна была дать пролетариату этот опыт, разочаровать его в буржуазной демократии и этим содействовать его политическому созреванию. «И если бы тот способ действий, который рекомендует теперь рабочему классу «новая» редакция «Искры», дал ему только возможность сделать это приобретение,—я уверен, что он даст ему *не одну только эту возможность* (курсив Плеханова),— то и тогда к нему нужно было бы отнестись с полным одобрением: ведь мера разочарования пролетариата в буржуазном либерализме и в буржуазной демократии является мерой его собственной политической зрелости». Ссылаясь на буржуазный характер предстоящей революции, Плеханов предлагал пролетариату своевременно позаботиться о том, «чтобы в начинающейся борьбе приняли участие все те буржуазные элементы, которые только могут участвовать в ней».

Слабость аргументации Плеханова за участие рабочих в земской кампании бросается в глаза каждому читателю. Конечно, пролетариат учится на своих ошибках, но не дело соц.-дем. вести его по неправильной дороге для того, чтобы, разочаровавшись в ней, рабочий класс мог бы верно определить свои классовые задачи. Ленин собирался ответить Плеханову, но политические события видимо помешали этому, так как сохранился только краткий набросок тезисов этого ответа «Как они защищаются?» В этих тезисах он сравнивал письма Плеханова и «редакции «Искры»: «Плеханов защищает неверную позицию чрезвычайно осторожно и умно. Редакция—неумно. Плеханов *ни словечка* не говорит: 1) ни о резолюции Старовера и ее связи с планом «Искры», ни о высшем типе мобилизации. Ergo Плеханов именно обходит *суть* ошибки «Искры» (начало ошибки—исходный пункт ее есть резолюция Старовера. Заключительный пункт—рассуждения о «высшем» типе). Редакция именно *подчеркивает* связь своей позиции с резолюцией Старовера и *защищает* мысль о «высшем» типе»². В статье «О хороших демонстрациях пролетариев» и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов» Ленин, противопоставив друг другу различные пролетарские выступления последнего времени и их оценку «Искрой», спрашивает ее: «Почему результаты собрания десятков рабочих с сотнями либералов в четырех стенах думской залы более очевидны и плодотворны, чем собрания тысяч рабочих не только в обществах врачей и юристов, но *и на улице*. Неужели в самом деле уличные собрания

¹ Перепечатано в Сочинениях Плеханова, т. XIII изд. 1926 г., стр. 169—187.

² В Ленинский сборник, стр. 61 (изд. 1926 г.). Курсив Ленина.

(в Одессе, а также бывшие раньше в Ростове н/Дону и в других городах) развивают меньше, чем собрания в думах, чувство политической правоспособности и право требовать»¹.

События последних месяцев 1904 года целиком подтверждали ленинский прогноз. Массовое революционное движение росло одновременно с развитием банкетной кампании и все более и более отодвигало либералов на задний план исторической сцены. Летопись событий за ноябрь-декабрь 1904 года пестрит сообщениями о рабочих забастовках и митингах, о рабочих и студенческих демонстрациях, беспорядках запасных и т. д. Напуганное японцами и ростом революционного движения правительство решило дать еще несколько мелких уступок. Были даны даже не реформы, а только несколько новых обещаний реформ в будущем. 25(12) XII царь подписал указ о предполагаемых реформах: 1) расширялись права земства, 2) реорганизовался суд, 3) пересматривались постановления, ограничивающие права инородцев, 4) подвергалось пересмотру положение о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, 5) отменялись религиозные преследования, по терминологии указа они «прямо в законе не устанавливались», 6) устранялись из действующих правил о цензуре и печати «излишние» стеснения, 7) обеспечивалась участь рабочих и служащих, лишившихся трудоспособности на фабриках, заводах и промыслах, и вводилось государственное страхование их. Характерно, что одновременно с этим указом было опубликовано и сообщение правительства, грозящее карать за собрания, которые будут заявлять о необходимости политических реформ.

Никчемность этого указа была ясна даже левой части либералов, и они повели в своей печати кампанию по его разоблачению. Но на какие-нибудь решительные действия либералы не были способны. Меньшевики боялись напугать либералов и толкнуть их в сторону реакции, а либералы боялись сделать это по отношению к правительству. Открывая Елецкое земское собрание, А. А. Стахович произнес речь, в которой умолял революционные партии своими выступлениями не толкать правительство в объятия реакции.

Горячие чувства меньшевиков к либералам не встретили взаимности. Либералы в своей борьбе с самодержавием, конечно, учитывали силу рабочего класса и не прочь были даже сказать несколько комплиментов революционным партиям. Например, статья «Наши внутренние дела» в № 61 «Освобождения», учитывая обстановку, писала: «Рабочие на фабриках, организованные и просвещенные деятельной и самоотверженной пропагандой социально-революционных партий, уже сознательно ненавидят существующий полицейско-бюрократический режим и хорошо понимают его связь с самодержавием». Но говоря комплименты, они в то же время боялись влияния революционеров и рабочих на оппозиционное движение.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 37.

Либералы лучше, чем меньшевики, понимали свои классовые интересы и не собирались оправдывать возлагавшиеся на них надежды и вступить на путь революционной борьбы. Они не одобряли выступления с.-д. и с.-р. на собраниях либеральных организаций. Так, например, корреспонденция «По поводу новейших событий» в том же № 61 от 13 декабря (30 ноября) 1904 г. говорила о выступлении демонстрантов на заседании Харьковского юридического общества следующее: «Мы сожалеем о том, что харьковские демонстранты помешали членам Юридического общества произвести их собственную демонстрацию—голосование и отправку телеграммы министру внутренних дел». Редакция присоединилась к этой оценке выступления. В примечании она говорит: «мы совершенно согласны с автором, что демонстрация была организована неудачно, и потому совсем не понимаем, почему в передовой статье того же № «Искры» сказано, что эта демонстрация показывает, в каком направлении нам следует действовать».

Манифест 25 (12) декабря поставил либералов в тупик. Этого манифеста они ждали долго и возлагали на него большие надежды. Одно время распространялся даже слух о том, что этим манифестом будет дана конституция, и вдруг все их надежды были разрушены. Становилось очевидным, что для борьбы с самодержавием мало одних слов, нужны реальные силы. Этих сил не было и не могло быть у либералов. 27 (14) декабря правительство нанесло им еще один удар. Было опубликовано правительственное сообщение, угрожавшее земствам карам за поднятие вопросов, не подлежащих их компетенции. Правительственная «весна» кончилась и закончилась вместе с нею земская кампания.

Подавляющее большинство либералов-земцев подчинилось без борьбы. Только часть смоленских и черниговских земцев устроила «забастовку» и отказалась участвовать в земском собрании. Тверские земцы решились вопреки царскому приказанию принять хотя бы очень робкую политическую резолюцию: «Тверское дворянство признает, что и жизненное разрешение задач, намеченных в высочайшем указе от 12 декабря, идущем навстречу ясно выраженным желаниям русского общества, и всякая плодотворная законодательная работа возможны лишь при участии избранных представителей народа».

Либеральное движение замерло, но быстро росло подлинно революционное и, конечно, гораздо более страшное для правительства движение рабочих. На другой же день после царского манифеста 26 (13) декабря началась 22-дневная всеобщая забастовка в Баку.

4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.) произошло крупное событие в истории большевизма—вышел первый № газеты «Вперед». Ленинская партия получила, наконец, возможность высказаться о текущих событиях на страницах своего собственного периодического органа и воспользовалась этой возможностью для разбора теории и тактики отношения партии к либеральному движению. Написанная Лениным передовица «Самодержавие и пролетариат» констатировала наличие интереса у рабочих к

движению либералов: «хотя пролетариат сравнительно мало участвует в наиболее парадных и торжественных проявлениях либерального движения, хотя он держится как будто бы немного и в стороне от чинных совещаний солидной публики, но по всему видно, что рабочие чрезвычайно глубоко заинтересованы в движении».

Ленин анализировал либеральное движение и предлагал твердо различать временные причины либерального возбуждения от вопроса о неустранимом противоречии между самодержавием и классовыми потребностями буржуазии. «Недолговечность и непрочность либерального возбуждения по тому или иному поводу, конечно, не могут заставить нас забыть о неустранимом противоречии между самодержавием и потребностями развивающегося буржуазного общества. Самодержавие не может не задерживать общественного развития. Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазии как класса, интересы интеллигенции, без которой немыслимо современное капиталистическое производство. Поверхностным может быть повод либеральных заявлений, мелок может быть характер нерешительной и двойственной позиции либералов, но настоящий мир возможен для самодержавия лишь с кучкой особо привилегированных тузов из земледельческого и торгового класса, а отнюдь не со всем этим классом. Прямое представительство интересов правящего класса в форме конституции необходимо для страны, которая хочет быть европейской страной, и которую положение ее обязывает под угрозой политического и экономического поражения стать европейской страной. Поэтому крайне важно для сознательного пролетариата ясно понимать и неизбежность либеральных протестов против самодержавия, и действительный буржуазный характер этих протестов». Он снова повторял, что «для пролетария борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки». Он указал: «чем чаще, чем решительнее выступают представители так называемого общества с своими якобы общенародными требованиями, тем беспощаднее должна социал-демократия разоблачать классовый характер этого «общества». И тут же дал великолепный пример такого разоблачения в виде разбора резолюций земского съезда 19—21 (6—8) ноября ¹.

Резкая критика либерального движения в статьях М. Ольминского «Либеральные огорчения» ² и В. Северцева «Политика уступок» ³ показывает, что Ленин не был одинок в своем отношении к либеральной оппозиции.

Наступило 9 января. Перед массовым движением рабочих, поднявшихся в ответ на расстрел своих товарищей, померкло все остальное. Либеральная интеллигенция снова зашевелилась, но ее движение в этот

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 29—31.

² «Вперед» № 2.

³ «Вперед» № 3.

период уже эмансипировалось от движения земцев и под влиянием общего «настроения стало более радикальным. Правительство уничтожило последний остаток своей «весны», Святополк-Мирский был заменен Булыгиным.

Земская кампания в истории русского либерализма сыграла определенную и довольно значительную роль. Она была и самым сильным и последним выступлением объединенной либеральной земской оппозиции. Первые же шаги массовой революции пролетариата и крестьянства заставили либералов самоопределиться и дифференцироваться. Освобожденцам, руководившим движением либералов, нельзя было дольше оставлять открытым вопрос о своей программе. Попытка выработать программу сразу вскрыла все раньше скрывавшиеся разногласия и весной 1905 года от земской оппозиции ушло и ее правое и левое крыло. Первой покинула ее профессиональная интеллигенция, уйдя в различные просветительные общества, которые сразу после 9 января начали принимать резкие резолюции протеста против петербургских избиений и превратились в места для произнесения страстных политических речей, вынесения радикальных резолюций. Профессиональная интеллигенция, порвавшая с земской оппозицией, начала организовывать профессионально-политические союзы людей интеллигентских профессий, сыгравшие позже довольно значительную роль в революции 1905 года. Первые же аграрные волнения заставили сильно поправять значительную часть земцев. Они создали впоследствии партию октябристов.

Для историка-марксиста земская кампания интересна не столько сама по себе, сколько тем, что она содействовала выявлению и оформлению двух тенденций в русской социал-демократии, двух концепций революционных сил России.

Упрощенно понимая классовые взаимоотношения в буржуазно-демократической революции, меньшевики так же упрощенно понимали и вопрос власти в послереволюционный период. Мартынов в брошюре «Две диктатуры» писал: «Предстоящая русская революция будет буржуазная...а потому «пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции». Такова же была и резолюция меньшевистской конференции 1905 года: «социал-демократия не должна ставить своей целью захватить или разделить власть во Временном правительстве, а должна оставаться партией крайней оппозиции».

Сложность классовых взаимоотношений и огромные возможности русской революции не сознавал и Плеханов. Он тоже считал, что раз революция буржуазная, значит и власть должна принадлежать буржуазии. Полемизируя с Лениным в вышеуказанном письме в ЦК, он утверждал что если рабочие послушаются советов Ленина, то получится, что *революционный пролетариат*, не щадя живота своего, ведет борьбу с абсолютизмом, предоставляя «половинчатой» буржуазии в наказание за ее половинчатость спокойно сидеть сложа руки; а когда абсолютизм падет, этот самый пролетариат отходит на задний план,—потому что совершенная

им революция имеет буржуазный, а не социалистический характер, представляя «половинчатой» буржуазии *целиком* пользоваться плодами совершенной им революции» (курсив Плеханова).

Диаметрально противоположную Плеханову позицию занимал Ленин. В «Двух тактиках» он дал схему своего представления о наступающей революции. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»¹. Он ни в коем случае не соглашался с Плехановым, что буржуазия обязательно должна воспользоваться плодами пролетарской победы над царизмом: «решительная победа революции над царизмом» есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. От этого вывода, давно указанного «Впередом», никуда не уйдут наши новоискрывцы. Больше некому одержать решительную победу над царизмом»².

Меньшевики не хотели признать, что разногласия в 1905 году были глубже, чем вопросы ближайших тактических шагов. Мартов в своей «Истории российской социал-демократии» писал о периоде земской кампании: «Две тактические концепции таким образом были противопоставлены друг-другу, и борьба двух фракций вышла из сферы чисто-организационных вопросов». На самом деле дискуссия этого периода была началом теоретической проработки проблемы революционных сил русской революции, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

И. Сталин писал о 1905 годе: «Два стратегических плана боролись в этот период в нашей партии: план меньшевиков (Плеханов, Мартов 1905 г.) и план большевиков (т. Ленин 1905 г.). Меньшевистская стратегия планировала основной удар по царизму по линии коалиции либеральной буржуазии с пролетариатом».

Меньшевики передавали гегемонию в революционном движении из рук пролетариата в руки буржуазии, игнорировали указания Ленина на двойственность позиции буржуазии во время буржуазно-демократической революции в эпоху, когда пролетариат принимает участие в общенародном кризисе, как самостоятельный класс, руководимый своей собственной партией. Они неспособны были понять, что «будучи политически поработанной помещиками и абсолютизмом, буржуазия занимает контрреволюционное положение при усилении рабочего движения. Отсюда ее колебания, ее отступления «на задний план». Она и против старого порядка, и за него»³. Меньшевики полностью отказались от идеи гегемонии пролетариата в русской революции. Оглядываясь на революцию П. Б. Аксельрод в «Двух тактиках» — докладе, прочитанном им на Стокгольмском съезде,

¹ Ленин, Сочинения т. VIII, стр. 96.

² Там же, стр. 62.

Там же, стр. 497.

говорил: «Всекие разговоры на тему о том, что пролетариат был революционным авангардом в эти моменты освободительного движения, суть не более, как пустой плод своеобразного недоразумения и довольно-таки злободневного самообольщения нашей партии»¹. Он утверждал: «Мы не можем обойти объективно историческое требование «политического сотрудничества» пролетариата и буржуазии в абсолютистской России»².

Переоценивая революционность и силу либералов, меньшевики при этом совершенно игнорировали, как движущую силу революции, крестьянство. Об этом очень определенно говорит статья Череванина в меньшевистском сборнике «Борьба общественных сил»: «Как стихийная революционная сила, лишенная политической сознательности, крестьянство не может быть надежным союзником в восстании; будучи же монархическим по своим чувствам и убеждениям, оно при серьезных попытках свергнуть монархию могло стать контрреволюционной силой, поднявшись на почве тех или других лживых обещаний против города». Аналогично высказался на Лондонском съезде Абрамович: «И сейчас по целому ряду вопросов, культурному и политическому воспитанию, городская буржуазия ближе к нам, чем стихийно-революционное, темное крестьянство». Меньшевики совершенно не осознали ту особенность революции 1905 г., о которой Ленин сказал: «Это была крестьянская буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и относительно высокого развития в России»³. Меньшевики не заметили, что «к 1905 г. окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс». И он повел народ, повел миллионы крестьянства на революцию⁴.

Меньшевики не понимали значения аграрного вопроса и аграрного движения в буржуазно-демократической революции 1905 года. Либеральное движение заслонило в их глазах силу и революционность массового пролетарского и крестьянского движения. Именно к их пониманию революции приложимы слова Ленина: «Поверхностно было бы рассматривать русскую революцию как движение, направленное к свержению абсолютизма. Надо рассматривать ее, как пробуждение широких масс народа к самостоятельной политической деятельности». Учитывая все особенности обстановки, в которой в России начиналась буржуазно-демократическая революция, Ленин фиксировал внимание партии на идее гегемонии пролетариата в русской революции, на том, что в борьбе с царизмом единственным надежным союзником пролетариата может быть крестьянство.

Двойственный характер революционной эпохи, в которой переплетались противоречия двух разных порядков: с одной стороны, между бур-

¹ Протоколы объединительного съезда РСДП. Изд. Испарта ЦК ВКП (б). Гиз, 1926. стр. 179.

² Там же, стр. 173.

³ Ленин, Сочинения т. XIV, стр. 401.

⁴ Там же, т. XV, стр. 110.

жуазным обществом и остатками феодализма, а с другой—противоречия капиталистические, особенно ярко выражен Лениным в статье «Социализм и крестьянство»: «В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, но две различных разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая—в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна—общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая—классовая борьба пролетариата с буржуазией—за социалистическое переустройство общества»¹.

Это ленинское понимание характера предстоящей революции было совершенно чуждо меньшевикам.

Р. Хабас

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 255.

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ В БЕЛОРУССИИ

Правый уклон и национал-демократизм, с достаточной ясностью определившиеся в различных областях партийной и советской работы в Белоруссии, получил свое особое выражение в области историко-исследовательской работы вообще и в частности в области изучения истории революционного движения и истории партии.

Истпарт ЦК КП(б)Б не раз указывал на антибольшевистский, шовинистический подход в освещении истории революционного движения в Белоруссии. Результатом этого было то, что уже X съезд КП(б)Б в январе 1927 года занялся этим вопросом и в резолюции по политотчету указывается на необходимость борьбы против шовинистических тенденций, против идеализации белорусских мелкобуржуазных партий, против представления их как предвестников большевизма в Белоруссии. Антибольшевистский подход со стороны некоторых членов партии в освещении исторического прошлого выразился не только в идеализации мелкобуржуазных партий, но и в попытках создания «самобытной» истории рев. движения и ком. партии, т. е. истории, свободной от чуждых влияний и, в особенности, от влияния «москалей», истории, которая должна была доказать, что белорусский народ имел своих Стенек Разиных, Пугачевых, декабристов, Герценов, Бакуниных, Михайловских, Плехановых и даже своего Ленина, стоявших в свое время во главе различных освободительных движений, и что даже белорусская советская республика создана была при совершенно особых условиях под руководством *белорусских национальных партий*. Эта тенденция нашла свое отражение не только в отдельных выступлениях. Она стала системой, которую сознательно проводили всюду и в учебниках, и в литературе, в театре, в кино, в живописи и скульптуре. Эта тенденция проводилась весьма открыто не только «беспартийными» белоруссами, но и некоторыми членами партии.

Обследовавший в 1929 г. работу парторганизации Белоруссии в национальном вопросе т. Затонский остановился на книге В. Игнатовского, «История Белоруссии» и характеризует ее в следующих словах:

«В книге тов. В. Игнатовского «История Белоруссии» мы встречаемся с неверной идеализацией прошлого и популяризацией нашеневского возрожденчества¹. «Предчувствуют,—пишет В. Игнатовский,— вре-

¹ «Наша нива» — журнал мелкобуржуазного националистического направления, издававшийся в г. Вильно в 1906—1915 г.

менами возрожденцы и размах будущей революции. Это будет глубокая и широкая революция, которая всколыхнет широкие трудящиеся массы Белоруссии и всего света. Много прольется крови, ибо вместе с революцией придет и месть за вековую социальную обиду... Зашумели вихри, загудели. Пришла на свет великая социальная революция. Часть белорусских возрожденцев сразу узнала ее и кинулась в ее русло на борьбу за социальное освобождение всего света, а вместе с этим и Белоруссии. Другая часть, не видя из-за классово-интернационального содержания национального, еще присматривается к ней на протяжении нескольких лет. Теперь и она вошла в ее русло. *Белорусское возрожденческое движение сделалось одной из составных частей настоящего великого движения социальной революции».*

...Совсем в иных тонах освещается т. Игнатовским роль партии большевиков в организации соввласти в Белоруссии в начале ее возникновения—20 ноября 1917 г. «...Персональный состав комитета больше отвечал условиям фронта, чем Белоруссии». Описывая состоявшийся 17 декабря 1917 г. роспуск советской властью контрреволюционного всебелорусского конгресса, автор отмечает:

«Национальное движение *оторвалось* от общего революционного движения. Социальная революция утрачивает со своей стороны влияние на те массы рабочих и крестьян, какие стояли за плечами белорусских национальных организаций».

Впрочем, сам тов. Игнатовский заявил, что это произведение им написано в то время, когда он был эсером. К тому же времени сам тов. Игнатовский после безуспешных попыток создать так называемую Белорусскую коммунистическую организацию, вошел в КПБ. История была им переделана, читалась в качестве лекций в 1922/1923 г. Издана первым изданием в 1924 году и вторым в 1926 г. Авторское предисловие издания 1926 года говорит, что книжка является необходимым пособием для студенчества и учителей, которым также необходимо иметь материал в их повседневной работе по Белорусскому движению. В этом же предисловии автор приносит горячую благодарность «тов. Лесику», который взял на себя труд подобрать подходящие рисунки к тексту книжки. Упомянутый Лесик—матерый националист, автор верноподданнического обращения от имени белорусского народа к императору Вильгельму, как избавителю от советской оккупации.

Нет никакого сомнения, что Лесик может быть удовлетворен националистской историей Игнатовского. Гораздо более странно, что автор, сам видя крупнейшие ошибки, не выправляет их.

В освещении истории восстания 1863 года т. Игнатовским дана неправильная классовая оценка и допущена идеализация одного из деятелей восстания Кастуся Калиновского, который выставляется в качестве вождя белорусского народного движения и прямого предшественника революции XX века. Кастусь Калиновский примерно в таком же освещении

щении как в истории т. Игнатовского (с заметным национальным душком) подается широким массам в пьесе того же названия, идущей на сцене первого Белгостеатра в Минске».

Так писал в своем докладе т. Затонский. Тов. Игнатовский согласился с его доводами, о чем и заявил в открытом письме¹, опубликованном в печати, что, конечно, не исключает необходимости разоблачения его ошибок, имеющих широкое распространение.

Вот что он писал в этом письме:

«Уважаемый т. Затонский.

В связи с нашим разговором о моей книжке «історыя Беларусі у XIX пачатку XX стагоддзя» считаю нужным отметить, что она имеет много идеологических ошибок и практических недостатков.

Перечислю важнейшие:

1) Очень часто наблюдается соскальзывание с марксистского подхода, подхода с точки зрения классовой борьбы—в сторону подхода с точки зрения единого господства, единого народа и единой нации. Отсюда вытекают и отдельные ошибки в сторону единого национального фронта, в сторону национал-демократизма, в сторону объяснения отдельных исторических событий—политико-государственными, политико-национальными, а не социально-экономическими причинами. Такие ошибки наблюдаются в статьях о «Беларусских рухах», о «Нашаніўскім адраджэнстве», «Інкорпорацы Беларус» и др.

2) В книжке неправильно поставлен вопрос об империализме, под которым там вульгаризирована разумеется просто захватническая политика той или иной великой державы. Такие ошибки встречаются в следующих статьях: «Беларусь у першай палавіне XIX ст.», «Часы кампаніі 1812 г.», «Урад Аляксандра II».

3) Совсем некстати народничество приписывается так называемым «хлопаманам» конца 50-х и 60-х годов, из-за чего у читателя книги создается неправильное понимание сущности народничества. См. статьи: «Паўстаньне 1863 году», «Ліквідацыя паўстання 1863 году», «Беларускі рух у 50, 60 і 70-х гадах».

4) При правильной, в общих чертах, постановке вопроса о восстании 1863 г. в Польше и на Белоруссии не подчеркнут как следует его национально-демократический, мелко-буржуазный характер, благодаря чему создается такое впечатление, будто Кастусь Калиновский был вождем исключительно белорусского крестьянства; не приведена отрицательная характеристика польских восстаний из переписки между Марксом и Энгельсом, не отмечен клерикализм (униатский и католический) «красных» на Белоруссии, для чего у меня не было под руками тогда соответствующих материалов.

5) Недостаточно подчеркнута контрреволюционная сущность Белорусской социалистической громады и национального белорусского движения в предоктябрьские времена и в дни Октябрьской революции.

¹ Письмо было напечатано во всех белорусских газетах.

6) Установка и трактовка Октябрьской революции на Белоруссии довольно путаная, благодаря чему неясна роль Смоленска (центр Западной области и Западного фронта), Москвы (белорусские секции РКП, Белорусский Национальный комиссариат) и Минска (подпольная работа, партизанщина) в создании БССР.

7) Переоценка роли и значения «Бунда» в организации и созыве первого съезда РСДРП в Минске. См. статью: «Развиття рабочего руху і зубатайшчына на Беларусі».

8) Неправильный взгляд на включение левого течения «адраженческого» движения в движение Октябрьской революции, благодаря чему создается впечатление возможности примирения единого классового революционного фронта с единым бесклассовым национальным фронтом. См. статью: «Нашаніўская адраджэнства».

9) При противопоставлении Российского «Свода законов»—«Литовскому Статуту» не выявлена классовая сущность последнего, благодаря чему создается впечатление некоторой идеализации «Литовского Статута». См. статью: «Русіфікацыя Беларусі» и «Апошнія годы XVIII-го стагоддзя».

10) Перепутаны роли Сераковского и Огрызки. См. статьи «Паўстаньне 1863 г.».

11) Грубая ошибка в определении социального состава польского населения на Белоруссии. См. статью «Русіфікацыя на Беларусі».

Возможно, что в книжке есть и другие ошибки, которых я не заметил при поспешном пересмотре ее.

Поправляя я ошибки книжки при чтении в университете курсов «Гісторыя Беларусі ў XIX стагоддзі» и Гісторыя Кастрычнікаўскай рэвалюцыі на Беларусі». Ошибки о восстании 1863 г. я выправил в тезисах для доклада в коммунистической Академии и в статье о восстании 1863 г., напечатанной в «Большавіке Беларусі». Ошибки в постановке вопроса и трактовке Октябрьской революции на Белоруссии я выправил в своих тезисах и докладе на XI съезде КП(б)Б.

О контрреволюционности белорусского национального движения я читал много публичных лекций как в Минске, так и в округах.

Все это я отмечаю не для оправдания, а как ответ на Ваш вопрос. К этому письму прибавлю следующее:

1. Ошибки, которые отмечены мною, относятся не только к книжке по истории 19 и 20 столетий, но и к общему курсу и некоторым другим моим статьям.

2. Ошибки не могли быть исправлены в систематическом виде в печати, благодаря моей невероятной нагрузке, а не потому, что я не хочу их исправить.

3. Этой зимой, совместно с рядом товарищей, я приступлю к подготовке для печати работы по истории Белоруссии, в которой (работе) мы приложим все силы для правильной, марксистской постановки вопроса.

Мало—признать ошибки, нужно их как следует исправить, на что

нужны время, основательная разгрузка от других обязанностей, о чем я еще раз буду просить Бюро ЦК.

Прошу центральные и окружные газеты перепечатать это письмо».

Это письмо написал автор «История Белоруссии в XIX столетии» и автор двух других книжек по истории Белоруссии, которые до последнего времени были единственными учебниками во всех белорусских школах (как в элементарных, так и в вузах и партшколах). Если столько ошибок было допущено членом партии, то можно себе представить, как писали историю Белоруссии «беспартийные» историки.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ВОССТАНИЯ 1863 г.

Остановимся на тех антимарксистских и шовинистических тенденциях, которые нашли свое конкретное выражение в историко-исследовательской работе в Белоруссии.

Польское национальное восстание 1863 года охватило и белорусские губернии. О характере и значении этого восстания Ленин в своей полемике с Р. Люксембург писал:

«... Известно, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс считали безусловно обязательным для всей западно-европейской демократии, а тем более социал-демократии активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х гг. прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России—эта точка зрения была вполне правильной и единственно последовательно демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных массовых демократических движений, *шляхетское* (курсив мой.—С. А.) освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»¹.

Это национально-революционное движение, движение польской шляхты и зародившейся буржуазии, несмотря на то, что «приобрело гигантское значение с точки зрения всеевропейской демократии», не нашло поддержки со стороны широких масс крестьянства и трудящихся города. Широкие массы крестьянства и городской бедноты активного участия в восстании не принимали. Крестьяне, стонавшие под гнетом панщины, угнетавшиеся самым бесчеловечным образом, не могли откликнуться на призыв своих угнетателей—панов и шляхты. Наоборот, крестьяне нередко шли против повстанцев потому, что видели в них только своих врагов—панство. И часто крестьяне предавали в руки царской полиции панов, причастных к движению.

¹ В. Ленин, Сочинения, том XVII, стр. 457 (2-е изд.)

В 1875 году в Лондоне состоялся интернациональный митинг, посвященный годовщине польского восстания 1863 года. На митинге с речами выступали Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Врублевский и др. Один из ораторов по фамилии Судзеловский (Из Могилевской губернии) сказал:

«...Несмотря на симпатии к польскому движению, он не может не заметить, что народ далеко не был на стороне революции; наоборот, крестьяне нередко шли открыто против восставших, видя в них бунтующих панов. По его мнению, польская революция была революцией шляхты, а не народа, в этом причина ее неудачи. Польские революционеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазии надоело московское иго, то не меньше надоело польскому народу иго шляхетское; что путь социальной революции есть единственный путь для польского народа»¹.

Спустя год (в 1876 г.) мы находим в том же журнале «Вперед» корреспонденцию из Белоруссии. В этой корреспонденции между прочим говорится о характере восстания 1863 г. в Белоруссии следующее:

«...Как известно, польское восстание в Белоруссии было делом исключительно высшего класса, поэтому оно не только не могло вызвать сочувствия среди местного населения, но, наоборот, представило белоруссам удобный случай отомстить своим вековыми мучителям. В Динабургском уезде крестьяне начали жечь помещичьи усадьбы, так что для усмирения их пришлось посылать войска. В некоторых уездах Могилевской губернии крестьяне перевязали в один день всех своих помещиков и доставили их в уездные города начальству, которое их немедленно должно было освободить, как ни в чем неповинных, к великому удивлению крестьян».

Такие же факты передает француз Фук, добровольцем вступивший в ряды повстанцев. В своих воспоминаниях он рассказывает, что нередко крестьяне встречали повстанцев словами: «собачья шляхта».

Аналогичные факты, свидетельствующие о враждебном отношении крестьян к восстанию, приводит также и Граве в своей работе «1863 год». Граве передает, что повстанцы перевешали сотни крестьян за «измену отечеству»². Часто руководители повстанцев не допускали к участию в восстании подлинно-революционные элементы. Имел место случай, когда семь тысяч рабочих Парижа пришли в польский комитет и изъявили готовность пойти добровольцами на помощь повстанцам. Но польский комитет их не послал потому, что руководители народного правления стремились к одной цели—к созданию в Польше такого порядка, который был бы основан на угнетении простого народа.

Это обстоятельство тесно связано с тем, что царское правительство свои реформы 60-х годов провело в западных губерниях раньше, чем

¹ «Вперед», № 3. 1875 года.

² В. Игнатовский, «История Белоруссии XIX и начала XX столетия», стр. 121. Белгосиздат, 1925.

в других местностях России, чтобы этим привлечь крестьянство на свою сторону и чтобы отвлечь его от участия в восстании, подготовлявшемся в Польше. Понятно, что крестьянство своими выступлениями помогало царизму удержать свою власть в Польше, и что эти крестьянские выступления следует расценивать как реакционное явление. Однако, это было вполне естественно: угнетенное крестьянство выступило этим против своих угнетателей.

Как же освещает это восстание Игнатовский в своей книжке «Белоруссия». Вот что он пишет об этом движении:

«Во время проведения крестьянской реформы вспыхнуло второе польское восстание 1863 года. Оно очень значительно задело и Белоруссию, превратившись здесь в движение с одной стороны крестьянское, с другой стороны, в политико-освободительное, незапальничное. Сразу после создания в Варшаве повстанского польского жонда (правительства) в Вильне организуется литовско-белорусский жонд. Он резко делится на две части—белых и красных. Белые состоят из крупных белорусских помещиков (напр., Свенторжецкий), которые стоят за создание единой великой Польши и за сохранение старого социального строя в Белоруссии. Красные представлены мелкой «мощной» шляхтой, иногда уже безземельной, и интеллигенцией, настроенной радикально-народнически. Они ставят своей целью радикальное разрешение в Белоруссии крестьянского вопроса и создание независимой от Польши и России Белорусской республики. Сотрудничество этих двух группировок тормозит восстание в Белоруссии. Крестьяне, видя участие в восстании панов, не идут за повстанцами. Дело меняется, когда красные откалываются от белых и берут инициативу в свои руки. Во главе движения становится революционер-народник Кастусь Калиновский. Движение принимает яркий, антишляхетский характер. Вот слова, приписываемые Калиновскому: «топор повстанца не должен задерживаться даже над колыбелью ребенка шляхтича». Кроме того, Калиновский не согласен подчиняться Варшаве, «такой безмозглой башке, как Варшава нельзя доверять будущую судьбу Белоруссии». Крестьяне начинают прислушиваться к красным и принимать участие в восстании»¹.

Как видим, Игнатовский прежде всего разделяет движение на польское и белорусское. Во-вторых, он тут же, не моргнув глазом, сделал «революцию» в самом движении. Во главе движения он ставит белорусского революционного «народника» Кастуса Калиновского, превращающего это национальное движение в крестьянское движение с такими лозунгами, как: «топор не должен останавливаться даже над колыбелью панского ребенка».

Откуда Игнатовский взял эти факты, об этом в его книжке «Белоруссия» не указано, так же, как он этого не указывал и в других своих книжках. Кроме того, Игнатовский в своей «Истории Белоруссии» писал.

¹ В. Игнатовский, «Белоруссия» Стр. 40. 2-е изд. Белгосиздат. 1929.

что Калиновский издавал белорусскую газету «Мужицкая правда», призывавшую к борьбе с помещиками, и вообще сделал из него первого великого народника, стоявшего во главе крестьянского восстания в Белоруссии в 1863 году. В течение нескольких лет по Белоруссии распространялся календарь с портретом Калиновского, на котором была надпись: «Первый белорусский революционер, руководивший в 1863 году крестьянским восстанием». Все учебники, вся поэзия и проза советской Белоруссии заполнены легендарными рассказами все о том же К. Калиновском. При таком положении понятно, что все рассматривали Калиновского, как руководителя крестьянского движения в 1863 году. Нужно признаться, что, к сожалению, и мы допустили ошибку, повторяя в своей статье в 5-ом томе БСЭ эту выдуманную националистическую легенду о Калиновском.

Что вся эта история о Калиновском является националистической легендой, мы обнаружили позже, во время собирания материалов для нашей работы «Революционное движение в Белоруссии», натолкнувшись при этом на т. н. «Мужицкую правду», которую, по словам Игнатовского, издавал Калиновский. В одной из этих листовок, издававшихся этим «народником и руководителем крестьянского движения», мы читаем: «...Хлопцы, когда теперь польское правительство, поднявшее восстание, просило москаля дать нам землю, справедливую вольность и веру наших отцов, когда так широка земля наша, что народ толпою, кто с ружьем, а кто с косой, идет на предвечного нашего неприятеля—поганого москаля, когда москаль от наших кос огнем удирает, неужели мы, хлопцы, сидеть будем. *Мы, которые живем на земле польской, которые едим хлеб польский, мы, поляки с веков вечных*» (курсив мой.—С. А.).

Кто за жондом польским, тому правдивая вольность; кто против его, тому вечная неволя на этом и вечное мучение на том свете. Выбирайте, что кому лучше»¹.

В № 2 «Мужицкой правды» указывается, что все крестьянские бедствия являются следствием того, что другие народы присвоили себе польские богатства. Вот как «Мужицкая правда» писала об этом:

«...Был когда-то наш народ свободный и богатый... Но в соседстве с нами жили немцы и «москали». Одному и другому богатство наше—кололо глаза... да и захотели они нас прогнать с нашей родины. Нужно было защищаться, тогда король сказал—идем защищаться... одни защищали край, ходили по войнам, а другие—то пахали, то сеяли, то косили и жали. Отсюда и взялась эта барщина. Судите теперь сами, можно ли было поступить справедливей, чем поступили когда-то король польский и литовский? Но когда «москаль» с немцем хитростью нас подчинили и пошло правительство московское... одумались было мужики, осмотрелись, что плохо и давай бунтовать под руководством Костюшки; а Костюшко то говорил: если мужики хотят уже сами защищать свою землю, так пусть же не обрабатывают барщину, да и не платят в казну оброка за землю.

¹ Письмо Яськи Гаспадра з под Вильна. Оригинал хранится в Музее революции БССР.

Вот это так справедливость. Ну, что ж, тогда «москаль» прекратил манифест Костюшки, чтобы он не взбунтовал всех мужиков»¹.

Вот как писатели «Мужицкой правды» изображают крестьянам причины их страданий—не помещики, не паны виновники крестьянского рабства, но злые соседи «москали», напавшие на Польшу. Во имя защиты страны добрый польский король был вынужден ввести панщину. А когда Костюшка хотел отменить панщину, крестьяне не принимали участия в войне, вследствие чего Костюшка был побежден и крестьянство было вновь закреплено.

В следующих номерах снова утверждается, что единственным виновником крестьянских бедствий являются москали.

В № 5 «Мужицкой правды» снова указывается, что, когда человек (в Польше) шел защищать свое отечество, польское правительство давало ему землю, давало волю и звание шляхтича. Но не так делал москаль, у которого надо служить 25 лет и который не только не дает воли и шляхетского достоинства, эта собака не дает даже куска хлеба.

№ 6 «Мужицкой правды» целиком посвящен защите униатского вероисповедания. В этом листке говорится:

«...Это царь московский... подкупивши много попов, велел нас в раскол записать, это он платил деньги, чтобы мы только переходили в православие, и, как этот антихрист, отобрал от нас нашу справедливую униатскую веру и погубил нас перед богом навеки; а сделал он это для того, чтобы мог нас без конца драть, а бог справедливый не имел милости над нами.

...Рассказывают люди, что святой отец из Рима прислал уже нам свое благословение, но москаль его задерживает,—говорят, что пришлет и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, хлопцы, кто верит в бога, его сына и святого духа, пусть сейчас переходит в правдивую веру дедов и прадедов. Ибо, кто не перейдет в унию, тот раскольник останется, тот как собака сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет... Сотвори молитву, чтобы бог всемогущий помог людям, которые нам добра желают, которые хотят, чтобы мы были свободные, как шляхта, славили бога по правде и заслужили царство небесное на том свете».

№ 7 «Мужицкой правды» проникнут этим же духом. В москале видят единственную причину всех бед, только польское правительство может дать свободу и землю крестьянам. И только оно может восстановить униатское вероисповедание, загнанное москалями.

Из этих цитат из «Мужицкой правды» становится ясным для всякого, что здесь мы имеем перед собой польские шовинистические листовки, изданные на белорусском языке с единственной целью вовлечения в борьбу белорусских крестьян за интересы руководителей польского восстания, т. е. за восстановление самостоятельной Польши в границах

¹ «Мужицкая правда», № 2, Архив Белорусской Академии наук.

1772 года. Становится также ясным,—что летучки «Мужицкой правды» все были проникнуты польским патриотизмом, окрашены в ярко католические цвета и что «Мужицкая правда» ничего общего с народническими идеями, которые распространялись в Белоруссии в эпоху польского восстания обществом «Земля и воля», не имела.

В 1861—63 гг. «Земля и воля» издавала в Витебской губернии журнал «Свобода». В этом журнале действительно излагались народнические идеи Герцена, Огарева, Бакунина и др. В нем извещалось об организации союза «Земля и воля», борющегося за передачу земли крестьянам *без выкупа*, и создание такой формы государства, при котором будут править выборные от народа, но не царские чиновники.

Кроме всего прочего, мы нашли ряд печатных указаний, что издателями «Мужицкой правды» были два участника польского восстания—поляки Томашевский и Врублевский, позже принимавший активное участие в Парижской коммуне¹.

Все это показывает, насколько необоснованно и неверно утверждение Игнатовского о народничестве Калиновского и его руководстве крестьянским восстанием против шляхты.

Откуда, однако, Игнатовский взял свои «факты» о «крестьянском восстании» под руководством Калиновского? Эта загадка была для нас разрешена, когда мы прочитали книгу Рача «Польский мятеж 1863 года». Эта книга вышла в свет в 1867 году и написана она была по поручению Муравьева-вешателя. В этой книге автор, с одной стороны, должен был показать геройство Муравьева, а с другой стороны—она имела целью оправдать неслыханные насилия царского правительства и Муравьева.

Эта книга и явилась тем источником, откуда Игнатовский черпал свои сведения о деятельности Калиновского и его революционности. Других источников легенды о Калиновском мы не обнаружили. В архивных документах, опубликованных о восстании 1863 года в Минской губернии, указывается, что К. Калиновский был уполномоченным польского жонда. В официальном отчете, посланном Муравьевым в Петербург после того, как Калиновский был повешен, указывается, что он был представителем

¹ Следующие источники указывают на Врублевского и Томашевского как на издателей «Мужицкой правды».

а) В Колоколе № 162 1863 г. описывается процесс Томашевского и Петровского, происходивший в Вильне в мае 1863 года. Они обвинялись в распространении «Мужицкой правды». Петровский был осужден к 6-ти годам каторжных работ с конфискацией имущества а Томашевский — к 4 годам каторжных работ.

б) В «Вперед» № 40, стр. 570 указывается, что «Мужицкая правда», выходившая в 1862/63 г. в Гродненской губернии, издавалась при участии Врублевского.

в) В книге «За 100 лет», часть 2, изданной Степняком и Бурцевым, указывается на стр. 55, что издателями «Мужицкой правды» являлись генерал Парижской коммуны Врублевский и Томашевский.

г) Во втором выпуске заграничного журнала «Былое», выпущенного в 1906 г. «Донской речью» в России, на стр. 126 указывается, что издателями «Мужицкой правды» были Врублевский и Томашевский.

Во всех этих источников совершенно не фигурирует имя Кастуса Калиновского.

варшавского центрального комитета и ни одним словом не упоминается ни об особом белорусском или литовском «жонде», ни о революционной деятельности Калиновского. Названную книгу Рача Игнатовский, повидимому, использовал для своей истории без всякого критического анализа, не называя ни ее автора, ни того, по чьему поручению она была написана. И на основании этих-то полицейских вымыслов Рача Игнатовский написал «историю», отравлявшую сознание белорусской молодежи и широких белорусских трудящихся масс вредной националистической легендой о том, что К. Калиновский был революционером-народником, руководившим антишляхетским движением крестьянства в 1863 г.

Но Игнатовский не только изображает Калиновского «революционером-народником», руководившим в 1863 г. крестьянским восстанием. В своей книжке и в своих статьях он изображает Калиновского также пионером последующего революционного движения в Белоруссии, идеи которого подготовили белорусскую деревню к революции 1905 г.... Вот что Игнатовский пишет по этому поводу: «Начинает подготавливаться революция 1905 года, как в деревне, так и в городе. Для деревни типично *народническое белорусское движение*, завещанное погибшим на муравьевской виселице К. Калиновским»¹.

Игнатовский целиком отрицает влияние общего народнического движения на Белоруссию. Ни одним словом не упоминается, что революционные народнические идеи в Белоруссии берут свое начало со времени организации союза «Земли и воли», в 1863 году, издававшего в Витебской губернии свой орган «Свобода», а затем «Землю и волю».

Он умалчивает об известных фактах, что в начале 70-х годов в Белоруссии возникли народнические кружки, пропагандировавшие народнические идеи, что белорусские народники находились в тесной связи с руководителями общероссийского народнического движения и работали под их идейным руководством, даже не подозревая о существовании «народника» К. Калиновского. Игнатовский не находил также нужным указать, что в конце 70-х и начале 80-х годов в ряде городов существовали народнические группы, не стоявшие ни в какой связи с «типичным народническим белорусским движением», выполнявшим заветы Калиновского. Общеизвестен факт, что в Минске существовала группа народников, перешедшая после раскола «Земли и воли» к чернопеределцам и организовавшая по заданию Плеханова в Минске типографию, где печаталась газета «Черный передел», «Зерно» и ряд прокламаций. Позже, с организацией группы «Освобождение труда» одними из первых сторонников ее были члены минской народнической группы. Эти-то белорусские народники не заслужили внимания Игнатовского. Зато он удостоил огромным вниманием белорусского «народника», национального поэта Ф. Богушевича. Игнатовский создал целую теорию, почему Богушевич был радикалом, а не революционером. Он пишет: «Редакция накладывает свою печать

¹ В. Игнатовский, «Белоруссия», стр. 42.

на белорусское народничество этого времени. Оно из революционного стало радикальным. Представлено оно мелкой разночинной шляхтой. Властителем дум народников является поэт Ф. Богушевич, который пишет под псевдонимом Мацея Бурчака или Сымона Рэвки. Печается он за границей, потому что для России он слишком радикален. Поэт становится на защиту прав белорусского крестьянина и его культуры и языка. Яркими, сгущенными мазками описывается эксплуатация крестьянина. Работает он до кровавого пота, пишет, сеет, строит, палаты, блистающие серебром, костелы и церкви, а сам живет в мокрой яме, заткнувши дырки в «избе онучами. Хата крестьянина «цячэ і гніе, і крывая; сярэдзіне гной і стаіць на гною». От тяжелого труда, от недоедания, от грязи вымирает белорусский крестьянин. Вместе с ним вымирает его мова, «которую мужыцкай завуць, а завецца яна беларуская». Автор пессимистически смотрит и критически относится к эпохе великих реформ. Освобождение крестьян его совсем не удовлетворяет. Освобожденный крестьянин не вышел на лучшую дорогу»¹.

Вот в чем заключалось народничество Богушевича, на которого «наложила свою печать реакция во время его пребывания за границей. Игнатовский, однако, не счел нужным упомянуть, что реакция не наложила свою печать на таких народников Белоруссии того времени, как Гриневецкий и Геся Гельфман, которые героически погибли в борьбе против самодержавия.

В таком националистическом свете Игнатовский освещает народническое движение в Белоруссии. Идейным вдохновителем революции 1905 года он сделал национал-революционера К. Калиновского, под шовинистическими и католическими лозунгами боровшегося за независимость Польши.

БЕЛОРУССКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ГРОМАДА

Но если Игнатовский в своих трудах вывел на свет такого революционера-народника, как К. Калиновский, «идеи которого подготавливали революцию 1905 года», то не мудрено, что его последователи пришли к тому, что организовавшаяся в начале XX века Белорусская социалистическая громада первая в 1905 г. выбросила лозунг создания СССР. Это не анекдот, это—факт, зафиксированный в документе комиссии по изучению истории рев. движения в Белоруссии, существовавшей при Институте белорусской культуры (теперь Академия наук). Но прежде чем ознакомиться с этим документом, остановимся на политической физиономии этой самой «Белорусской социалистической громады».

Социалистические идеи в Белоруссии к началу XX ст. уже имели массу сторонников: не было ни одного города, ни одного местечка, где бы не существовала какая-либо революционная группа. Но самостоятель-

¹ В. Игнатовский, «Белоруссия», стр. 42.

ное белорусское революционное движение зарождается лишь в 1902 г. среди белорусского студенчества, обучавшегося в Петербурге и состоявшего до создания своей революционной группы в рядах ППС. Созданная белорусскими студентами в Петербурге революционная группа, которая под влиянием национального гнета с первых же шагов своей деятельности приняла националистический характер, положила начало «Белорусской революционной партии».

Организационное оформление названной партии произошло в Минске. Вначале она не имела определенной программы. В первый год своего существования она издала брошюрку, напечатанную в Лондоне, и прокламацию на польском языке для распространения среди белоруссов-католиков в Вильне¹. В том же году партия переименовалась в «Белорусскую революционную громаду». В 1903 г., —рассказывает Бурбис,—состоялся первый съезд Громады, принявший целиком программу ППС; съезд постановил добиваться автономии Белоруссии с сеймом в Вильне, культурно-национальной автономии для национальных меньшинств. Было также решено выработать аграрную программу. Съезд переименовал «Белорусскую революционную громаду» в «Белорусскую социалистическую громаду».

В 1904 году была основана белорусская партия, именовавшаяся «Социалистической партией Белоруссии»; она была организована группой белорусских студентов и существовала в Гродненской губернии очень недолгое время. Но никаких документальных данных об основании и существовании этой партии не имеется. А. Бурбис, один из основателей Белорусской социалистической громады, писал об этой партии следующее: «Социалистическая партия Белоруссии» работала главным образом в Гродненской губернии, она напечатала несколько прокламаций на белорусском языке («Царская гаспадарка» и др.), которые распространялись и Белорусской социалистической громадой. «Социалистическая партия Белоруссии» не имела определенной программы. В 1906 году «Социалистическая партия Белоруссии» прекратила свое существование². Вот все, что сохранилось в истории белорусского национально-революционного движения о существовании и деятельности «Социалистической партии Белоруссии».

Но в прокламации «Царская гаспадарка», изданной, по словам Бурбиса, «Социалистической партией Белоруссии» и занимающей четыре печатных страницы, не указано, кем она издана, что представляет собою небывалое явление в истории российского революционного движения; не было такого случая, чтобы революционная организация издала какую бы то ни было прокламацию, не указывая своего имени. Кроме того, на этой прокламации нет лозунга, проставляемого обычно каждой партией на своих изданиях. На этой прокламации имеется лишь красная печать (с латинским шрифтом) Белорусской социалистической громады. Факт,

¹ А. Бурбис, «Беларуская сацыялістычная грамада у першым перыядзе яе працы» — зборнік «Беларусь», стар. 178. Менск 1924 г.

² Там же.

приводимый Бурбисом, что прокламация распространялась и Белорусской социалистической громадой, наводит на мысль, что прокламация не была издана особой партией. Вот что писал об этом Ангаретис в 1923 году:

«Можно вообразить, что наряду с Белорусской социалистической громадой» была еще вторая партия «Социалистическая партия Белой Руси». В действительности такой партии не было. Дело вот в чем. Идейними руководителями так называемой Белорусской социалистической громады была белорусская буржуазная интеллигенция, частично выходцы из польских помещичьих семейств. И вот, эти идейные руководители с целью показать, что белоруссы не отстают в культурном отношении от других народов, имевших по несколько политических партий, стали издавать листки несуществующих организаций и комитетов¹.

Деятельность Белорусской социалистической громады была весьма ограничена. Белорусский шовинист Е. С. Канчер в своей книге «Белорусский вопрос» писал о белорусском национальном революционном движении 1903—1905 гг. следующее: «Белорусское движение в 1905 году было слабо, но велась упорная работа с целью пробудить национальное сознание белоруссов». «Белорусская социалистическая громада», организованная в 1903 г., не имела до конца 1905 г. центрального комитета, а до 1906 г. не имела газеты. Литература, изданная Белорусской социалистической громадой в течение 1903—1906 г., состояла из десятка прокламаций и песен, отпечатанных на маленьких листочках. Большая часть их была напечатана на гектографе и лишь незначительная в типографии².

При ознакомлении с прокламациями Бел. соц. громады в глаза бросается прежде всего лозунг «Працавіта бедната усіх краеу, злучайцеся» вместо марксистского лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Это искажение лозунга свидетельствует о том, что «Белорусская социалистическая громада» не была социал-демократичной организацией. В прокламациях ее доминировали: «Далой цара і яго правіцельства», «Хай жыве народнае прауленьне», «Хай жыве аўтаномія Беларусі і сэйм у Вільні». О социализме, как пишет Ангаретис, упоминается лишь в одной прокламации, изданной в мае 1906 г. и заканчивающейся лозунгом: «Да здравствуе социалистический строй».

В январе 1906 года в Минске состоялся второй съезд Бел. соц. громады, на котором был избран центральный комитет, съезд постановил выработать программу; был принят проект программы, отпечатанный на гектографе маленькой листовкой, содержавшей следующие пункты: «Белорусская социалистическая громада, как социально-политическая организация белорусского трудового народа, стремится к свержению существующего капиталистического строя и к переходу собственности земли, орудий производства и средств обмена к обществу. Признавая, что основным препятствием для достижения вышесказанного является политическое угне-

¹ З. Ангаретис, «Белорусская социалистическая громада» в 1905—1906 гг. «Вперед» — орган ЦК КП (б) Б. Минск, № 6—7, 1923 г.

² Почти все эти прокламации имеются в Музее революции БССР.

тение, Белорусская социалистическая громада ставит своей ближайшей целью свержение самодержавия. В аграрном вопросе мы будем стремиться к уничтожению права частного землевладения, к предоставлению каждому права личного трудового землепользования, без эксплуатации наемной рабочей силы, и к распространению одновременно идеи перехода к социалистическому строю и всеобщей кооперации. В вопросе о рабочем люде, мы стремимся к восьмичасовому рабочему дню (допуская более продолжительный рабочий день во время жатвы и в других исключительных случаях). По национальному вопросу—к равноправию всех народов, живущих в стране».

Вот к чему сводятся основные пункты проекта программы, укладываемые всего в 60 печатных строках. В этом проекте отсутствует, однако, пункт об автономии Белоруссии, выставившийся Громадой в качестве главной цели национального освободительного движения, и позже включенный в программу. Этой программе—во введении к прокламации БСГ в сборнике прокламаций, выпущенных в 1905 г. в Белоруссии различными партиями,—дана следующая характеристика: «Из рассмотренного материала видно, что стройной выработанной программы БСГ не имела, что может объясняться как отсутствием среди руководителей ее серьезной политической подготовки, так и тем составом населения, среди которого БСГ работала и классовым выражением которого она являлась. БСГ в 1905 г. являясь партией беднейших мелкобуржуазных масс города и главным образом белорусской деревни. В своей деятельности она отражала революционные стремления крестьян к захвату помещичьей земли.

В ее программе мы можем найти влияния, как с.-демократии, так и с.-революционеров с преобладанием последнего влияния. По условиям времени БСГ принуждена была отдать небольшую дань социализму, что вывилось в довольно неудачных «социал-демократических» пунктах программы, которые совсем не затемняют ее народнического характера. Общее направление БСГ дает нам возможность считать ее национально-революционно-народнической демократической партией» (стр. 64, Изд. ИБКульта, Минск, 1927 г.).

О характере белорусского движения вообще, и Белорусской социалистической громады, в частности, писал Турук в своей книге «Белорусское движение» следующее: «Вообще все возникавшие в это время белорусские радикальные организации, вступая на путь: одни—творческой культурной, другие—политической работы, будят национальное самосознание в белорусских массах, сознание собственного человеческого достоинства, борются с презрительным отношением к белорусскому языку, как «простому», «хамскому», с религиозным антагонизмом белорусов православных и католиков, и этим путем готовят в Белоруссии почву для идей о правах человека и гражданина, глубоко посеянных революционным движением в России». Белорусское революционное движение Турук характеризовал следующим образом: «Революционные волны русского освободительного движения 1905 г. докатились до забытых, малопод-

вижных белорусских масс и оживили деятельность революционных организаций в Белоруссии, работа которых направляется по двум путям: общему революционному государственно-русского характера, которая ведется среди рабочих, крестьян и обрусевшей интеллигенции, и национально-революционному белорусского характера. По второму пути пошла работа Белорусской социалистической громады и вновь организовавшейся осенью 1904 г. в Гродне социалистической партии «Белая Русь»¹...

О том же времени и по тому же вопросу писал в 1919 г. Е. С. Канчер в книге «Белорусский вопрос»: «В это время (в момент революции 1905 г.) слабо, но упорно была начата работа по двум направлениям, С одной стороны национально настроенная интеллигенция стала будировать национальный вопрос и для этой цели образовала национальную партию на социалистической платформе (Бурбис, Бодунова, Душевский, Тарашкевич, Жилунович, Фальский, Ивановский, Гриневич и многие другие). С другой стороны в массе крестьянства и среди обрусевшей интеллигенции началась работа революционно-интернационального или вернее государственно-русского характера за изменение политического и общественного строя в России».

Но не только Канчер и Турук характеризовали Белорусскую социалистическую громаду, как националистическую революционную организацию. Сам Бурбис так писал в статье, помещенной в сборнике «Белая Русь» (стр. 179): «В 1905 г. белорусское национально-революционное движение принимает характер массового движения трудовой бедноты края»².

По социальному составу БСГ почти целиком из мелкобуржуазной интеллигенции. «В конце 1905 г.,—писал Бурбис в вышеупомянутой статье,—состав БСГ постепенно стал меняться—из интеллигентской она делается крестьянской, к ней присоединяются и городские рабочие».

Правильно характеризует роль Белорусской социалистической громады той эпохи один из руководителей компартии Литвы т. З. Ангаретис: «Чем же собственно говоря,—пишет он,—была белорусская социалистическая громада, которая в 1905 году еще кричала «долой царя», призвала убивать полицию, а в 1906 году держалась «не громкой» и «спокой-

¹ Турук, «Белорусское движение», стр. 13—14. Гос. изд. Москва 1924 г.

² Очень интересный факт о работе БСГ в Минске рассказывает в своей автобиографии старый народник Ефим Гальперин. В 1905 г.,—рассказывает Гальперин,—он работал в кружке максималистов (левое направление в партии эсэров). После Курловского расстрела к нему явился представитель БСГ и предложил ему войти в качестве равноправного члена в Комитет БСГ. Гальперин принял это предложение и стал членом Комитета, состоявшего из 10—11 членов. Комитет предложил Гальперину написать прокламацию, последняя была Гальпериным написана в максималистском духе. Комитет принял ее без каких бы то ни было изменений, спустя некоторое время она была напечатана. Но наиболее существенное место текста, оказалось, было пропущено. В связи с этим рабочий комитет максималистов постановил, чтобы Гальперин вышел из комитета Громады, прокламации же постановил сжечь. Так и было сделано. Гальперин вышел из комитета и вместе с ним и весь кружок БСГ перешел в максималистскую организацию. См. Отчет наркомсобеса Белоруссии, стр. 47 — автобиография почетного пенсионера Гальперина. Минск 1927 г.

ной» тактики, постепенно становясь все более лояльной к царскому правительству? Дело в том, что БСГ никогда социалистической и не была. Но белорусские патриоты возмечтали использовать городских рабочих для завоевания при их помощи автономии Белоруссии. Белорусские патриоты в бурный 1905 год пришли к заключению, что восставший рабочий класс может свергнуть царизм, и они боялись, что рабочий класс будет играть доминирующую роль в российской революции. В среде белорусских патриотов была радикальствующая молодежь, при помощи которой белорусским националистам не трудно было создать фиктивную Белорусскую социалистическую громаду, как орган использования рабочих масс. А посему и появляются в 1905 году разные листовки на белорусском языке; еще лучше, чтобы ввести рабочих в заблуждение, издаются воззвания от разных комитетов, даже на литовском языке»¹. Так изобразил Ангаретис роль, которую белорусская социалистическая громада играла в революции 1905—1906 гг.

Бурбис в конце своей статьи о БСГ в сборнике «Беларусь» рассказывает, что БСГ участвовала в двух съездах, происходивших в 1904 г. в Париже и в 1905 г. в Женеве, в которых принимал участие ряд социалистических партий. Но именно это-то указание характеризует лучше всего Белорусскую социалистическую громаду.

По словам А. Бурбиса в этих двух съездах участвовали следующие партии: Финляндская партия активной обороны, ППС, армянские дашнакцutiony, грузинские с.-р.—федералисты, латышские эсеры, российские эсеры и БСГ. Но Бурбис допустил ошибку. Во-первых, это были не съезды, а конференции пресловутого парижского «блока»; во-вторых, на основании документов этих конференций установлено, что в них участвовали и другие партии. Вот полный список этих партий: 1) «Финляндская оппозиция»; 2) русские конституционалисты (группа «Освобождения»); 3) польская национальная лига; 4) армянская революционная федерация; 5) партия с.-р.; 6) ППС; 7) грузинские с.-р. федералисты.

Таким образом, БСГ приняла участие в блоке таких партий, как русские конституционалисты (группа «Освобождения»), организованная Струве, из которой в 1905 году сформировались «кадеты»), как Польская национальная лига, игравшая в дни первой революции ярко выраженную контрреволюционную роль и боровшаяся против революционных рабочих масс, срывая забастовки и другие революционные выступления. Остальные партии парижского блока, участвовавшие в упомянутых конференциях, представляли собою мелко-буржуазные, интеллигентские националистические организации. В своей декларации они лозунг революционной социал-демократии о демократической республике заменили требованием «свободного демократического строя, на основе всеобщего избирательного права».

¹ З. Ангаретис. «Бел. соц. громада» в 1905/06 гг. «Вперед», 1923 г., № 6—7. Орган ЦБКПБ

Инициаторы конференций пригласили участвовать в них и все социал-демократические партии. Но, согласно постановления объединенного заседания представителей с.-д. партий (РСДРП, С.-Д. Польши и Литвы, партии «Пролетариат», Латышская СДРП, Революционной украинской партии и «Бунд») — эти партии ответили на приглашение следующим образом:

«Принимая во внимание: 1) что действительное демократическое переустройство России мыслимо лишь, как замена самодержавия демократической республикой, основанной на всеобщем, равном, прямом избирательном праве с тайной подачей голосов, и что такое переустройство, в свою очередь, предполагает созыв Учредительного собрания на основах такого же избирательного права; 2) что в программных требованиях либерально-демократического «блока» требование демократической республики заменено неопределенным требованием «демократического режима», и что этот «блок» не определил своего отношения к требованию созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов, — мы полагаем, что сосредоточение всех освободительных сил России под руководством этого «блока» явилось бы угрозой делу последовательного демократического преобразования России, и что, поэтому, присоединение каких-либо социалдемократических организаций к этому «блоку» несовместимо с социалдемократической программой и тактикой»¹.

Все эти факты с достаточной ясностью показывают, что БСГ в эпоху революции 1905 года являлась организацией националистически настроенной интеллигенции, создавшей эту организацию для пробуждения национального чувства в белорусском народе. Белорусские рабоче-крестьянские массы и даже большая часть белорусской интеллигенции, — как это указывают и Турук² и Канчер, — стояли в рядах общероссийского освободительного движения.

После революции 1905 года мелкобуржуазный и националистический характер Громады еще более выявился. В начале 1906 года Белорусская громада начала издавать национально-революционную газету «Наша доля». Эта газета была закрыта царским правительством и на ее место начала выходить другая «Наша нива». В передовой первого номера этой газеты издатели писали... «не думайте, что мы хотим служить только одним панам или одним мужикам. Нет, никогда. Мы будем служить всему белорусскому обиженному народу, постараемся быть зеркалом жизни, чтобы от нас, как от зеркала, свет падал в темноту. Мы будем стараться, чтобы все белоруссы, которые не знают, кто они такие, поняли, что они белоруссы и люди, чтобы узнали о своих правах и помогли нам в нашей работе».

Эта газета не только защищала интересы «всего белорусского народа», — она была «тихая буржуазная газета», выходившая непрерывно в самые черные годы реакции. Вокруг этой газеты группировалась вся бе-

¹ «Искра» № 89 от 24/II 1905 г.

² Турук был членом БСГ и в 1917 году был ею выставлен одним из кандидатов во время выборов в Учредительное собрание.

лорусская буржуазная интеллигенция, среди которой находился теперешний агент охраны Пилсудского Антон Луцкевич и друг. Эта газета и характеризовала собою Белорусскую социалистическую громаду. Между тем последняя представляется белорусскими национал-демократическими историками совершенно в другом свете: вместо национал-демократической организации с народническими и эсеровскими тенденциями, Жилунович, Витковский и Милешко в сборнике прокламаций различных революционных организаций Белоруссии эпохи 1905 г., пытаются изобразить ее органом «марксистской» и «большевистской» партии, которая еще в 1905 г. выбросила лозунг—организации союза социалистических республик... В введении к этому сборнику Витковский писал:

«Из программы ясно видно, что БСГ была партией с социалдемократической ориентацией». Эти слова исправляются в комиссии Инбелкульта и гласят так: «Из программы ясно видно, что БСГ была партией с нефракционной социалдемократической ориентацией». Далее мы читаем в первом тексте:

«Это обращение в 1905 году совсем ясно подает мысль об организации СССР». Это находит свое предварительное исправление в комиссии ИБК таким образом: «Это обращение в 1905 году намекает на будущую, правда, разумея это в несколько ином смысле, организацию СССР».

Далее читаем: «По своей деятельности БСГ стоит ближе к большевикам». Это находит свое предварительное исправление: Из всего показанного можно вывести, что по своей деятельности БСГ в 1905 году стояла безусловно на социалдемократической почве, ведя тактику, близкую к большевикам»¹.

Эти поправки вносил Жилунович, бывший тогда председателем комиссии по изучению истории революционного движения Белоруссии при Бел. Академии Наук. Испарт при ЦК КП(б)Б сейчас же начал борьбу против этой попытки двух членов партии (Жилуновича и Витковского) фальсифицировать историю БСГ и отрицать ее мелкобуржуазный националистический характер, изображая ее большевистской организацией, ставившей перед собой задачу организации СССР.

Это не является единственной попыткой идеализации Белорусской громады. В 1925 году Испарт издал сборник «1905 год в Белоруссии», в котором впервые были собраны ряд документов и воспоминаний о работе большевистских организаций Белоруссии. В предисловии к этому сборнику указывается на мелкобуржуазный характер БСГ и на ничтожную роль этой организации в революционном движении. Этот сборник вызвал ненависть белорусских национал-демократов и их агентуры в рядах КПБ. В журнале «Полымя», бывшем в течение ряда лет трибуной Жилуновича и его товарищей, и даже в комсомольском журнале «Молодняк» появились рецензии с нападка на редактора этого сборника. В обеих

¹ Стенографический отчет X съезда КП (б) Б. Доклад т. А. И. Криницкого стр. 41. Белгосизлат 1927 г.

этих рецензиях выступали с защитой «Бунда» и Белорусской громады, стараясь доказать, что вопрос об оценке исторической роли этих партий еще не разрешен, и договорились до того, что Белорусская громада вела свою работу под марксистскими лозунгами и что она в значительной мере была марксистской партией. Когда же составитель сборника прислал ответ на эти рецензии и документами и фактами доказал истинный характер Белорусской *социалистической* громады, редакция журнала «Полымя» отказалась этот ответ печатать.

Этим попытки открытой идеализации Белорусской громады не окончились. В конце 1926 года по всей Белоруссии праздновался 20-летний юбилей мелкобуржуазных националистических газет «Наша доля» и «Наша нива». В Минске и многих других городах были организованы по этому поводу юбилейные собрания, и белорусская интеллигенция как партийная, так и беспартийная, с величайшим националистическим энтузиазмом говорила на этих собраниях о великих революционных заслугах этих газет. Вся белорусская пресса посвящала целые страницы этому «революционному» юбилею.

Неудивительно, что после такого праздника Жилунович на конференции писательской организации «Молодняк» заявил, что советские белорусские писатели должны в своем творчестве базироваться на традициях старого поколения «нашенивцев». Также неудивительно, что несколько позднее в официальном отчете Совнаркома Белоруссии на сессии ЦИКа СССР было сказано: «В редакции «Нашей нивы» были сильны социалистические настроения, руководители ее в большинстве были членами Белорусской социалистической громады»¹. Все это сказано было о газете, о которой сам Жилунович в 1918 году писал: «До сих пор (т. е. до 1918 г.) белорусская печать служила для того, чтобы вводить в сознание трудовых белорусских масс чувство национального «я», не разбираясь, под каким покровом оно преподносится им. Это объяснялось тем, что руководство белорусскими газетами осуществлялось людьми, известными своей шовинистической окраской».

Кроме попыток идеализации Белорусской социалистической громады, причисления ее задним числом к большевистской организации, была еще тенденция полного отрицания существования каких бы то ни было большевистских организаций в Белоруссии в период революции 1905 года. Эту мысль можно найти во всех исторических работах товарищей, страдающих национал-демократической болезнью и, в частности в книгах Игнатовского, которые до сих пор изучаются во всех белорусских школах.

Общезвестно, что в Вильне и городах Западной Белоруссии в начале 90-х годов существовали группы польской социалдемократической партии, в которых работали Феликс Дзержинский и другие социал-демократы. По возникновении РСДРП и позже по возникновении «Искры» в ряде городов и местечек Белоруссии было много сторонников этой

¹ «Белорусская советская социалистическая Республика», СНКБ, стр. 35.

организации. После второго съезда РСДРП, когда «Бунд» вышел из состава РСДРП, во всех городах и местечках Белоруссии были организованы группы РСДРП, объединившиеся затем в две особые областные организации: социалдемократические группы Витебской, Минской, Виленской и отчасти Гродненской губерний образовали Северо-западный комитет РСДРП, а комитеты Полесья организовали Полесский большой комитет РСДРП. Эти оба комитета в 1904—1907 гг. вели широкую работу как среди пролетариата, так и среди крестьянства, издавали много литературы, имели отдельные сельские организации, созывали конференции, публиковали отчеты в нелегальной прессе этого времени, в «Искре» и в большевистских «Пролетарии» и «Вперед». Большая часть этих организаций были большевистскими, участвовали в III съезде РСДРП и настолько поддерживали большевиков, что меньшевистская «Искра» после третьего съезда РСДРП писала, что в Полесском комитете РСДРП «уже чувствуется ленинский кулак».

И вот после всех этих неоспоримых исторических фактов Игнатовский в своей книжке «Белоруссия» писал о революционном движении Белоруссии в 1905 г. и о тогдашних революционных организациях Белоруссии следующее: «Оппозиция деревни передается учащейся молодежи, вышедшей из белорусской деревни. Основываются в 90-е годы революционные и социалистические кружки. Знакомство с марксизмом создает для него влияние. Революционное движение растет и крепнет к первым годам XX века. В 1902 году уже основывается «Беларуская Рэвалюцыйная Партыя». В 1903 году после организационного съезда появляется партия под названием «Беларуская Сацыялістычная Грамада». На этой «Грамадзе» уже сильно сказывается влияние марксизма.

Для белорусского города типично *марксистское рабочее движение*, окрашенное в европейский национальный тон. Уже с 80-х годов появились рабочие образовательные кружки, которые потом выросли в массовые рабочие экономические организации, как например, статечные кассы. Когда работа стала массовой, она встретила с массовым еврейским рабочим, с которым надо было работать на еврейском языке. Организации росли среди рабочих, в подавляющем большинстве еврейской массы, не теряя строго классово-почвы. Надо было оформить это движение и создать для него верхушку. В 1897 году это достигнуто основанием «Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве и Польше», известного всем нам под именем «Бунда».

В 1898 году на созванном при участии «Бунда» учредительном съезде РСДРП «Бунд» вошел в РСДРП на правах автономной единицы. Переживши и изживши зубатовщину, которая особенно развернулась здесь у нас в Минске, Бунд организовал не только еврейские рабочие массы Белоруссии. Он проникал далеко в деревню и захватывал там белоруссов-рабочих. Достаточно указать хотя бы на белорусского поэта-пролетария Цишку Гартного (Д. Ф. Жилуновича), который начал свою революцион-

ную «карьеру» в рядах Бунда. Кроме того, Бунд оказывал марксистское влияние на белорусские народнические организации.

Революция 1905 года была таким образом уже подготовлена в городе и деревне. Война 1904 года вызвала в Белоруссии промышленный кризис, закрывши для ее фабрик восточный рынок. В городах усилилась безработица. Недовольство крестьян в деревнях стало выражаться организованно. Годы 1905—1907 полны аграрной борьбы в виде стачек, забастовок, самовольных порубок, поджогов имений и т. д. Всеобщая забастовка 1905 года дружно прошла по городам Белоруссии, подняла настроение рабочих масс. Продолжением ее был целый ряд забастовок как экономических, так и политических по всем городам Белоруссии. Переживши вместе с Россией в декабре 1905 года высший подъем революции, выразившийся в московском восстании рабочих, Белоруссия потом должна была переживать и реакцию, сказавшуюся в так называемом легализме и ликвидаторстве¹.

Таким образом, мы видим, что Игнатовский разделяет революционное движение того времени по национальному принципу. Крестьянство, составлявшее около 80% белорусского населения, Игнатовский отдал под руководство интеллигенции и белорусских национальных партий, а белорусские города Игнатовский подарил «Бунду», который по его концепции не только был «единственным представителем еврейского пролетариата, но и руководил рабочими других национальностей белорусских городов, и даже обучал марксизму белорусское народническое движение...»

Этот абсурд напечатан в книжке, изданной в 1925 году уже по выходе в свет сборников «1905 год в Белоруссии» и «1905 год в Гомеле и Полесьи», когда в журнале «Пролетарская революция» печатались воспоминания Е. Беленького о Минской большевистской организации и Г. Шкловского о Бобруйской большевистской организации и статьи Мороховца о крестьянском движении и социал-демократии в Белоруссии. В этих статьях документально доказано было, что большевики в эпоху революции 1905 года вели в Белоруссии и Полесьи грандиозную работу. А Игнатовский выдумывает националистический абсурд, что в Белоруссии работали две национальные организации: в белорусском селе—Белорусская громада, а в еврейских городах—«Бунд». То же разделение революционного движения между белоруссами и «Бундом» Игнатовский применяет и для характеристики движения последующих годов реакции до Февральской революции.

По следам «историка» рев. движения и партии Игнатовского пошли и другие. В этом отношении его превзошел молодой белорусский писатель М. Барашко, два года назад выпустивший брошюру, посвященную 10-летию юбилею Белорусской советской республики. Эта брошюра, имеющая целью освещение роли компартии в возникновении БССР, борьбы против внешних и внутренних врагов и достижения в области культурного и экономического восстановления Белоруссии под руководством партии,

¹ В. Игнатовский, «Белоруссия», стр. 43.

печатается с предисловием об истории революционного движения в Белоруссии до 1917 г. В нем перечисляются все белорусские национальные «герои», боровшиеся за национальное освобождение Белоруссии в течение многих поколений; характеризуя же революционное движение последних лет, Барашко указывает лишь на Белорусскую социалистическую громаду и национально-возрожденческую организацию, группировавшуюся вокруг газеты «Наша нива». О большевистском же и вообще социал-демократическом движении не упоминается ни одним словом. Эта брошюра была задержана Истпартом ЦК КП(б)Б, который заставил выбросить это шовинистическое освещение истории революционного движения до 1917 года и значительно переделать все остальные части книги.

Когда мы в своей работе «Революционное движение в Белоруссии» документально вскрыли мелкобуржуазный националистический характер и ничтожную роль Белорусской громады в период 1905 года, даже в журнале «Большавік Беларусі» появилась рецензия, которая отмечала «неправильное» освещение нами роли Громады, так как, по мнению автора рецензии, «Игнатовский совершенно в другом свете представил роль Белорусской громады в 1905 г.». В этой же рецензии сказано: «Тов. Игнатовский, говоря о Белорусской Громаде, указывает (см. Гісторыю Беларусі у XIX і начатку XX стагоддзя. Белдзяржвыдавецтва. Менск, 1928 г., стар. 212—214), что ее агитаторы «забіраліся вельмі часта у такія глухія вясковыя куткі, куды дагэтуль ніякая соцыялістычная агітацыя і прапаганда не пападала». Игнатовский далее говорит о работе Громады среди сельскохозяйственных рабочих, указывая, что она начала пользоваться влиянием и в городах (например, в Минске она проводит забастовки и проч.) и т. д. Читатель, который сначала прочитает Игнатовского и затем возьмется за рецензируемую книгу, останется в недоумении—какую роль играла БСГ, каково было ее действительное место в революционном движении¹.

Так освещалась и еще теперь освещается белорусскими националистами история революционного движения и история партии в Белоруссии до 1917 г.

Такие же попытки, с одной стороны, идеализации националистических партий, а с другой стороны—отрицания роли большевистской партии в Октябрьской революции в Белоруссии мы видим в целом ряде других выступлений национал-демократически настроенных белорусских товарищей.

Чтобы это стало еще более ясным, остановимся в нескольких словах на главнейших моментах развития Октябрьской революции в Белоруссии и на руководящих силах революции в Белоруссии и на Западном фронте. В революции 1905 г. Белоруссия и остальные губернии Западного края занимали весьма видное место. Сейчас же после 9 января по всем городам, местечкам и селам началась волна революционных выступлений: политические и экономические забастовки, демонстрации и стычки с по-

¹ М. Г., «Большавік Беларусі» № 9, 1928, стр. 76.

лицей стали повседневным явлением в городах и местечках Западного края, а в селах происходили аграрные восстания. Все движение носило, однако, местный характер. Все эти революционные выступления были только искрами большого революционного огня, охватившего всю страну. Участниками всех этих революционных выступлений были рабочие и крестьяне Белоруссии.

В революции 1917 г. как Февральской, так и Октябрьской, положение было совсем другое. В 1917 г. Белоруссия играла более значительную роль, чем в 1905 году. Революционные события в Белоруссии имели общее, всероссийское значение, и участниками всей революции в Западном крае были не местные люди. Белоруссия стала ареной империалистической войны. Белорусские города и деревни были уничтожены в огне войны. Население белорусских городов и местечек было рассеяно по всем закоулкам обширной российской империи. Война притушила рабочее и революционное движение Белоруссии, и когда пришла Февральская революция, уже не было тех местных сил, которые играли такую большую роль в революции 1905 года.

Но империалистическая война, на первых порах приведшая к ликвидации белорусских революционных организаций, в дальнейшем принесла с собой начало нового революционного подъема и собиравшие новые революционные силы. Среди миллионных армий, концентрированных на территории Белоруссии, находились революционные деятели, создавшие революционные группы еще перед Февральской революцией и когда последняя началась, эти революционные группы стали во главе революции и руководили ею в Белоруссии и на Западном фронте.

Самой сильной революционной группой была большевистская. Большевистская группа имела в своих рядах таких деятелей, как М. Фрунзе (Михайлов), Мясникова, Кнорина, Могилевского, Любимова, Позерна, Фомина, Рейнгольда, Кривошеина, Селезнева, Алабегова и др. По инициативе этой группы большевиков 5 марта (1917 г.) был создан минский «совет рабочих депутатов». Под руководством большевистской группы была разоружена минская полиция, М. Фрунзе стал первым начальником милиции.

С первых дней Февральской революции Минск стал одним из важнейших революционных центров. В Минске в начале апреля собрался первый фронтовой съезд, имевший колоссальное историческое значение. Этот съезд должен был показать, под чьим влиянием находится Западный фронт, и за это влияние началась борьба между всеми политическими партиями страны. На съезд прибыли виднейшие представители всех политических партий: от ставки—генерал Гурко, от кадетов и октябристов—Родзянко, Родичев, Щепкин и др.; а от Петроградского совета и меньшевиков Чхеидзе, Церетелли, Скобелев и Гвоздев, от большевиков—Бадаев, Лашевич и Ногин.

Съезд закончился поражением кадетов и Временного правительства. Съезд принял постановление о том, что в Исполком фронта могут быть

избраны только представители социалистических организаций. Председателем съезда был избран т. Позерн.

Дальнейшее развитие революции, борьба против продолжения империалистической войны еще больше революционизировало солдатские массы фронта и создало в Белоруссии огромную революционную силу, очень много содействовавшую Октябрьской революции.

Кроме военно-революционных организаций в первые дни Февральской революции начали оживать и различные другие организации, до того работавшие на территории Белоруссии. В еврейской среде ожили Бунд и различные сионистские группировки. Среди белоруссов ожила Белорусская социалистическая громада, представлявшая из себя смесь различных направлений: соаицл-демократического, эсеровского, народнического и национал-демократического. Ожили также меньшевики и эсеры. Социал-демократы, как большевики, так и меньшевики, в первые дни Февральской революции не создали особых организаций и работали в одной объединенной организации.

В объединенной организации были представлены три социал-демократических направления: большевики, меньшевики и Бунд. В Совете и в других учреждениях сначала выступала только одна социалистическая фракция. Единство это не было, однако, долговечным. Вскоре в социал-демократических рядах Западного края началась та же борьба между большевиками и меньшевиками, которая происходила в Петрограде и других центрах. 19 мая 1917 г. минская объединенная социал-демократическая организация раскололась, а 17 июля большевистский комитет уже выпустил манифест, в котором разъяснялись причины отделения большевиков от меньшевиков и других соглашателей, находившихся в объединенной социал-демократической организации. В этом манифесте большевики объявляют борьбу всем соглашателям, идущим рука об руку с буржуазией и мешающим дальнейшему развитию революции. Благодаря тому, что вся руководящая группа вновь созданной большевистской организации находилась в армии, почти вся работа минского большевистского комитета протекала на фронте, среди солдатской массы. В городе, среди рабочих, большевистский комитет сначала мало работал. Поэтому получилось, что Бунд в это время больше, чем другие партии, работал в минских профсоюзах.

Раньше других организовались в профсоюзы рабочие, близко примыкавшие к мелкой буржуазии. В отчете минского центрального бюро профсоюзов всероссийской профсоюзной конференции говорится, что на 1/VI—1917 г. в Минске было 20 профсоюзов с 6000 организованными членами. Вот список этих профсоюзов (см. «Дер Векер» от 16/VI—1917 г.). 1) Профсоюз торговых служащих насчитывал 1500 членов, 2) профсоюз печатников—250; 3) парикмахеров—125; 4) музыкантов—100; 5) рабочих минеральных вод—160; 6) ломовиков—150; 7) кинорабочих—60; 8) маляров—150; 9) военных портных—300; 10) переплетчиков—300; 11) деревообделочников—300; 12) пекарей—350; 13) щетинщиков—60; 14) кожевни-

ков—400; 15) табачников—600; 16) профсоюз «Иглы»—800 членов и 4 других профсоюза.

Этот список профсоюзов с количеством членов в них дает яркую характеристику профсоюзного движения того времени. Этот список показывает, что 50% членов профсоюзов состояли из мелкобуржуазных элементов, а остальные 50% членов, как портные, табачники, деревообделочники, кожевники и другие, работали преимущественно у мелких хозяйчиков и находились под влиянием мелкобуржуазной среды, в которой они жили и работали. В Минске тогда индустриального пролетариата не было, поэтому большая часть этих элементов не могла воспринимать большевистских лозунгов, поэтому Бунд с его соглашательством и национализмом мог иметь влияние на большую часть минских профсоюзов..

БЕЛОРУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 г.

Белорусское движение с первых же дней Февральской революции приняло всецело шовинистический буржуазный характер. Сейчас же после революции создан единый национальный фронт всех классов. В марте 1917 г. в Минске происходил съезд белорусских организаций, на котором был создан «Белорусский национальный комитет». В этот комитет вошли представители крупных землевладельцев, крупной и мелкой буржуазии, представители Белорусской социалистической громады и один рабочий—белорусский писатель Жилунович. Этот национальный комитет сейчас же выставил требования перед Временным правительством об автономии для Белоруссии. Национальный комитет начал издавать свой орган «Вольная Беларусь», редактором которого стал Язеп Лесик, член Белорусской социалистической громады. Газета эта с самого начала стала шовинистической трибуной, вокруг которой группировались все шовинистические элементы белорусской интеллигенции.

Одновременно с «белорусским национальным комитетом» воскресла и Белорусская социалистическая громада. В марте 1917 г. в Минске заседала первая конференция временного комитета белоруссов-социалистов. Конференция приняла резолюцию о поддержке временного правительства и высказалась за продолжение войны против немецких милитаристов. Белорусская громада не пользовалась однако влиянием в Белоруссии. Эта мелкобуржуазная националистическая партия, в 1905—1906 г. группировавшая вокруг себя мелкие группы белорусской интеллигенции, имела очень мало сторонников среди белоруссов. В 1905 и 1906 гг. Громада сделала несколько попыток поставить работу среди белорусских крестьян и издала несколько десятков прокламаций. Ни газеты, ни брошюры Громада не издавала. В Минском совете Громада после Февральской революции не имела ни одного представителя.

Первого мая (1917 года) Белорусская социалистическая громада начала издавать в Минске газету под названием «Громада». С первых же номеров газеты стал ясен ее мелкобуржуазный националистический харак-

тер; национальные интересы она ставила выше классовых. Газета эта писала о Керенском, как о «лучшем» представителе народа.

Не находя почвы для работы в самой Белоруссии, некоторые представители Белорусской социалистической громады хотели поставить работу среди белорусских рабочих и крестьян, работавших на петроградских фабриках. Однако, и эти попытки увенчались ничтожным успехом, так как белорусские рабочие и крестьяне были вовлечены в общее революционное движение и не интересовались националистическими чувствами белорусской интеллигенции. В корреспонденции из Петрограда, напечатанной председателем т. н. «Социалистической Громады» Цишко Гартным (Д. Жилунович) в газете «Вольная Беларусь» в № 17 от 1917 года, автор жалуется: «Сыны Белоруссии дали себе забить голову мыслями об общих рабочих интересах и совсем забыли о своих национальных интересах». Вот эти-то «социалисты» организовали в Петрограде свои маленькие группы и в середине лета 1917 года созвали вторую конференцию Громады. На этой конференции выяснилось, что в сущности Громада представляет два направления—национально-народническое и национально-меньшевистское.

В июле 1917 г. белорусский национальный комитет созвал второй съезд белорусских организаций в Минске. На этом съезде по требованию Белорусской социалистической громады была создана в Минске «Центральная рада всех белорусских организаций и партий». Рада поставила себе целью организовать все белорусские организации, находившиеся в различных местах России. Позднее в некоторых местах состоялись съезды солдат-белоруссов, принявших резолюции, в которых белорусский народ призывался организовать вокруг «великой белорусской рады» в Минске для того, чтобы совместными усилиями добиться для белорусского народа автономии—широкого местного самоуправления. Съезды эти требовали также, чтобы белорусские солдаты организовались в особые белорусские части, которые защищали бы интересы белорусского народа.

В Октябре 1917 года происходила третья конференция «Громады». На этой конференции выделилась левая группа во главе с Жилуновичем и Червяковым, которая впоследствии стала ядром созданного при Наркомнаце Белорусского комиссариата; большинство же Громады пошло еще более по шовинистическому пути и позже руководило контрреволюцией в Белоруссии.

Большевикам, руководившим революцией в Минске и на Западном фронте, приходилось, конечно, бороться против Временного правительства, против контрреволюционных генералов и офицерства, а также против национализма белорусских политических партий.

Октябрьская революция в Белоруссии происходила при очень своеобразных условиях. Сейчас же по получении первых сведений о перевороте в Петрограде, Минский большевистский совет мирным путем взял власть в свои руки. Он немедленно освободил всех большевиков и солдат, арестованных за политические преступления против Временного прави-

тельства. Число «преступников» было настолько велико, что из них сформировали целый полк, которому присвоили имя «первого революционного полка имени Минского совета». Контрреволюция фронта концентрировала свои силы. 27 октября Минск был осажден казаками и артиллерией, и Минский совет на короткое время потерял власть. 2 ноября минский совет подготовил свои силы для нового переворота. 2-я армия Западного фронта пришла на помощь Минскому совету и ночью 2 ноября отправили в Минск лучший бронепоезд с большим количеством разного оружия. Этими вооруженными силами Минский совет опять взял власть в свои руки. Для организации советов во всей Белоруссии и на Западном фронте Минский совет создал военно-революционный комитет, в который вошли представители всех советов Западного края. Председателем Ревкома был тов. Мясников. Миллионные армии Западного фронта представляли собою колоссальную силу, которая должна была решить судьбу Октябрьской революции. Нужно было помешать контрреволюции послать войска в Петроград. Нужно было завоевать солдатские массы на сторону советской власти. Эти задачи были выполнены. Мясников, председатель военно-революционного комитета Западного фронта, стал главнокомандующим Западного фронта, руководившим всей работой на фронте.

В эти бурные дни Октябрьской революции все мелкобуржуазные социалистические партии были против Октябрьской революции и против того, чтобы Минский совет взял власть в свои руки. В Октябрьские дни белорусские националисты выступили против революции. 27 октября Белорусская социалистическая громада и все другие белорусские националистические группы выпустили манифест, в котором заявлялось, что волна анархии (Октябрьская революция) не должна помешать великому и священному делу национального освобождения Белоруссии.

Белорусское национальное движение во время Октябрьской революции представляло собой ничтожный политический фактор. Так же, как в первые дни Февральской революции Белорусская социалистическая громада не имела представительства не только в Минском совете, но и в городской думе. Зная свою слабость и беспочвенность, БСГ во время выборов в Минскую городскую думу, блокировалась с украинской партией социалистов-революционеров, с украинскими эсдеками, с поалейсионистами, с объединенной еврейской социалистической партией (СС) и с белорусской партией социалистов-народовцев. Этот блок пошел под списком № 2. Лозунгом этого блока было: «если вы хотите осуществлять ваши социальные требования и лучшие национальные идеалы, голосуйте за список национально-социалистического блока, за список № 2».

Во время выборов в Учредительное собрание Белорусская социалистическая громада выставила собственный список. Здесь-то выяснилось, что Белорусская громада не пользуется влиянием ни среди городского населения, ни среди сельского. Из общего количества поданных в Минской губернии голосов—488 605—большевики получили 340 614 голосов; эсеры—108 788; меньшевики и бундовцы—7 998 и наконец 30 815 голосов полу-

чили еврейский буржуазный блок и другие буржуазные списки. При этом нужно принять во внимание, что почти все голоса, отданные буржуазным спискам, шли из города; по волостям же эти списки получили ничтожное количество голосов. Этот факт показывает, что крестьянство почти целиком пошло за большевиками, а сельская и городская буржуазия распределили свои голоса между различными остальными списками.

Для характеристики результатов выборов в селах приведем в качестве примера Хатеническую волость, где общее количество голосовавших было 4017. Из этого числа большевики получили—3733, т. е. 97% голосов. Остальные голоса распределяются таким образом: польский буржуазный блок (в этой волости имеется значительное польское население) получил 174 голоса, эсеры—75, еврейский буржуазный блок получил 32 голоса, кадеты—14 гол. и 7 голосов остальные списки.

Не взирая на беспочвенность Белорусской социалистической громады в самой Белоруссии, группа буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции созвала в конце декабря «Всебелорусский конгресс», выступивший против Октябрьской революции и против советской власти. Руководящему органу советской власти Западной области—Совету народных комиссаров Западной области, находившемуся в Минске и знавшему о ничтожном влиянии белорусских националистов в самой Белоруссии, ничего не оставалось делать, как распустить этот шовинистический контрреволюционный «конгресс», в котором Белорусская социалистическая громада играла главную роль. После роспуска конгресса его руководители создали нелегальный исполком, который работал нелегально до эвакуации советских войск. Как только советские войска оставили город, Исполком съезда создал Белорусскую раду, руководители которой сейчас же послали поздравительную телеграмму немецкому кайзеру Вильгельму с благодарностью за освобождение Белоруссии из-под большевистского ига. Под этой телеграммой также была подпись представителя Белорусской социалистической громады—Я. Лесика. Таков истинный характер Белорусской громады и та роль, которую она играла с февраля 1917 до марта 1918 года.

А вот как Игнатовский и Жилунович освещают роль белорусской контрреволюции в период с февраля до октября. В вышеупомянутой книжке «Белоруссия» Игнатовский пишет: «Восточная часть Белоруссии, как и вся Россия, переживала эпоху многоглаголивого Керенского. В Минске создался Белорусский национальный комитет, который стал во главе белорусского национального движения. В июле 1917 г. комитет созвал съезд белорусских организаций, который выбрал Центральную раду белорусских организаций, которая и пыталась объединить белорусское национальное движение.

Правительство Керенского было погребено великой Октябрьской революцией. В Белоруссии Октябрьская революция встретила с национальным вопросом. Принцип единого классового фронта встречается с принципом единого национального фронта. Национальные белорусские организации создали в декабре 1917 г. Всебелорусский конгресс, на кото-

рый явилось 1872 делегата. Этот конгресс был лишен коммунистического руководства. Он вынес такую резолюцию: с одной стороны, он признал верховной властью в Белоруссии Всебелорусский совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, но в то же время Белоруссию объявил демократической республикой. Местной советской власти в лице Областного исполнительного комитета Зап. фронта и его комиссаров конгресс не признал. После этого он был распущен Облискомзапом. Совет конгресса решил себя пополнить делегатами от земства и ушел в подполье. Национальное движение в Белоруссии, таким образом, оторвалось от социальной революции»¹.

Из этой оценки Февральской и Октябрьской революций в Белоруссии и взаимоотношений местных сил совершенно ясен националистический подход Игнатовского к освещению событий 1917 года и тенденция к замазыванию контрреволюционного характера белорусских социалистических партий в период Октября. Во-первых, характерно, что в эпоху керенщины Игнатовский видит в Белоруссии только две силы—белорусский национальный комитет и белорусское национальное движение, которым этот комитет руководит. О большевистских силах, игравших такую колоссальную роль в Белоруссии и на Западном фронте, и о героической борьбе, которую вели большевики Белоруссии против контрреволюции, сконцентрированной в штабах Западного фронта, о громадном влиянии большевистской партии на рабочих и крестьян Белоруссии,—обо всем этом Игнатовский не нашел нужным упомянуть ни словом.

Далее, по Игнатовскому в октябрьские дни в Белоруссии столкнулись два принципа—принцип единого классового фронта с принципом единого национального фронта. О том же, как этот национальный «принцип», т. е. белорусская национальная контрреволюция относилась к принципу единого классового фронта,—об этом Игнатовский также считал ненужным рассказывать. В то же время Игнатовский в этой брошюре очень обстоятельно описывает портрет католика Франциска Скарины, который первым напечатал библию на белорусском языке, он рассказывает также о том, что Скарина печатал книжки для «простого народа»... для этих описаний Игнатовский нашел место в своей маленькой брошюре, но сказать несколько слов о роли большевистской партии в Октябрьской революции в Белоруссии он считал лишним.

Но это не все. Ложный и националистический подход к освещению Октябрьской революции в Белоруссии виден также из его указания, что единственным недостатком белорусского контрреволюционного конгресса было то, что он не имел коммунистического руководства. Только поэтому он принял резолюцию, которая, с одной стороны, признавала советскую власть высшим органом Белоруссии, а с другой стороны, объявила Белоруссию демократической республикой и не признавала Совета народных комиссаров Западной области. Будь, значит, коммунистическое ру-

¹ В. Игнатовский, «Белоруссия», стр. 46.

ководство, конгресс бы не принял такой резолюции. Но если из этой мысли Игнатовского сделать логический вывод, надо признать, что роспуск большевиками конгресса был ошибкой.

Все это Игнатовский писал в то время, когда контрреволюционный характер белорусского конгресса стал ясен для всех (одним из руководителей конгресса был помещик Скирмунт), когда выяснились его попытки выступить против пролетарской революции и органа пролетарской диктатуры—советской власти. Что этот белорусский конгресс был контрреволюционным слетом, свидетельствует также один из участников конгресса т. Червяков в своей брошюре «За совецьку Беларусь», вышедшей к 10-й годовщине Октября. Игнатовский обо всем этом умалчивает. Правда, в 1929 году он признал, что его оценка была неправильной, но факт остается фактом, что в течение нескольких лет в белорусских школах воспитывали советскую молодежь на целиком ложной националистической истории Игнатовского.

«Если, однако, в Белоруссии большевизм влиянием среди белоруссов не пользовался,—пишет далее Игнатовский,—зато в Петрограде появился новый центр белорусского движения, возглавляемый белоруссами-большевиками и идущий нога в ногу с великой социальной революцией»¹. Однако и здесь Игнатовский забыл рассказать, что самый «левый» из петроградского белорусского «большевистского» центра Жилунович говорил в августе 1917 года, что «сыны Белоруссии дали себе заморочить голову мыслями в юбих интересах и совсем забыли о своих национальных интересах».

Истпарт ЦК КП(б)Б повел борьбу против этого националистического истолковывания нашей истории и издал с этой целью книжку т. Кнорина «1917 год в Белоруссии и на Западном фронте» и большой сборник со статьями и документами—«Октябрьская революция в Белоруссии», в которых, с одной стороны, освещается громадная роль большевистской партии в Октябрьской революции в Белоруссии, с другой стороны—контрреволюционная роль, которую в ней играли белорусские и другие мелкобуржуазные организации. В целом ряде партийных изданий указывалось, что этот сборник является ценным вкладом в историю большевизма и Октябрьской революции в Белоруссии.

Совсем иначе реагировали на этот сборник белорусские националисты и их друзья из числа членов КПБ в рецензии, появившейся в журнале «Полымя». Эта книга была атакована не потому, что рецензент в этой книге нашел небольшевистское освещение Октябрьской революции в Белоруссии; о таких «глупостях», как большевизм, рецензент даже не нашел нужным говорить, он нашел, что книга недостаточно освещает белорусское движение. Против книги и ее составителя белорусские шовинисты открыли поход, и когда молодой белорусский историк т. Шаповалов написал статью в ответ на эту рецензию, отмечая ее шовинистический характер, журнал «Полымя» и др. белорусские журналы не напечатали

¹ Там же, стр. 46.

этой статьи. И лишь двумя годами позднее (в сентябре 1929 года), когда московской печатью была начата борьба против правооппортунистического и национал-демократического уклона в рядах компартии Белоруссии, минская «Звезда» напечатала эту статью с примечанием редакции, в котором сказано, что, несмотря на то, что статья написана два года назад, она до сих пор не потеряла своего актуального значения.

Если «Полымя» в 1927 году не напечатало большевистской статьи т. Шаповалова, то она в декабре 1928 года напечатала националистическую статью Жилуновича под названием «Белорусские секции РКП», являвшуюся ответом на книгу «Октябрьская революция в Белоруссии». В этой статье Жилунович ни одним словом не упомянул о контрреволюционной роли белорусских националистов во время Октябрьской революции. Он также ни одним словом не упомянул о националистическом мелкобуржуазном характере Белорусской социалистической громады и постарался доказать, что основателями Бел. соц. республики и КП(б)Б являлись Белорусская громада и белорусские секции при РКП(б).

По словам Жилуновича, КП(б)Б ведет свое начало от левой части («большевиков») делегатов белорусского конгресса, разогнанного большевиками. Это тем более странно, что «большевистская» часть конгресса отрицательно отнеслась к разгону конгресса. Характеризуя статью Жилуновича, т. Затонский в своем вышеупомянутом докладе пишет: «Правда, в дальнейшем, по словам автора, «левая» часть убедилась в правильности роспуска, однако у самого Жилуновича до сих пор звучит нотка сожаления, а речь идет о съезде, которому профессор Довнар-Запольский ставит в заслугу именно то, что он (съезд) первый выдвинул лозунг «советы без большевиков».

«В 10-м юбилейном номере «Полымя»,—продолжает т. Затонский,—нет ни одного портрета действительных создателей КПБ и Советской Белоруссии из числа старой большевистской гвардии, но зато наряду с самим Жилуновичем помещен ряд портретов исключенных из партии националистов и авантюристов. К сожалению, в своей статье, посвященной Жилуновичу, в том же 10-м номере «Полымя» т. Червяков фактически солидаризируется с Жилуновичем, идеализируя его прошлое и заверяя, что и в данный момент он «идет твердо по дороге к будущему»... Гораздо дальше идет Жилунович в майской книге «Полымя» за 1929 год, где он под видом автобиографических воспоминаний опять-таки протаскивает восхваления националистического возрождения начала этого столетия: «Действительно это выглядело искрой, какую фанатично и упорно раздувала среди темной и глухой ночи группа самоотверженных людей. Приходится удивляться, оглядываясь назад, с какой чудесной силой совершилось развертывание и рост белорусского возрождения дошедшего через столь короткий срок до советской государственности. Только его полная созвучность с ревдвижением, которое всколыхнуло силы и размах белорусских трудящихся масс, могут это объяснить. В 1909 году ожидать чего-либо подобного значило бы быть мечтателем»...

Но еще характернее, что, вспоминая (в этой же статье) о своих встречах с Антоном Луцкевичем, он его характеризует, *как сознательного марксиста*, вспоминает всякие подробности, упускает только одно обстоятельство, что этот самый Луцкевич является сейчас фашистом и находится на службе у правительства Пилсудского, работая по разложению революционного движения в Западной Белоруссии. В своей книжке «За 25 лет», изданной в Вильне в 1928 году, Луцкевич в числе прочих белорусских деятелей тепло вспоминает и о Жилуновиче, рассказывая, как «... из старой Белорусской социалистической громады выделилась более радикальная группа во главе с Жилуновичем, Червяковым и Дыло, которая вошла в состав коммунистической партии и взяла на себя инициативу строительства Советской Белоруссии, осуществив частично в составе СССР наш государственный идеал, возведенный перед этим актом советов Республики 25 марта 1918 года». Таким образом, получается своеобразная дружеская переключка между коммунистом Жилуновичем и фашистом Луцкевичем».

Также фальсифицируются и дальнейшие этапы истории большевистской партии и Октябрьской революции. В 1919—1920 годах вся Белоруссия оккупирована была белыми польскими войсками. Во время этой оккупации компартия вела огромную подпольную работу. В деревнях и городах организованы были партизанские отряды, в которых участвовали рабочие и крестьяне. Эти отряды вели героическую борьбу в тылу польской армии. Польские помещики самым зверским образом расправлялись с коммунистами и партизанами, которые попадались им в руки. В конце 1919 г. вся бобруйская подпольная коммунистическая организация захвачена была польской дефензивой, и через 48 часов расстреляно было около 20 человек (мужчин и женщин). Весною 1920 г. в Мозыре публично повешены были 3 коммуниста; в ряде других городов десятки рабочих и коммунистов на смерть замучены были польскими палачами. В деревнях происходили массовые истязания и расстрелы героических партизан, боровшихся под руководством компартии. Но Игнатовский и другие выдумали сказку, будто партизанским движением и всей подпольной борьбой руководила основанная во время польской оккупации Игнатовским «белорусская коммунистическая организация».

Что представляла собою эта «белорусская коммунистическая организация», которая, по словам Игнатовского, руководила партизанским движением? В докладной записке, представленной в 1920 г. Игнатовским Центральному бюро компартии Белоруссии, история этой организации описывается следующим образом. «Группа белорусских эсеров, являвшихся до 1919 г. противниками большевиков и советской власти, под влиянием террора, применяемого польскими оккупантами в отношении белорусских крестьян, убедилась в том, что большевики правы. Они решили поэтому стать коммунистами и приняли «коммунистическую программу Бухарина» (так сказано в документе), и в ночь на 1 января 1920 г. группа основала «белорусскую коммунистическую организацию»,

которой с большим трудом удалось сделать печать для организации. Затем эта организация вступила в связь с представителем коммунистической партии, начала руководить партизанским движением и руководила им до освобождения Белорусской Красной армии. А когда освобожден был Минск, белорусская коммунистическая организация подала заявление о приеме ее в компартию»¹.

Так описывается история и деятельность так называемой «белорусской коммунистической организации». На самом же деле эта организация не существовала. Тов. Шарангович, бывший одним из руководителей партизанского движения в Белоруссии, в письме белорусскому Истпарту заявил, что утверждение, будто бы белорусская коммунистическая организация руководила партизанским движением, является выдумкой, ибо «организация» эта состояла из нескольких белорусских националистических интеллигентов и не имела никакой связи ни с партией, ни с партизанским движением. Не один только Шарангович² заявляет, что история и деятельность белорусской организации является выдумкой. Все, кто только принимал участие в подпольной борьбе против польских оккупантов, заявляют, что эта организация никакого отношения не имела к партизанскому движению и вообще не принимала участия в борьбе против оккупантов. Наоборот, имеются документы, доказывающие, что один из основателей этой организации посетил Пилсудского, когда последний прибыл в Минск во время польской оккупации.

Несмотря, однако, на это, Игнатовский в своей истории Белоруссии и в других трудах беспрестанно повторяет, что «белорусская коммунистическая организация» руководила партизанской борьбой. При этом он ни одним словом не упоминает о той героической борьбе, которую рабочие Белоруссии вели во время оккупации под руководством коммунистической партии, и о тех жертвах, которые принесены были в этой борьбе партийными организациями Белоруссии.

Насколько белорусские националисты стараются игнорировать роль компартии и пролетариата Белоруссии в подпольной борьбе против польских помещиков, показывает следующий факт. Несколько лет тому назад в Белоруссии выпущена была кинофильма из эпохи польской оккупации. В этой фильме главным героем в борьбе против польских помещиков представлен белорусский пастух. От этой фильма получается впечатление, что во время польской оккупации в Белоруссии не существовало ни пролетариата, ни компартии, а что единственной социальной силой в борьбе с польскими помещиками был белорусский крестьянин, которым, разумеется, руководила белорусская коммунистическая организация. Появление этой националистической фильма вызвало бурю протеста со стороны рабочих, и в фильме потом вставлено было несколько случайных эпизодов, долженствующих показать также роль партии и рабочих в борьбе против поль-

¹ Меморандум «белорусской коммунистической организации», Архив Истпарта при ЦК компартии Белоруссии.

² Тов. Шарангович — теперь секретарь Иркутского окружкома ВКП (б).

ских помещиков. Но и исправленная фильма дает неправильное националистическое изображение той великой исторической борьбы, которую вели белорусские трудящиеся массы в период 1919—1920 гг.

Еще более ярким примером того, как стараются фальсифицировать историю партии и идеализировать белорусских национальных героев, может служить другой факт: в 1928 году праздновали 10-летний юбилей существования БССР. В связи с этим юбилеем комиссия белорусского ЦИК постановила воздвигнуть памятник двум «борцам, павшим за освобождение Белоруссии». Эти два павших борца: а) *А. Бурбис*—один из основателей Белорусской социалистической громады (в 1903 г.). Во время Октябрьской революции он был в рядах ее противников. В 1918 году он был в Москве представителем белорусской контрреволюционной Рады. В 1922 г. он приехал в Белоруссию, стал членом компартии и в том же году заболел и умер. б) *Булат*—бывший белорусский эсер. До 1919 г. был противником Октябрьской революции. В начале 1920 г. был одним из основателей «Белорусской коммунистической организации» и в конце 1920 г. вступил в компартию. В 1921 г. заболел и умер.

Вот этим двум «героям, павшим в борьбе за освобождение Белоруссии», комиссия белорусского ЦИК решила поставить памятники, а о настоящих героях, погибших на виселицах во время польской оккупации, о замученных в польских тюрьмах,—о них комиссия совершенно забыла¹.

Все эти факты с достаточной ясностью показывают, в какой степени шовинизм и национал-демократизм господствуют в Белоруссии в области исследования и тактики партии и революционного движения и какая тяжелая и огромная борьба предстоит молодым марксистско-ленинским историкам на историческом фронте в Белоруссии.

С. Агурский

¹ Насколько стараются исказить историю компартии и идеализировать белорусское националистическое движение, показывает следующий, весьма характерный факт. Пишущий эти строки написал статью о революционном движении в Белоруссии для «Большой советской энциклопедии» и упомянул, что в 1920 г. в Белоруссии основана была «белорусская коммунистическая организация». Статья эта попала в руки комиссии, которая прибавила к статье несколько слов, а именно, что белорусская коммунистическая организация «руководила партизанским движением»; в таком виде статья и была без нашего ведома напечатана. Когда 5-й том «Б. С. Э.» уже вышел в свет, мы узнали об этой фальсификации и потребовали, чтобы редакция исправила ошибку. Редакция в официальном письме ответила, что «поправку» кто-то сделал в Минске и что в части экземпляров удалось еще выкинуть вставленные слова. Вот как фальсифицируют историю партии.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ИСПАРТА.

В № 5(100) «Пролетарской революции» напечатаны воспоминания тт. М. С. Ольминского и А. И. Елизаровой о возникновении Испарта. Воспоминания эти могут служить подтверждением того скептицизма, какой нередко выказывал, по отношению к воспоминаниям вообще, М. С. Ольминский. Моя память, конечно, тоже не без грехов,—но некоторые подробности описываемых в названных воспоминаниях событий я помню очень твердо и потому решаюсь предложить некоторые поправки к рассказу тт. Ольминского и Елизаровой.

Идея образования комиссии *по истории партии* всецело принадлежит не кому другому, как самому М. С. Ольминскому. Проект этот был уже готов и, кажется, получил уже партийную санкцию; оставалось только провести его «в советском порядке»,—когда у нас, работников Центр-архива (тогда Главархива), возник совершенно самостоятельный проект образования комиссии *по истории Октябрьской революции*. Натолкнул нас на эту мысль Владимир Ильич, поставивший перед нами (главным образом передо мной и В. В. Адоратским) задачу—написать в возможно кратчайший срок если не историю, то хронику событий Октябрьской революции. Мы сами успели позабыть теперь, говорил Владимир Ильич, массу важнейших фактов, сопровождавших возникновение советской власти, первые шаги ее учреждений и т. д., в особенности, когда эти факты происходили вне Петербурга и Москвы. Так что подобная книга прежде всего была бы необходимым справочным пособием для нас самих. Между тем растет поколение, которое об этих фактах совсем ничего не знает. Кто-то должен ему об этом рассказать хотя бы самым непритязательным и простецким способом.

Так, или приблизительно так, говорил т. Ленин. Подлинных слов я не помню, но за смысл и ход мысли ручаюсь. Так как было совершенно ясно, что одному человеку, в виду крайней громоздкости и «сырости» материала, дело было не под силу, то мысль о создании комиссии на-вертывалась в связи с этим «заказом» Владимира Ильича сама собой. Я тотчас же составил проект декрета и принес его В. И.

«Зачем же вторая комиссия,—спросил меня В. И.: мы только что решили образовать комиссию по истории партии? Поручимте обе эти задачи одной комиссии, назвав ее комиссией по истории партии и Октябрьской революции».

Я стал возражать, указывая на то, что задачи в значительной степени различные, и подход различный. История Октябрьской революции,

т. е. сложного комплекса событий самого разнообразного порядка, есть обычная *историческая* проблема. Она требует от руководителя исторической подготовки,—но работать придется, главным образом, по документам, и поэтому тут могут быть использованы всяческие исторические силы, вплоть до беспартийных. История партии, в особенности за подпольный период, опирается не столько на документы, сколько на воспоминания непосредственных участников (надо иметь в виду, что партийный архив в те дни находился еще в Женеве). Тут нужны не столько историки-специалисты, сколько старые товарищи, очень близко стоящие к партийной жизни.

Мне удалось убедить В. И. только в том, что для руководства делом нужны специалисты-историки,—в остальном он остался при своем мнении, и особой комиссии по истории Октябрьской революции образовать не разрешил. Вместо этого, совершенно для меня неожиданно, я был назначен председателем объединенной комиссии. Очень скоро я убедился, что для руководства работой по истории партии у меня нет необходимой подготовки, и—действительно, в этом пункте воспоминания гг. Ольминского и Елизаровой вполне точны,—предложил Владимиру Ильичу заменить меня во главе комиссии М. С. Ольминским, что и было сделано к очень большой пользе для всего дела.

Таким образом, я являюсь инициатором идеи не истпарта, а лишь не состоявшейся в качестве отдельного учреждения и влитой при самом основании в Истпарт комиссии по истории Октябрьской революции. Идея же Истпарта всецело принадлежит М. С. Ольминскому,—или, во всяком случае неразрывно связана в моих воспоминания с его именем. Возможно, что рядом с ним работали еще другие товарищи, но так как я к этой работе не привлекался и в составлении первоначального проекта комиссии по истории партии не участвовал, то тут мои воспоминания ничем помочь не могут.

М Покровский.

1905 ГОД В СОРМОВЕ

Годы, предшествовавшие первой русской революции, для сормовских рабочих были годами массового пробуждения и славной борьбы. Пробуждение это совпало с моментом, когда русская социал-демократия, объединившись, вышла из узкой кружковщины и превратилась в широкую массовую организацию. Оно совпало также с моментом оживления оппозиционного движения в среде радикальной молодежи, главным образом студенчества. Политическое развитие и революционное движение рабочих масс Сормова проходили под руководством Нижегородского комитета РСДРП, принявшего без колебаний программу старой «Искры»; в состав Нижегородского комитета также входили и двое сормовичей — Заломов и Д. Павлов.

Пролетарий Сормова не знал рабочедельческого, зубатовского, гапоновского руководства, не имел тех болезней, которыми сопровождались эти течения. Надо думать, что в силу этих причин сормовичи так быстро и выдвинулись в первые колонны борцов-революционеров, проявив массовый героизм в первые же годы своего развития.

Политическая демонстрация 1 мая 1902 г. в захолустном уголке царской России с 12 тысячами рабочих металлистов сильно встревожила самодержавие. Впервые в России в рабочем районе рабочие тысячами, может быть, неожиданно для себя громко вместе с социал-демократами кричали: «долой самодержавие», «да здравствует политическая свобода». И недаром самодержавие, захватив часть демонстрантов, устроила над ними суд с участием сословных представителей. Впервые на этом сословном, вернее классовом, суде сормовичам пришлось открыто демонстрировать социал-демократические лозунги и требования. Речи подсудимых, главных виновников демонстрации, Заломова и Самылина, служили долгое время примером, как нужно социалистам держать себя на суде и следствии классового врага.

За 1902 год потери сормовской организации выразились в 50 человек. Но, несмотря на это, в 1903 г. первомайская демонстрация повторилась, а количество выбывших из строя организованных рабочих было не меньше, чем в 1902 г.

Война с Японией, безработица, потеря сотни лучших борцов не остановили революционного движения в Сормове. В августе 1904 года происходит всеобщая забастовка.

Губернатор, фабричный инспектор, войска.

— Не нарушайте великого торжества всех сынов, любящих родину и царя... Постыдитесь, не омрачайте великой радости царя и царицы, — обращался к рабочим губернатор, имея в виду рождение царевича Алексея.

— Так пусть же купается в нашей крови новорожденный цесаревич, — крикнул рабочий механического цеха А. Шпагин.

— Пусть расстреливают нас, как расстреляли златоустинских рабочих, — добавил другой рабочий из модельного цеха. И толпа в несколько тысяч человек, как один, встала на колени перед выстроившимся фронтом солдат, видимо, готовых исполнить команду «пли...»

Но не выдержала чрезвычайно острого и трагического момента толпа. Дрогнула... в результате 200 человек арестованных и высланных лю месту жительства. Была выметена с завода почти вся активная часть рабочих. После забастовки в Сормове наступило некоторое затишье.

В течение двух месяцев большевистская организация сумела восстановить нарушенные разгромом связи и уже к знаменитой либеральной «весне» Святополка-Мирского организация вновь проявила максимум энергии. Ни одно собрание или банкет либералов-земцев не проходили без участия сормовичей как представителей действительной революционной силы, противодействующей иллюзиям мелкобуржуазной либеральной интеллигенции.

Самодержавная политика была настолько лжива, запутана, непонятна для трудящихся масс, что действительно нетрудно было потонуть в потоке ее противоречий. С одной стороны, либеральная «весна» Святополка-Мирского, либеральные речи на банкетах земских деятелей, с другой — погромы рабочих и студентов, как это было в октябре 1904 г. и в Нижнем на одном из банкетов в Народном доме. Пока говорили либералы, полиция не вмешивалась, но как только начали выступать с революционными речами, вмешалась тотчас же полиция и началось избивание присутствующих.

Или война с Японией. Где-то за тридевять земель бьются люди, не зная, почему и зачем. Гибнет русская эскадра, отбирается японцами «неприступная» крепость Порт-Артур, русская армия проигрывает сражение за сражением. Сотни тысяч убитых, раненых, пленных... Кроме того за 11 месяцев войны на нее расходуется свыше 621 милл. рублей. Из-за войны и безработица, рост цен на предметы потребления.

Или Баку. Адские условия жизни промыслового рабочего заставили его выступить против предпринимательской эксплуатации. Бастовали уже 3 недели. Казалось, победа была уже на стороне рабочих, согласительная комиссия уже готовилась подписать условия. Но... в Баку внезапно началась татаро-армянская резня, в нее вмешались вооруженные силы, и все пошло на смарку.

События 9 января в широких кругах рабочих масс Сормова вызвали глухое брожение. Рабочие первое время как-то не верили тому, что случилось.

— Может быть, это вранье,—говорил мне один рабочий,—может быть, рабочие были не безоружны, и царь, зная об этом, принял такие суровые меры.

Другой, более развитой рабочий, высказывал другие предположения:

— Возможно, что все это подстроено буржуазией, интеллигенцией, чтобы как-нибудь вызвать нас на революцию, а самим при удаче захватить власть.

С каждым днем факт дикого бессмысленного расстрела рабочих подтверждался, и, разумеется, вызывал на противодействие. Но вместе с тем имелись и крайне сбивчивые сообщения. Так, например, газеты сообщали: 12 января¹ в Петербурге все спокойно. Царь принял какую-то рабочую делегацию и о чем-то с ней говорил. В представлении провинциальных рабочих петербургский рабочий должен быть революционером высоко развитым. И вполне естественно, что провинциальные рабочие зорко всматривались, как будет реагировать на царские «штучки» петербургский пролетариат. А другое сообщение газет окончательно затушевывало истинное положение: «Митрополит Антоний совершил молебствие в церкви Путиловского завода. За литургией пел хор путиловских рабочих, а символ веры и молитву господню пела вся церковь». Потом еще молебен на производстве, опять проповедь митрополита и еще делегация от рабочих. Не верить было нельзя.

Предпринимались всевозможные меры к тому, чтобы закупорить все щели, закрыть все клапаны огромного революционного котла, начинающего кипеть. Дворянские собрания непрерывным потоком направляли свои верноподданнейшие заверения царю. Разве не могли действовать на несознательные массы такие лживые резолюции московского дворянства: «Пусть минует военная гроза, пусть уляжется смута, тогда «реформы».

Обстановка делалась все более запутанной. В этой-то сложной и запутанной обстановке и предстояло нашей организации направить неорганизованные массы сормовского завода на революционный путь. Между тем партийное руководство в сормовской с.-д. организации было слабо. Слабость руководства объяснялась тем, что почти весь актив к этому моменту находился не на заводе, а вне его; руководить заводской массой было крайне трудно.

Среди членов сормовской организации шло глухое брожение против режима нижегородского партийного комитета. Состав нижегородского комитета был исключительно из нижегородских интеллигентов: С. Владимиров, М. Ф. Владимирский, Б. Позерн, Пл. Лебедев, А. Сысин, Н. А. Семашко, В. Десницкий, Б. Грейберг, И. Цветков. В состав же Сормовского комитета входил из нижегородского комитета Б. Грейберг.

15 января состоялось расширенное совещание активистов сормовских нелегальных организаций. Собралось около 100 человек. Решался вопрос о поддержке питерских рабочих. Собрание высказалось за объ-

¹ Даты в этой статье по старому стилю.

явление всеобщей забастовки. Но на другой день выяснилось, что забастовка состояться не может, так как рабочие еще напуганы расстрелом; вызвать их без предварительной агитации не удалось бы. Вместо всеобщей забастовки сормовский комитет решил провести среди рабочих денежный сбор в пользу семей расстрелянных рабочих. Такое решение вызывалось тем, что организация вступила в новый год довольно потрепанной, что события надвинулись внезапно и рабочие, главным образом в отсталых цехах, были сильно напуганы невиданной до сих пор зверской расправой над безоружными рабочими. Без предварительной организационной обработки рабочих масс начинать всеобщую забастовку было рискованно. Сормовский комитет решил усиленным темпом провести воспитательную работу среди рабочих отсталых цехов, призывая их на борьбу за повышение зарплаты.

В январе же Павел Мочалов, представитель Комитета и организатор боевой дружины, потребовал от организации средств на покупку оружия для дружины, вернее на покупку нескольких берданок. Организация испрашиваемые средства в сумме 48 рублей отпустила. Одновременно заработала и нелегальная типография. Первое же воззвание имело успех. Кузнецы предъявили администрации экономические требования. Забастовка тянулась недолго, и кузнецы добились повышения зарплаты. 25 января забастовали подручные котельного цеха. Кончилась забастовка котельных подмастерьев, начали бастовать мостовой цех, а потом и судостроительный; за ними еще и еще. При общем сочувствии и поддержке всех рабочих такие как бы партизанские выступления отдельных цехов ставили администрацию завода в весьма невыгодное положение. Закрытие отдельного цеха ставило под удар весь завод; закрыть же весь завод не имелось достаточных оснований. Поэтому администрация делала забастовщикам уступку за уступкой. Наконец, не выдержав нашей тактики, администрация предложила рабочим завода организовать институт уполномоченных для урегулирования взаимоотношений между администрацией и рабочими ¹.

В заседаниях 4, 5, 11 и 17 марта при совместном рассмотрении пунктов с рабочими и при тщательном обсуждении каждого пункта заводоуправление дало свой ответ. Целый ряд экономических требований был разрешен в положительном смысле. Добились частичного увеличения заработка, были удовлетворены требования рабочих об уменьшении сверхурочных работ, отменены некоторые виды штрафов и обыски в проходных, заставили администрацию своевременно, в определенные сроки, выдавать наряды на сдельную работу, заработную плату выдавать в рабочее время. В цехах были поставлены умывальники и кубы для кипяченой воды, в горячих цехах устроены бани, везде увеличено электрическое освещение установкой переносных электрических ламп и улучшено отопление цехов.

¹ Подробное описание выбора уполномоченных см. сб. «1905 г. в Сормове». Изд. Нижегородского истпарта, 1926 г.

В подтверждение своих требований, предъявленных администрации через уполномоченных, рабочие в субботу, 5 марта, не пошли на установленный обеденный перерыв. Несмотря на гудки и приказание цеховой администрации остановить машины и станки, рабочие воспрепятствовали остановке двигателей и продолжали работу. Проработав до 2 часов дня, пошла домой.

До утверждения правил внутреннего распорядка фабричной инспекцией администрация не хотела проводить их в жизнь. В заводском архиве имеется телеграмма от 5 марта № 57333 на имя Правления следующего содержания: «Соглашайтесь субботу до двух рабочих день десять получка еженедельно сегодня будет правление напишем вечером». Так рабочие осуществили непрерывный 7½-часовой рабочий день в субботу.

Кроме борьбы за экономические требования рабочим пришлось выдерживать напряженную борьбу за школу и отмену однопроцентного вычета из заработка рабочих на содержание сормовского церковно-приходского попечительства и передачу его в рабочую кассу взаимопомощи.

Революционное движение в Сормове несколько отличалось от движения в Петербурге, Москве и других больших городах. Отличие заключалось в том, что в Сормове масса была однороднее, руководство было исключительно почти в руках рабочих, главным образом большевиков. Интеллигенция в Сормове—явление редкое. Даже меньшевики с их запутанной либеральной тактикой (выборное начало, ставка на либералов) не могли, не смели противопоставлять большевистской тактике свою. Они были вынуждены делать то, что диктовала революционная ситуация. Борьба с ними шла только на соревнование в привлечении масс в партию. Лидерами меньшевиков были: Н. Чутурин, И. Савин, братья Барановы и Ф. Погодин. Сормовские меньшевики—это меньшевики, можно сказать, особой породы. Они в 1903 г. убили провокатора Пятницкого и не прочь были иметь в карманах бомбы и револьверы. В общем меньшевики не пользовались успехом среди сормовских рабочих, а меньшевизм в Сормове был продуктом, наваянным извне. Нечем было также хвастаться и эсерам, имевшим в Сормове небольшую организацию, лидером которой был рабочий И. П. Сизов, ныне член ВКП(б).

* * *

Условия исторического момента подсказывали сормовской организации большевиков, что революционное движение может принять новые формы борьбы, более сложные и ответственные, чем были до сих пор, что к этим условиям революционная социал-демократия должна быть готова. Быстро растущие потребности рабочего класса встречали отчаянное сопротивление со стороны правящего класса. Социал-демократия должна была стать действительным политическим вождем растущей революционной силы. Наша организация это чувствовала, чувствовала близость революционных боев, в центре же руководящие партийные организации боль-

шевиков уже вполне учитывали необходимость предстоящего руководства борьбой. Большевистское ядро во главе с т. Лениным порвало всякую связь с меньшевистским центром, 22 декабря 1904 г. вышла большевистская газета «Вперед», влившая бодрость в ряды революционной социал-демократии и давшая ясные указания насчет тактики и форм борьбы.

При помощи Нижегородского комитета нашей партии, через т. И. В. Цветкова, я в феврале получил и привез в Сормово типографский станок и шрифт. Это было первое и большое достижение Сормовской организации. Вслед за станком, через того же Цветкова, Сормовская организация купила пишущую машинку для пробивки трафарет для мимеографа, который уже был в наших руках. Таким образом организация обеспечила себя двумя «орудиями производства» первейшего значения в той борьбе, к которой так много готовились. Само собой разумеется, что Сормовская организация обслуживалась литературой Нижегородским комитетом, а наша типографская техника являлась как бы вспомогательной—на всякий случай... Организация «техники» была поручена В. Каюрову. В качестве техников были приглашены бежавшие из вологодской ссылки рабочие г. Николаева, по добытым организацией паспортам именовавшиеся Лещев и В. Тризна. В качестве «квартирной хозяйки» была М. Дружкина.

Взялся я за постановку типографии со всей серьезностью, применил все предосторожности. И когда все было устроено, остался очень доволен удачной маскировкой. Не менее меня довольные «техники» ждали заказов. Наконец заказ был дан, и набор сделан. Печатание должно было начаться ночью. Вечером иду в типографию. Не дойдя шагов 20—30, останавливаюсь, чтобы проверить, нет ли каких-либо подозрительных признаков. Типография помещалась на пригорке, в полуподвальном помещении. Стоял небольшой мороз, на улицах было тихо. И в этой морозной тишине я услышал знакомые перекаты чугунного валика. Эге! вот так штука, вот так законспирировал! Перепуганный, вбегаю в типографию и сообщаю рабочим свои наблюдения. Минутная растерянность, затем короткое совещание о том, как быть. В результате решили: для заглушения звука валика употребить подушки, одеяла и одежду. Все это клали под ножки стола, на котором стоял станок, а также и под плиту.

Приведу еще один случай нашей типографской деятельности, кончившийся арестом. К маю этого года революционное движение приняло очень острые формы. Требовался максимум энергии, чтобы направить рабочие массы в организационное русло. Для того чтобы обеспечить руководство, необходимо было технику поставить так, чтобы в случае провала одной типографии была готова другая. В этих целях мной был приглашен безработный, служащий сормовского завода т. И. Толстиков для работы на мимеографе. Передав ему ремингтон и ознакомив его с писанием и техникой пробивки трафареток, я успокоился. На другой день утром он прибегает ко мне на квартиру и взволнованно сообщает, что ночью он учился печатать, а утром к нему на квартиру пришел письмоводитель сормовского пристава и спрашивал, что за стук слышался ночью в квар-

тире Толстикова (он жил в том же доме). А когда увидел пишущую машинку, стал допытываться, для какой цели она имеется. Нам пришлось быстро ликвидировать все, что могло скомпрометировать нас, оставили только машинку и лист бумаги. Вечером Толстикова арестовали вместе с машинкой и он просидел около 6 месяцев, т. е. до октябрьского манифеста.

Вслед за «техникой» Сормовская организация вплотную занялась самовооружением. Через того же т. Цветкова, познакомившего нас с Соколовым, имевшим в Нижнем магазин, мы получили первую партию револьверов разных калибров, системы и цен. Вторую партию в количестве 85 штук получили по железнодорожной накладной. На Нижегородской ярмарке мною были скуплены почти все револьверы. Таким образом, до августа через мою «бухгалтерию» прошло, кажется, 265 штук револьверов. Кроме того отдельные товарищи самостоятельно приобретали оружие. Организатором будущей боевой дружины т. Мочаловым покупались берданки.

После мартовских и апрельских вооруженных столкновений наша организация не удовлетворилась вооружением своих членов револьверами. Цветков, по нашей просьбе, дал нам рецепт состава для начинки бомб. Испытание первой пробной бомбы производили за Волгой в лесу в составе почти всего сормовского комитета. Проба удалась, но не удовлетворила. Начались усовершенствования. Во-первых, для усиления состава начинки добавляли динамит. Чтобы достать динамит, организация согласилась на следующую комбинацию: на просьбу эсеров отпечатать им какое-то воззвание я от имени нашей организации потребовал в обмен динамит. Соглашение состоялось и динамит был получен. Затем в начинку стали прибавлять еще черного пороха: «для дымной завесы» — объяснял т. Мочалов.

С каждым днем потребность в организации серьезной вооруженной силы становилась очевидней. Существовавшая в то время боевая дружина понимала также, что первоначальную организационную форму она переросла и что ей требуется другая форма. В этих целях ей было поручено перестроиться на основе военной дисциплины и ответственности каждого члена перед организацией. Потребность в перестройке боевой дружины увеличивалась еще и потому, что в ее состав входило несколько человек боевиков из эсеровской организации, хотя штаб состоял исключительно из большевиков: Мочалов, А. Дмитриев, А. Минин, В. Кирсанов, А. Вельтов.

В начале мая боевой дружиной был представлен в руководящий коллектив проект устава. В уставе всего только 7 пунктов, настолько ярких, что мы считаем нужным привести их здесь целиком.

Устав боевой дружины

1. Боевая дружина в своих действиях и выступлениях имеет полную независимость от местных организаций.

2. Каждый член б. д. подчиняется распоряжениям штаба.
3. При всех вооруженных выступлениях б. д. выполняет приказания руководителя, который выделяется штабом.
4. Каждый член б. д. обязан проходить военно-строевое обучение по выработанному штабом порядку.
5. Боевая дружина имеет свое знамя—двухцветное: полоса красная сверху, вниз полоса черная, а в середине пятиконечная звезда.
6. Б. д. приобретает оружие путем покупки на имеющиеся средства и обезоруживания полиции, с таким расчетом, чтобы каждый член был обязательно вооружен револьвером.
7. Каждый член б. д. обязан платить членские взносы в размере 2%, с заработанного рубля¹.

Из этих нескольких пунктов устава видно, сколько требовалось от вступившего преданности и готовности быть борцом за дело революции. Возьмите § 4-й: рабочий, вступивший в боевую дружину, проработав в заводе 10 часов с половиной, должен был проходить еще и военно-строевое обучение. Мало того, он обязан купить револьвер или обезоружить полицейского для того, чтобы добыть себе оружие, и кроме того, вступив в эту организацию, платить со своего заработка 2%.

При обсуждении устава на партийном комитете § 1-й вызвал среди членов организации возражения, в особенности со стороны представителя Нижегородского комитета т. Б. Позерна. В защиту этого пункта устава выступил начальник дружины т. Мочалов. Мотивы, которыми штаб руководствовался при внесении этого пункта в устав, были скорее практического свойства. Этим пунктом партийная организация отгораживалась в случае провала боевой дружины или какой-либо провокации от формальной ответственности за действия боевой дружины. В действительности же, руководство дружиной все равно проходило через партийную организацию, так как члены штаба, один или два, непременно входили в руководящий коллектив Сормовской организации. В конце концов устав был утвержден как Сормовской организацией, так и Нижегородским комитетом партии.

По утверждению устава боевая дружина, пополнив свои ряды до 40 человек, начала по-серьезному обучаться военному делу, вплоть до рытья окопов.

Дружинники сыграли громадную роль в развитии революционного движения и не однажды показали свою боевую готовность и отвагу. Полиция настолько трусила вооруженной силы рабочих, что из ее состава многие уволились или перевелись в другие места. К июлю нижегородские власти вынуждены были прислать в помощь полиции роту солдат. Вскоре, однако, солдаты были сняты и заменены казаками; эти не разложились и остались в Сормове до декабрьского вооруженного восстания, во время

¹ Все приведенные в воспоминаниях документы взяты из архива Московской судебной палаты по делу о сормовском вооруженном восстании в 1905 г., хранящегося в Архиве револ. и внешней политики.

которого они, как и ранее, действительно показали себя стойкими защитниками самодержавия.

Вооружение рабочих, конечно, не ограничивалось одной лишь организацией нескольких десятков дружинников. Вооруженных рабочих к моменту декабрьского восстания было не менее 500 человек; имелись взрывчатые снаряды.

Несколько слов о руководителе боевых дружин т. Мочалове. С ним я познакомился в 1903 г.; в течение трех лет т. Мочалов из милостивого юноши сделался довольно мужественным, энергичным, смелым и преданнейшим товарищем. Поэтому организация, несмотря на его молодые годы (не более 20 лет), и поручила ему такое ответственное дело, как организация боевых дружин, а в декабрьское восстание и командование восстанием. Он настолько был поглощен идеей вооруженной борьбы, что и после разгрома Сормовского восстания, а с ним и организации, в течение нескольких лет не прекращал вооруженной борьбы в других местах.

* * *

Близилась весна. Настроение рабочей массы повышалось. Наша организация чувствовала, что одна только подпольная работа недостаточна, что для широкой агитации нужно искать легальных возможностей. Первое, что использовала организация, это общее собрание церковно-приходского попечительства, состоявшееся в последней половине марта под председательством попа Орловского. Средства у этой организации были большие; существовала она с давних времен за счет обязательных вычетов с зарплаты рабочих и служащих. Никаких отчетов перед рабочими в израсходовании средств заправилами не делалось. Сормовская организация с.-д. еще в начале своего формирования, т. е. в 1900 году пыталась проникнуть в эту организацию, но безрезультатно.

Собрание церковно-приходского попечительства было назначено в народной столовой. Попы, заметив, что у собравшейся рабочей публики настроение повышенное, решили собрание перенести в собор, надеясь, что публика не посмеет нарушить благолепие храма божия. Но попы ошиблись в расчетах. Собрание проходило бурно, и попы вынуждены были покинуть собор. Воспользовавшись бегством попов, партийцы объявили митинг. Во время митинга в собор явился исправник с несколькими полицейскими. Митинг прекратился, и публика начала выходить. В ограде собора стояли конные стражники и пешие полицейские. По указанию исправника, по выходе из собора полицейскими был арестован выступавший оратор. Толпа рабочих заполнила собой всю ограду, окружила стражников и полицейских. Боевая дружина, разбившись на маленькие группы, готовилась к защите. Начальник боевой дружины т. Мочалов и его помощник А. Минин вступили с исправником в переговоры об освобождении оратора. Исправник, позеленев от злости, сначала категорически отказал в освобождении, но видя себя окруженным много-

численной возбужденной толпой, приказал стражникам освободить оратора. Оратор скрылся.

Эта первая попытка использования легальной возможности окрылила организацию и получила со стороны рабочих одобрение. В организации начались суждения о том, как лучше использовать легальные возможности для вовлечения широких масс в активную борьбу. Кем-то из товарищей был предложен следующий проект: Сормово находится в антисанитарном состоянии и поэтому надо пригласить лекторов для чтения публичных лекций на эту тему. (В России в это время некоторые районы оказались неблагополучными по холере.) Первая лекция состоялась 28 марта в народной столовой. Лекция читалась доктором Кармановым и прошла без всяких инцидентов, за исключением того, что были разбросаны прокламации.

На второй лекции—1 апреля—организация подготовилась к выступлению. Зал народной столовой был переполнен публикой. Полиция, будучи, повидимому, осведомлена о намерениях нашей организации, прибыла в этот вечер в следующем составе: 8 урядников, 13 городских и 6 конных стражников, во главе с полицейским надзирателем Высоцким. Пешие разместились частично в помещении столовой, а конные на улице. Наша молодая боевая дружина тоже пришла на лекцию, по 5 человек группами, разместившись около городских. Лекция началась, но присутствие полиции сильно нервировало публику. Напряженное состояние продолжалось недолго. Лекция была прервана. Несколькими товарищами был поднят на руки оратор, который в сильных выражениях произнес речь против существующего строя. Полиция во время речи оратора, видимо, не знала, что предпринять. Часть публики не выдержала такого напряжения, стала расходиться. В зале осталось около 500 человек. Уже заканчивалась речь, как оставшаяся публика закричала: «Долой самодержавие!». «Бей полицию»,—крикнули дружинники. Раздался выстрел. Дружинники бросились на полицию и стали бросать в нее заранее приготовленными тяжелыми предметами. От неожиданности это вызвало у полиции панику. Она бросилась удирать во все стороны.

Приближалось 1 мая. Организация в первый раз решила приспособиться к празднованию международного пролетарского праздника по новому стилю. Чтобы вовлечь широкие массы, празднование 1 мая было назначено не на 18 апреля, как бы полагалось, а на 20, в воскресенье.

В Сормове к этому времени обычно стягивалось из уезда большое количество полиции и конных стражников. Обыкновенно в это время Волга настолько разливалась, что затапливала большое пространство расположенных около завода деревень Мышьяковки и Дарына, далеко врезываясь в глубь поселков. Этим благоприятным обстоятельством Сормовская организация и решила воспользоваться. Решено было празднование произвести в заливе на лодках.

20 апреля стояла великолепная тихая и солнечная погода. Поверхность воды в заливе была похожа на спокойное озеро. Невдалеке кар-

тинно тонула в воде огромная роща, тянувшаяся почти до самой Нижегородской ярмарки. Дым заводских труб не застилал пространства черной завесой. Грохота машин не было слышно в этот день. Рабочие массы, их жены и дети в праздничном настроении кучками прогуливались по улицам. Чувствовалась мощь и воля коллектива, пожелавшего испытать еще раз свою силу. К заливу со всех сторон тянулись кучками рабочие. Здесь же решено было продемонстрировать революционные лозунги. Несколько десятков членов партии, усевшись в лодки, весело и шумно поплыли по заливу, соединяясь с другими лодками. Кое-где на лодках появились маленькие красные флажки. Полиция, заметив это, начала бегать по берегу, грозясь в сторону катающихся. Стоявшая же на железнодорожной насыпи публика в несколько сот человек весело гоготала над растерявшейся полицией. В ответ на угрозы полиции с лодок раздались революционные песни, эхо которых ударяло то в близлежащую рощу, то в заводские каменные стены, усиливая этим самым мощные звуки этих песен.

К полиции пришло подкрепление в лице десятков двух конных стражников. Получив подкрепление, она первым делом бросилась на стоящую на насыпи толпу, пустив в ход нагайки и шашки. Разогнав толпу, полиция сделала из револьверов несколько выстрелов по направлению лодок. Лодки расцепились и в разных направлениях уплыли за пределы досягаемости полицейских пуль.

Цель была достигнута. Демонстрация состоялась, настроение в массах поднялось. Полиция же осталась «с носом». А главное не было жертв ¹.

Прошло несколько дней. Вечером 28 апреля у железнодорожного переезда собралась небольшая толпа гуляющих. Я с товарищем Олимпием находились на другом конце улицы.

— Слышь, Олимпий. Идея. Так ведь много народу можно собрать в одно место. Вот полиции делов-то будет...

— В самом деле. Эй, мальчик,—воскликнул я, увидев проходившего карапуза,—ты что не идешь туда смотреть!

— А что там?

— У-у, там такое случилось!..

Мальчишка побежал, за ним другие. Потянулись взрослые.

Через каких-нибудь полчаса на переезде уже образовалась толпа в добрую сотню человек. К этой толпе подошла партийная молодежь, катавшаяся перед этим на лодках по заливу.

¹ Несколько иначе описывает эту демонстрацию Нижегородское жандармское управление.

«20 апреля мною получены агентурные сведения о том, что в шесть часов вечера на жел. дор. близ Сормово должны были собраться рабочие, после чего демонстративным шествием отправиться в село Сормово. Об этом мною своевременно был поставлен в известность губернатор и балахнинский исправник. Последний выслал отряд полиции, который застал на насыпи толпу около 400 человек. При приближении полиции из толпы стали стрелять, полиция была принуждена ответить тем же. Тогда толпа рассеялась».

Значительная толпа, да еще на видном месте—это сразу бросилось в глаза всех и заинтересовало публику. Через несколько минут толпа возросла до нескольких сот человек. Партийная публика воспользовалась моментом, предложив публике пройти по улице. Возражений не последовало. Раздалось «Дружно, товарищи, в ногу»... потом «Варшавянка». Услышав в вечерней тишине звуки мощных и так знакомых напевов, население ближайших домов присоединялось в демонстрации. Толпа имела в своем составе уже свыше тысячи человек.

Демонстранты прошли всю Соборную улицу и завернули на Большую. Вдруг саженьях в 25 демонстранты заметили в темноте силуэты конных стражников. Шествие не остановилось, песни не прекратились. Внезапно вечернюю тишину прорезал резкий гул выстрелов. Песня оборвалась, послышались стоны. Демонстранты бросились на городских, стреляя по ним из револьверов. Полиция сначала отстреливалась, но, видя бегущую на нее толпу, бросилась наутек.

Как потом выяснилось, первый выстрел был сделан не конными городскими, а из засады, расположенной около дома Бузычкина. Тяжело ранеными оказались гг. Командин, Дмитриев и М. Толстиков.

Вот что говорит по этому поводу донесение нижегородского губернатора Унтерберга министру внутренних дел.

«28 апреля в 10 часов вечера сормовским помощником пристава получены сведения о том, что громадная толпа рабочих направилась через Соборную улицу на Шоссейную с песнями и криками. Отдано распоряжение полицейскому надзирателю отправиться на толпу с урядниками и стражниками. Сам пристав с конной стражей двинулся на толпу. Допустив стражу шагов на 50—60, толпа открыла по ней огонь из револьверов и стала бросать какие-то взрывчатые снаряды, благодаря чему лошади конной стражи испугались и бросились назад. В свою очередь пешие полицейские открыли стрельбу, сделав несколько выстрелов. Затем, час спустя, в сормовскую больницу поступило 5 человек с огнестрельными ранами. Раны эти, как оказалось впоследствии, демонстранты причинили себе сами.

Генерал Унтенбергер».

Факты здесь извращены. Первые открыли стрельбу полицейские, никаких взрывчатых снарядов демонстранты не бросали, а нанесенные пулевые раны гг. Командину и Толстикову свидетельствовали о том, что они были причинены сверху, вероятно конными стражниками, так как пули прошли через плечо вниз. Указание в донесении, что демонстранты сами причинили себе раны, являлось явной ложью. Тов. Дмитриеву прострелили ладони обеих рук в момент прицела из револьвера, значит, пуля была сбоку, из засады.

* / *

После расстрела мирной демонстрации 28 апреля возбуждение рабочих достигло таких пределов, что кровавые стычки с полицией становились неизбежны. Наша организация, приняв это во внимание, начала

среди рабочих агитацию за необходимость легальных собраний. Тов. Мочалов был делегирован к исправнику с заявлением о необходимости разрешения общих собраний рабочих для обсуждения повседневных нужд, но с условием—без участия полиции. Явившись к исправнику, т. Мочалов передал требование рабочих, причем категорически указал, что если будет присутствовать полиция, то рабочие не ручаются за свои действия. После долгих переговоров с исправником, который за это время договорился с губернатором, собрания были разрешены под личную ответственность т. Мочалова или лица, берущего на себя ответственность за происходящее на собраниях, под условием, что на собраниях не будут произноситься речи противоправительственного характера. В последнем исправнику было отказано.

Итак, при молчаливом согласии исправника и губернатора в Сормове начались собрания без присутствия полиции. Согласие исправника было вынуждено следующими обстоятельствами: вооруженные стычки с полицией при явном сочувствии со стороны населения, решительные действия боевой дружины и организованных рабочих перепугали большую часть полиции, и, как мы уже говорили, она массами увольнялась или же переводилась в другие места.

Свыше двух месяцев сормовцы наслаждались полной свободой собраний и слова. Почти ежедневно, после окончания работы, часам к 8 вечера, рабочие молодые и старые, женщины и дети шли на лужайку за заводскую больницу—место митинга, где собиралось иногда тысяч до 5 и более. Стоя, видя и лежа слушали оратора. Говорилось о всех нуждах, накопившихся за полстолетие существования завода, а также о войне и гнете самодержавия. Обо всем говорилось много и, казалось, что люди хотят наверстать за все века молчания. Даже не верилось слышавшемуся. Еще только вчера расстреливали, арестовывали, ссылали за малейшее желание объединиться, проявить свою волю и вдруг тысячные митинги... без участия жандармов, казаков и полиции... Еще так недавно казалось, что вот-вот живой человек задохнется в такой атмосфере полного бесправия. Все запрещалось, кроме тяжелого труда, пьянства, картежных игр и церковной службы. И вдруг полицейско-поповские цепи ослабли. Лица рабочих повеселели, а вместе с рабочими вздохнули свободнее жители деревень, окружающих завод.

Так продолжалось с 5 мая до 16 июля. О неслыханном на Русисомовском «чуде» узнали очень многие. Потянулись отовсюду подивиться чуду агитаторы-революционеры: большевики, меньшевики и эсеры. Кроме гастролеров у сормовских партийных организаций были и свои агитаторы, которые приглашались той или иной группой в случае, если ей угрожала опасность быть побитой на идеологическом фронте. В такие моменты от большевиков выступал любимец «Лопата» (В. А. Десницкий), от эсеров—Колосов и от меньшевиков—«Алексей Иванович».

Лучшие партийные силы большевиков, меньшевиков и эсеров ежедневно развивали перед тысячной толпой достоинства того или иного

течения, но тут получалась беда другого сорта: собрания превратились почти в дискуссионные клубы, которые публика посещала с тем, чтобы поговорить над тем или иным острым словечком, пущенным каким-либо оратором в противника. Хорошо, что наша организация была достаточно сильна для того, чтобы устоять против такого увлечения и не уклоняться от повседневной практической работы.

9 июля, как раз в полугодовщину расстрела питерских рабочих, около полудня публика начала стекаться к месту митинга. Неожиданно на пути к митингу встретила преграда из полицейских и солдатской цепи. Офицер, командовавший ротой, энергично распоряжался, угрожая рабочим, пытавшимся пробраться к месту митинга. Полиция, разумеется, тоже осмелела. Публика сперва сильно протестовала, а потом решила тут же устроить импровизированный митинг, что и сделала. Настроение среди партийцев было настолько взвинчено, что решили оказать сопротивление. Боевая дружина стояла перед цепью солдат и конных стражников, приготовившись к бою. Бомбисты ждали команды. Стоило только провокатору произвести выстрел, как непременно получилось бы побоище. Здесь же на глазах солдат и полиции организация настаивала на активном сопротивлении. Но рассудок взял верх. Начальник дружины т. Мочалов запротестовал против боя с войсками ввиду невыгодной позиции, занятой рабочими. После этого рабочие несколько отступили.

Была жуткая картина: стояли вплотную два врага—один возмущенный насилием, другой—равнодушный, не понимая происходящего, ждал приказания стрелять. Добровольные защитники самодержавия, опричники пешие и конные, наученные горьким опытом, ждали момента, когда можно будет ускакать, скрыться или, при удачном обороте дела, показать свою полицейскую доблесть. Ни та, ни другая сторона не уступала, простояв друг перед дружкой до ночи. В это самое время появляется посланец из Нижнего-Новгорода, взволнованно сообщивший о черносотенном выступлении в городе и произведенном погроме евреев и студентов.

Нужно было помочь выступить против черносотенцев. Было 9 часов вечера. Наэлектризованные событиями дня, некоторые партийные товарищи решили немедленно ехать в Нижний, другая же часть отложила свой отъезд на другой день. Утром человек 50 двинулись в Нижний, захватив с собой несколько бомб. В городе—зловещая тишина. Разбившись на группы (здесь также были эсеры и меньшевики) и наметив сборные пункты, отправились кто куда. Бомбы были распределены следующим образом: одна большая—«Сашке Бакинскому» с его группой в 5—6 человек, бомба в ручной маленькой корзинке была прикрыта земляникой; другую маленькую взял Павел Васильев и третью я. Конспирацию старались соблюдать. Товарищи, с которыми мне пришлось прогуливаться по городу, старались придать себе невинный обывательский вид. Но каково же было наше удивление, когда стоявшие у Епархиальных ворот на Осыпной улице два дворника, окинув нас взглядом и указывая на нас, громко сказали:

— Смотри-ка, сормовичи!..

Мы многозначительно переглянулись между собой, недоумевая, как же это так?.. Значит, мы открыты!.. Где и в чем найти причину открытия нашей конспирации? Так мы и не догадались, почему нас распознали. Долгое время я не мог узнать, почему это вышло, пока позднее кто-то из нижегородских интеллигентов не расшифровал нам, в чем дело.

— Да как вас не узнать хотя бы и дворнику? Вы не умеете ходить по-городскому. Вы,—говорит,—рабочие, люди дела и даже когда гуляете, так все равно идете быстро, жестикулируете и все вам кажется среди этой публики тесно и стараетесь ее обогнать, вырваться на простор.

Тогда же, не разгадав загадки, мы продолжали итти, заматавая наши следы тем, что держались друг от друга на достаточном расстоянии и, кружась по разным улицам, наблюдали, нет ли за нами «гончих». Но ничего подозрительного не заметили за исключением того, что город как будто вымер. Ждем «начала»... Час, два, три, пять и шесть. Уж солнце близко было от горизонта, а признаков погрома и в помине нет. Решили, что начальством запрещены погромы или что черная сотня, узнав о сормовичах, прибывших в Нижний, боится выступать. Решили в семь-восемь часов вечера ехать в Сормово. Часть тотчас поехала, а другая часть молодежи разбрелась по городу. Я уехал с первой партией. А на следующий день пронеслись по Сормову ужасные слухи, что некоторых наших товарищей убили, некоторых отправили еле живых в больницу.

Вскоре прибыли и беглецы: Иван Савинов, П. Васильев, Мелентьев и др., попавшие в стычку. Вот что рассказали эти товарищи. Вслед за нами они стали спускаться с верхней части города на нижнюю, к волжским пристаням. Савинов, Мелентьев и др. спустились на балчуг, а Г. Котов, Командин и Дмитриев пошли вдоль крепостной стены к Кремлевскому элеватору. На балчуге купечество узнало в них сормовичей и начало приставать, а потом и окружило их. Стоявший тут же отряд полиции никаких мер к охране «граждан», казалось, предпринимать не хотел. Видя такое настроение, они обратились к полиции за помощью. Полиция только рассмеялась и в придачу прибавила: «много здесь шляется всякой сволочи, за всех не заступишься». Видя такое отношение, товарищи вынимают револьверы и стреляют по толпе. Поднялась суматоха, во время которой они и хотели улизнуть. Разъяренные торговцы с гиком кинулись за убежавшими. На помощь торговцам отовсюду побежал какой-то народ. Пугнув еще несколько раз толпу, сормовичи побежали к Сормовской пристани. Не добежав нескольких сажен до пристани, увидели речного полицейского, растопырившего руки, чтобы остановить и схватить кого-либо из беглецов. Савинов выстрелом убил его наповал. Бегут далее по мосткам на пристань, но и здесь преграждает дорогу какой-то оборванец. Последнего постигла та же участь, что и полицейского.

В это время у пристани стояло два парохода: один, отправлявшийся вверх по Волге—до Сормова, стоял у пристани, а другой пароход, рей-

сирующий вниз по Волге, был причален к сормовскому пароходнику. Савинов требует у командира немедленной отправки парохода. Тот не подчиняется. Савинов и Васильев отстраняют командира и дают команду отчалить машинисту велют дать полный ход. Толпа была уже у пристани, когда пароходы отчалили: один под командой Савинова—вниз по Волге, а другой направился в Сормово. Стоявшие рядом пароходы речной полиции снялись и подали сигналы пароходу, идущему в Сормово, остановиться. Сормовский пароход остановился и вновь подошел к пристани. Произвели обыск, думая, что «злоумышленники» на нем. Но там оказался только один П. Васильев, успевший бросить в воду бомбу и спрятать револьвер, а также переодевшись, несколько изменить свою внешность. Велико было разочарование гнавшихся. Савинов, Мелентьев и др. были спущены на берег верстах в 3—4 ниже города и верстах в 15 от Сормова, откуда по лугам утром и явились в Сормово.

Другая часть, спускавшаяся вдоль Кремлевской стены, попала в улицу, которая была заполнена какими-то людьми, преграждавшими им дорогу. Товарищ Котов Гр. Н., видя безвыходное положение, встал около стены с револьвером в руках и обстреливал пытавшихся захватить его. Им был убит один солдат и ранено несколько человек из публики. Но наконец и он был смят и до беспамятства избит. Тт. Командин и Дмитриев бросились на пристань «Пароходного общества на Волге», но на пристани их встретила смерть. Их убили крючники и матросы. Так погибли эти два преданнейших товарища, только что оправившиеся от нанесенных им 28 апреля ран.

На другой день ко мне явился т. Постановов и потребовал бомб и людей для того, чтобы поехать в Нижний и отомстить за убитых. В просьбе ему было отказано, так как без санкции парторганизации этого сделать нельзя было. Но он категорически заявил, что им уже завербовано семь товарищей, с которыми он собирается ехать. Через день он рассказал следующее: долго они ходили по нижней части города, но причин, к чему бы придраться, не находили. Наконец кто-то указал на сормовичей. С какого-то двора выбежала, видимо, заранее подготовленная толпа дворников и побежала за сормовичами. Сормовичи сделали вид, что напугались и тоже побежали, по временам останавливаясь и по команде залпом стреляя в толпу. Но были моменты, когда обернуться было нельзя, так как озверелая толпа наступала по пятам убегающих. В один из таких моментов был схвачен один из товарищей и тотчас попал под грузные тела дворников. Не выдержав потери товарища, они еще раз обернулись и сделали несколько залпов в толпу, которая шарахнулась в сторону. Что сделали с товарищем, неизвестно, но из навалившихся на него дворников парочка скатилась на панель от наших пуль. Поднятый шум, стрельба моментально поставили эту часть города на ноги.

Побежали к плашкоутному мосту, а навстречу выбежали извозчики (около этого моста была извозничья биржа). Что делать? Дали бегущим навстречу залп, другой, опять люди падают. Наконец подбежали к Оке,

бросились в лодки и, отстреливаясь, отчалили. Перебравшись на другую сторону реки, благополучно перемешались с рабочими, строившими ярмарочные балаганы и склады. Так закончилась попытка посчитаться с полицией и черной сотней.

16 июля рабочие и их жены вновь пытались пройти на обычное место, где постоянно происходили митинги. В самом узком месте прохода на митинг около больничного забора были расставлены конные городовые. Рабочие в недоумении. Что-то, видимо, затевается серьезное! Долго стоим и рассуждаем. Тот же рабочий, который организовал группу мстителей, приготовил бомбу. Наконец бомба брошена. Взрыв. Оказалось, что проба была неудачна, так как метатель не рассчитал и бросил дальше, чем следует. Больничный забор, куда сосредоточился весь удар разорвавшейся бомбы, был изрешетен на протяжении 10 саженей. С этого момента можно считать, что Сормово с «усиленной охраны» перешло на «военное положение». Митинги и собрания были прекращены, ходить по ночам было уже небезопасно. В Сормове, при неограниченной свободе собраний, слова, не было никаких насилий. Зачем-де прислали казаков? Такие мысли невольно напрашивались у рабочих. Правда, казаки пока ничего не предпринимали, но и со стороны сормовичей не было повода для вмешательства воинских частей, и поэтому появление казаков казалось крайне подозрительным. Под таким настроением более нетерпеливая публика нашей организации решила бросить в казачью казарму (бывшая школа) бомбу.

Этому предшествовало следующее: т. Павлов, явившись однажды из города, с заседания Цижегородского комитета, в довольно возбужденном состоянии, горячо убеждал товарищей в необходимости перехода к вооруженному сопротивлению, подкрепляя это предложение многочисленными доводами на основе тогдашней политической обстановки. Я не помню, чтобы было разрешение парторганизации, так как о взрыве казармы я получил известие от Дм. Павлова всего за 2—3 часа до исполнения.

Темный, тихий летний вечер... Намеренно иду прогуляться пролеском, где находится казарма казаков, и вот часов в 10 вечера раздается оглушительный взрыв и за ним ружейная стрельба. Ночью же стало известно от участника взрыва т. Ив. Великанова, что затея оказалась неудачной.

Дело обстояло так: при приближении к казарме тт. Великанов и Ефремов были окликнуты стоявшим около казармы караулом. После третьего оклика последовал выстрел и вслед за ним взрыв бомбы, которая разорвала пополам державшего ее т. Ефремова, на голове которого, как потом выяснилось, оказалась и огнестрельная сквозная рана. Его спутник т. Великанов был тяжело ранен в ногу и еле дополз до знакомой квартиры Изосимовой. Несколько дней он находился еще в квартире Князева, М. Н., потом я отправил его на пароходе в Самару по данной мне Нижегородским комитетом явке, куда он благополучно и прибыл.

Напряжение росло. В глубине рабочих кварталов подпольная жизнь кипела вовсю. Собрания, обучение военному строю дружинников и вооружение рабочих вообще,—вот чем можно охарактеризовать этот период. Эсеры и меньшевики подтягивались за большевиками и проявляли тоже немалую деятельность. Боевые члены эсеровской организации состояли в боевых отрядах т. Мочалова. Почему эсеровские боевики подчинили себя большевистской дисциплине, или почему меньшевики так же, как и большевики, вооружались револьверами, покупали у большевиков бомбы? Объяснение этому может быть следующее: 12-тысячный концентрированный пролетарский центр, насыщенный единым желанием и общностью интересов, заставлял то или иное течение в практических вопросах серьезно прислушиваться к своим чаяниям. Разногласий в практических вопросах местного значения среди организаций Сормова было очень мало.

В июле состояние большевистской организации было, как говорят отчетные данные, имеющиеся в партийном архиве, следующее: «Нижегородский комитет состоял из 8 человек: 1 ответственный литератор-пропагандист, два организатора, один техник, три сормовича, все легальные. В Сормове организация состояла из 300 человек. Они распределялись следующим образом: в первом районе в 11 кружках, во втором районе в 4, в третьем районе в 6, в четвертом в 2 кружках, но не из заводских рабочих, в пятом районе в 2 кружках из крестьян селений Копсово и Козино. Эсеры и меньшевики вместе едва ли имели столько членов, сколько имелось у большевиков. В Нижнем большевики располагали 17 кружками, из которых: 1—часовщиков, 3—булочников, 5—портных, маляров, наборщиков, фотографов, столяров, приказчиков—по 1 кружку, на заводе Курбатова 1, завод Доброва 1, на мельнице Башкирова 2. Как видно, сормовичи имели довольно внушительную организацию, завоевавшую в широких кругах рабочих авторитет и доверие.

Учитывая, что революция растет, реакционные силы страны, объединенные в мощную контрреволюционную организацию, широким фронтом повели наступление во всех направлениях, в том числе и на завоевания, сделанные в области заводского быта.

18 июля по заводу было расклеено объявление о причинах, которые заставляют администрацию Сормовского завода закрыть последний с 1 августа на неопределенное время, но с предупреждением, что: «открытие завода в будущем возможно лишь при условии, что вновь поступающие рабочие будут точно соблюдать условия найма». Пресловутое церковно-приходское попечительство в этот напряженный момент нашло возможным отомстить рабочим за отказ вычета в пользу попечительства 1% из заработка, объявив рабочим, что в предстоящем учебном году за обучение детей рабочие должны вносить плату от 10 до 20 рублей.

1 августа завод стал, и рабочие получили расчет. Настроение среди рабочих масс понизилось. Наша организация принимала всяческие меры, чтобы поддержать рабочих. Общество потребителей пошло навстречу рабочим пайщикам, отпуская в счет пая продукты. Нижегородский комитет

партии передал в забастовочный фонд тысячу рублей, обещаясь в дальнейшем увеличить сумму до 10 тысяч.

Получив расчет, некоторые рабочие разъехались по деревням, а некоторые находили себе временную работу. Так что через неделю после закрытия завода настроение снова начало подниматься. Этому обстоятельству способствовали не только моральная и материальная помощь со стороны организации, но и общее революционное настроение в стране. За время локаута наша организация отпечатала и распространила две прокламации—о бойкоте Государственной думы и по поводу войны с Японией и заключения с ней мира. В обеих прокламациях был призыв к вооруженному восстанию.

Все изложенные выше обстоятельства заводской администрацией учитывались и она пошла на переговоры об открытии завода. Числа 15 августа состоялось соглашение об открытии завода.

* * *

Работа Сормовской организации не ограничивалась только Сормовым. Авторитет сормовичей за последние годы распространился далеко за пределы Сормовского района. Во время длительных забастовок, во время безработицы, в отпускные дни и т. п. рабочие сотнями разъезжались по селам и деревням губернии, где становились желанными гостями, помогая крестьянам разбираться в политических и экономических вопросах. Едущего в деревню товарища организация снабжала революционной литературой. В сентябре было отпечатано 10 тысяч экземпляров прокламаций на тему «Как отобрать землю у помещиков и уделов». «Мы должны,—значилось в этой прокламации,—сейчас же объединиться и избрать из своей среды крестьянские комитеты, которые будут вести наше дело. Комитеты должны сейчас же обдумать, как добыть оружие, ружья и т. п.».

Вслед за этим была издана прокламация к новобранцам. О том, как доставлялись и как распространялись прокламации, имеются в нижегородском архиве многочисленные донесения сельских, волостных и уездных властей. Подробно мы познакомимся с этим, когда Нижегородский истпарт выпустит в свет специальную работу об аграрном движении.

После летних свобод и после нескольких попыток борьбы, с августа наступили для Сормова сумеречные дни. Партийная организация глубже законспирировалась. Темп жизни замедлился. Но по всем признакам можно было полагать, что такое состояние не прочно и что-то должно случиться в смысле разрядки весьма сгущенной политической атмосферы.

В октябре мною был предложен нашему комитету черновик воззвания к рабочим Сормова следующего характера:

«Самодержавное правительство, проигрывая дальневосточную авантюру, отыгрывается внутри страны на русских рабочих и крестьянах... За малейшее проявление своих классовых интересов русские рабочие расстреливаются, сажаются в тюрьмы, ссылаются... Наступает такой мо-

мент, когда самодержавие может быть скоро вынуждено будет перейти от подавления недовольства нагайками и шашками к помощи артиллерии. К этому моменту Сормовская организация призывает всех быть готовыми».

Воззвание было принято, пущено в печать и вскоре в тысячах экземпляров было готово к распространению. Но неожиданно в этот день было получено известие о манифесте, выпущенном царем. Получив это известие, рабочие бросили работу и ушли с завода.

Не дожидаясь дальнейших событий, я поехал в Нижний-Новгород. По дороге заехал в депо Нижегородской жел. дор., которое охранялось двумя жандармами. Рабочие депо, видимо, не зная ничего о манифесте, продолжали работать. Не обращая внимания на жандарма, я обратился с речью к рабочим, в которой пытался разъяснить манифест, а также указал, что сормовские рабочие уже работу прекратили. Жандарм сначала вежливо просил меня «пройти дальше», я же, развернув газету, стал указывать ему и рабочим на отпечатанный манифест. Часть рабочих тотчас же бросила работу, а жандарм стал гнать меня от мастерской, грозя арестом. Видя, что рабочие защищать меня не собираются, я поспешил уйти, а рабочие депо недоумевающе разошлись по своим местам. Этот жандарм явился первым лицом, который умерил мое праздничное настроение. Дорогой от депо я стал вспоминать злобное выражение лица жандарма, когда я читал «всемиловейший» манифест. Лицо жандарма говорило определенно, что я вру так же, как врет и газета, и что этого вообще не будет...

В Нижнем на главной улице (Большая Покровка) было праздничное настроение. Повсюду кучки народа, крики ура и всенародное ликование. Большая толпа, тысячи в три, стояла около редакции «Нижегородского листка» и вела разговоры об освобождении политических заключенных, т. е. о том, что меня заставило, не дожидаясь сормовичей, поехать в Нижний. Известный нашим партийным кругам т. И. В. Цветков руководил толпой, хотя это руководство больших усилий и не требовало. Стоило только Цветкову напомнить толпе об освобождении политических заключенных, как это предложение тотчас же было принято. Подошли к арестантским ротам и к женской тюрьме, стали требовать освобождения политических заключенных, и, конечно, получили отказ тюремного начальства. Для насильственного освобождения нижегородская публика, разношерстная по составу, была, конечно, неподходяща. Какими-то интеллигентами было предложено обратиться к губернатору с требованием освобождения. Предложение было принято, и толпа послала либерального редактора «Нижегородского листка» Ещина к губернатору. В это время толпа от арестантских рот пошла к тюрьме. Затем получено было распоряжение губернатора об освобождении, и двери тюрьмы были открыты. Выпущенные из тюрьмы попали прямо в объятия толпы. Вырвав из рук приветствующих одного из сормовичей—т. Г. Н. Котова, я немедленно уехал с ним в Сормово.

Дорогой мы встретили сормовичей, шествующих 5—6-тысячной тол-

пой в Нижний. Передав Котова одному из товарищей с просьбой проводить его до Сормова, я примкнул к толпе. Прибыв в Нижний, мы увидели на Алексеевской площади толпу людей в тысяч 15. Это были нижегородцы. Повсюду произносились зажигательные речи. Сормовичи влились в общую массу и оживили ее еще больше.

Пока тут митинговали, несколько партийцев-сормовичей пошли по городу освобождать служащих магазинов. В одной из мясных лавок мы с револьверами в руках запретили мяснику отпускать казакам мяса, а казаков из лавки выгнали. Потом ходили в Городскую думу с требованием, чтобы гласные вышли к толпе и объявили ей свое отношение к объявленной свободе. Городской голова Меморский, окруженный гласными, вышел и объявил, что Городская дума постановила ознаменовать этот день, 17 октября, ассигнованием ста тысяч рублей на Нижегородский университет. Громкое ура и качание на руках городского головы было ответом «свободных» граждан.

После этого—снова ораторы. Хорошо запечатлелся в памяти оратор—эсер. Он говорил, закинув мечтательно голову:

— Граждане... Мы здесь справляем праздник свободы, а там,—указывая в даль рукой,—миллионы наших кормильцев думают великую думу. Но речь оратора внезапно заглушили крики:

— Казаки!..

Толпа заволновалась, и только боевое настроение сормовичей удержало публику от паники. Оратор исчез. Пробовал выступить известный нижегородский погромщик Никита Журавлев, но успеха не имел. Этот день закончился без инцидентов.

На другой день сормовичи с раннего утра стали готовиться снова в Нижний. Собралось несколько тысяч рабочих и их семейств. Администрация завода разрешила использовать для передвижения в Нижний вагоны и паровозы. Снарядили целый поезд, разукрасили вагоны красными флагами, а на паровозе поставили рабочего, который высоко держал большой красный флаг. Первый такой поезд двинулся в путь под музыку рабочего оркестра и крики ура... Вслед за поездом двинулись остальные рабочие (тысяч пять), но уже пешком. Переправа через Оку продолжалась несколько часов.

Явившись в Нижний, сормовичи заполнили собою площадь в Кремле перед губернаторским домом, требуя от губернатора освобождения арестованных солдат. Солдаты, сидевшие на гауптвахте, приветствовали сормовичей через железные решетки. Один из них, повидимому не русский, с иностранным акцентом кричал через окно—«долой милитаризм». Губернатор к демонстрантам не вышел, выслав вместо себя роту солдат. Роту пропустили сквозь строй сормовичей, устроивши из красных знамен для прохода солдат нечто вроде арки. К солдатам обратился с речью один из меньшевиков (прозвище Бебель).

— Товарищи солдаты,—говорил он.—Когда же вы наконец пере-

станете быть пугалом для народа? Когда вы перестанете слушать своих офицеров?.. Когда вы, наконец, повернете свои штыки против кровопийц? Посмотрите, кто вами командует... Может быть по команде этих молоко-сосов вы станете стрелять сейчас в нас—безоружную толпу, в ваших братьев.

Офицеры, охраняющие гауптвахту и Кремль, чувствовали себя, видимо, очень нехорошо. Видно было, как нервно вздрагивали плечи некоторых из них, и они поминутно оборачивались на своих солдат. Офицер, приведший роту, повел себя более решительно. Скомандовал роте:— «ружья на руку»—и приказал толпе разойтись. По этой решительной команде видно было, что дело может ограничиться не только одной командой. Что делать толпе со своими благими желаниями против сотни штыков?.. Решили отступить от Кремля на главную площадь, где и продолжали митинговать.

Наступил вечер. Сормовичам надо было отправиться домой... Но как?.. Если на пароме—прокопаешься 5—6 часов. Кто-то надумил обратиться к пароходным компаниям с тем, чтобы дали два больших парохода. После нескольких минут разговора с управляющим пароходством «Самолет» было получено два парохода. Один громаднейший волжский пароход, другой поменьше были битком набиты сормовичами. Пароходы отчалили от пристани, сормовичи сделали из револьверов и пароходных гудков салют.

Выгрузка, как и посадка, происходила под командой самих рабочих и прошла благополучно. Прибыв в Сормово, рабочие направились с революционными песнями в свой клуб (столовую), чтобы наметить план действий на завтрашний день.

* * *

После манифеста 17 октября Нижегородский комитет широко развернул свою работу. В Сормове также кипела партийная, профессиональная и культурно-просветительная работа. В цехах были вновь избраны цеховые уполномоченные, был организован профессиональный союз, открыты клубы, библиотека; организован союз женщин; организована из рабочих милиция, народный суд, на улицах устраивались митинги.

Сормовичи целое лето пользовались неограниченной свободой слова и собраний. И естественно, что когда был объявлен манифест 17 октября, сормовичи приняли объявленную свободу как само собою разумеющееся и тотчас начали проводить ее в жизнь. Прежде всего восстановили утраченную в июле свободу собраний и слова. Во-вторых, поручили охрану своих поселков боевым отрядам и избрали цеховых уполномоченных для контроля над поведением заводской администрации; в-третьих, организовали свою пролетарскую милицию.

Основой для организации милиции была боевая дружина, которая расширила свою программу, взяв на себя не только охрану митингов и

собраний, как это было раньше, но и охрану поселков, окружающих завод ¹.

Кроме милиции был организован специально «народный суд». Даже краткое описание деятельности пролетарского суда может осветить почти все стороны жизни Сормова за время от 17 октября по день восстания.

На одном многочисленном собрании в народной столовой, при обсуждении текущих дел, со стороны присутствующих был поднят вопрос об общественной безопасности, так как полиция разбежалась, а отсутствие органа охраны и защиты давало простор всяким темным дельцам безнаказанно вершать свои делишки. Этот вопрос обсудили на том же собрании и постановили избрать из присутствующих свой пролетарский суд. Председатель избранного суда объявил присутствующим декларацию суда.

Жалоб суду посыпалось много: жена рабочего жаловалась на своего мужа в истязании им своего семейства, другие—на пьянство мужей, мелкие торговцы—на кражу воришек и вообще на то, что нет никакой защиты от воровства и грабежей. Рабочие предлагали суду привлечь к ответственности некоторых зарвавшихся администраторов.

Для примера приведу несколько дел из судебной практики «народ-

¹ Вот программа милиции.

1) Цель милиции.

Защита граждан Сормова от всякого рода покушения на их личность, жилище, право собраний и сходок.

2) Как эта цель достигается?

Достигается несением патрульной службы на улицах и охраной по наряду помещений, в которых происходят собрания.

3) Из кого состоит милиция?

Из граждан не моложе 17 лет, решивших бесплатно нести милиционную службу и вооруженных всякого рода оружием или на свой счет, или на счет милиции.

4) Условия вступления:

а) добровольное желание, б) решение беспрекословно повиноваться выборному начальству, в) отказ от пьянства в каком бы то ни было случае.

Примечание. За нарушение последнего условия с милиционера взимается штраф в размере рубля.

5) Верховное управление.

Ведает штаб, выбранный из 6 лиц, которые на момент решительных действий избирают из своей среды одно лицо, которому вся милиция беспрекословно подчиняется.

6) В чрезвычайных выступлениях всей милиции или ее части милиция не может действовать самостоятельно, а действует по соглашению с организациями.

7) Перед решительными действиями должны быть общие собрания милиционеров, от решения которых и зависят ее выступления. В экстренных случаях штаб решает это с десятками и потом дает отчет всей милиции.

В мелких же случаях милиционеры обязаны подчиняться своим отрядным начальникам.

8) За трехкратное нарушение устава милиционер исключается из милиции.

9) За нарушение дисциплины в момент решительных действий кем-либо из милиционеров нарушитель предается товарищескому суду.

10) Вступившие в милицию отчисляют 2% с заработанного рубля в кассу.

ного суда». Первым разбиравшимся делом была жалоба рыночной торговки:

— Товарищи,—заявляет торговка,—вот мы поймали на месте преступления воришку, укравшего у меня валеные сапоги, что с ним делать?»

Судья приступил к допросу приведенного в суд подростка. «Кто, откуда, почему занимаешься кражами?»... Юноша рассказал грустную историю:

— Отец мой рабочий—кузнец завода Сормово. Есть мать, братья и сестры... Отец пьет, семейству не помогает, мать работать не может, так же как и прокормить ни себя, ни ребят; она для пропитания посылает меня собирать милостыню. Собирать милостыню стыдно, вот... мне и захотелось скорее достать денег...

После опроса «подсудимого» была назначена комиссия для исследования. На следующее собрание был вызван отец мальчика, и материал комиссии подтвердил рассказ подсудимого. После некоторых опросов свидетелей по этому делу председатель суда обратился к присутствующим с речью, в которой нарисовал общую картину существующих социальных противоречий. Что касается мальчика,—объявил председатель суда,—суд не видит другого выхода, как оказать помощь несчастному семейству. Предложение собранием принимается и тут же делается сбор в пользу семейства подсудимого. Отцу мальчика выносится судом общественное порицание. Постановление суда произвело сильное впечатление.

Другое дело: судили цеховых мастеров, которые проявили особую ревность в интересах капитала. Их оказалось человек пять. Выступавшие свидетели факт за фактом освещали десятки лет издевательств и предательств со стороны мастеров по отношению к рабочим. Большинство из них сначала оправдывалось, но храбрость им скоро изменила, так как суд вынес твердое решение об изгнании их не только с завода, но и из Сормова. У большинства из них были построены в Сормове дома. В связи с этим такая мера, как изгнание их из Сормова, видимо, сильно подействовала на подсудимых, вся их спесь моментально пропала, и они клялись, что исправятся.

Из судебной практики следует упомянуть еще факт с предателем Колиным, рабочим завода Сормово. Колин сначала свою вину отрицал, но поскольку целым рядом свидетельских показаний его предательство было подтверждено, Колин сознался. Встав на колени перед тысячной массой собравшихся рабочих, заливаясь слезами, он просил пощадить его для детей, клянясь всеми богами, что он больше предателем не будет. Собрание простило Колина прошлое.

Еще интересный случай из дел, разбиравшихся в суде—это дело о Ваське Поляке—предводителе банды воров и грабителей, оперировавшей в Сормове в течение ряда лет. Васька Поляк был страшен для самой полиции и «неуловим». Кроме своего обычного дела он занялся под шумок «свобод» эксплуатацией малосознательного рабочего элемента,—сделался каким-то образом подрядчиком и взялся разгрузить баржу с углем, но за разгрузку рабочим не заплатил. Рабочие пришли в суд и

подали заявление. Боевой дружине было поручено разыскать Ваську и привести в суд. Ваську не нашли и суд заочно вынес постановление—обязать Ваську уплатить рабочим немедленно, а ему, во избежание встречи в Сормовском районе с дружинниками, предложил выселиться в 24 часа из пределов Сормовского района. Васька исчез с горизонта Сормова, даже ранее назначенного срока, а его примеру последовала и другая часть его шайки. Хулиганы присмирели. С этого момента Сормово внешне очень изменилось. Исчезли городовики, только с вечера можно было заметить по улицам вооруженных милиционеров—рабочих. Ходить по улицам днем или ночью стало совершенно безопасно. Так продолжалось по день разгрома Сормовского вооруженного восстания, т. е. до 15 декабря 1905 г., когда вновь появились старые знакомые Сормова—шайки хулиганов и воров во главе с Васькой Поляком и Борисом Щегловым.

* * *

Сормовцы за короткий срок привыкли к новому порядку и казалось, что старого уже не существует. Смущало однако, что остался царь, остались у кормила правления все те же лица, остались полиция и жандармерия. Немало смущения вносило также присутствие в Сормове казаков, помещавшихся рядом с местом постоянных собраний и митингов. Они скрежетали зубами, слыша смелые слова, которые допускались на митингах рабочими по адресу царского строя. Вся сормовская обстановка говорила за то, что как будто казаков-то ей и не требуется.

Но чем дальше от 17 октября, тем нагляднее вырисовывалась непрочность «данных» царем свобод. То тут, то там закрывались газеты, происходили погромы, расстрелы и проч. Будучи уверены в непрочности «свобод» сормовичи начали усиленное готовиться, чтобы постоять за свои завоевания. Меньшевики, по свойственной их партии тактике «непротивления», повели агитацию против вооруженного сопротивления надвигающейся реакции. Агитация их среди широких слоев рабочих, однако, успеха не имела. Видя к себе такое отношение, меньшевики решили в надвигающихся событиях, т. е. вооруженных столкновениях, остаться «порядочными» людьми и не связывать репутацию своей партии с «головотяпством» большевиков. В вооруженном столкновении они решили нести обязанности «сестер милосердия». За несколько дней до вооруженного столкновения, меньшевики выпросили у исправника разрешения открыть перевязочные пункты. Пункты были открыты. У «сестер и братьев» появились на руках белые повязки «Красного креста».

Как только выяснилось, что вооруженное столкновение неизбежно, организация большевиков призвала рабочее население быть готовым к защите завоеваний революции. Дня за три-четыре до восстания завод производил работу исключительно по самовооружению рабочих: отливались сотни оболочек для бомб, болванки для пушек, выделялись железные и стальные пики. Боевые дружины усилили обучение по

стрельбе и бомбометанию. В эти дни я выполнял работу по поддержанию постоянной связи с Нижегородским комитетом партии. Всякая новость Питера и Москвы передавалась в Сормово по телефону. Были, конечно, и другие способы связи.

Ждали сигнала из Москвы. Наконец сведения о начале вооруженного восстания в Москве были в Сормове получены. Передаю их тотчас же членам Комитета. Комитет в свою очередь информировал заводскую массу. Вечером того же дня Комитет решил на следующий же день призвать рабочих к вооруженному восстанию. Командующим вооруженными силами оставался т. Мочалов.

Нижегородским комитетом было отпечатано и распространено главным образом в Нижнем воззвание, призывавшее бросать работу и присоединиться к всеобщей забастовке.

Сигналом к восстанию должен был послужить заводской гудок. Дать сигнал поручено было товарищу И. М. Олимпиеву. Меньшевики приготовили свои приемные пункты. В 10 часов утра 12 декабря мощный заводской гудок тревожно завыл, будоража и без того натянутые нервы. Большая часть рабочих разошлась по домам, а свыше тысячи вооруженных, главным образом, револьверами и пиками, имея впереди несколько десятков дружинников, вооруженных берданками, охотничьими ружьями, а также бомбами,—двинулись по направлению к столовой, где помещались все рабочие организации. За сотню сажен до столовой навстречу колонне выехал человек в 30 конный отряд полиции. Не доехав шагов ста до колонны—командир отряда предложил рабочим немедленно разойтись.

Товарищ Мочалов в свою очередь предложил начальнику городских убраться с улицы и не мешать рабочим демонстрировать. Начальник повторил свое требование, рабочие зашумели; в это время какой-то неосторожный, а может быть провокационный выстрел из нашей колонны вывел ее из равновесия, и она начала стрелять в полицейских из револьверов. Конные бросились назад под прикрытие своих главных сил, залегших в лесу. Отряд вооруженных рабочих, прогнав конных, подошел к столовой.

Видя, что положение обостряется и что дело не обойдется без стычки, мы начали делать проволочные заграждения, кое-кто вытаскивал скамьи из столовой. Однако наш почин, видимо, по стратегическим соображениям, командующим товарищем Мочаловым был запрещен.

Между тем боевая дружина выстраивалась в боевой порядок. 40 человек, вооруженных ружьями, строились в ряды, бомбисты размещались по укромным местам. 500 вооруженных рабочих толпились позади боевой дружины. Часть рабочих начала строить из принесенной проволоки заграждения.

Со стороны противника что-то кричали в нашу сторону. Удобная позиция, занятая им в ста метрах от нас, его вооружение и военный опыт—все это говорило не в нашу пользу. В самом деле около ста че-

людей, вооруженных 3-линейными ружьями под командой офицеров, и 40 человек дружинников, вооруженных, в лучшем случае, берданками и дробовиками, плюс 500 человек, вооруженных самодельными пиками, револьверами системы Смитт и Вессон—силы далеко неравные. Правда, были еще бомбы, но это оружие годно было только на близком расстоянии и во время атаки. Учитывая, видимо, невыгодность нашего расположения, начальник боевой дружины выслал к неприятелю парламентаря—рабочего Савина. При переговорах исправник Петров потребовал в течение 5 минут разойтись.

Как же разойтись? Для чего остановили завод, для чего вооружались? Разойтись—значит изменить московским рабочим... Вторично послали парламентаря, но подъесаул Попов дал еще короче срок для того, чтобы разойтись. Не верилось, что так резко и быстро сормовичи лишатся прав на свободное обсуждение. Выскочил третий парламентар—рабочий Ходалев, но его не допустили, и противник начал стрелять. Оказалось несколько человек раненых. Тогда боевая дружина по команде т. Мочалова начала залпами стрелять в противника. За дружиной началась беспорядочная стрельба остальных рабочих. Противник, в свою очередь, тоже отвечал залпами. Недисциплинированная толпа рабочих, не выдержав ружейного огня и свиста пуль, разбежались в разные стороны, заполнив вблизи все переулки. Боевая дружина все еще отстреливалась, стоя перед врагом без всякого прикрытия. Наоборот, полиция и казаки, спешившись и положив коней, улеглись за них и под таким прикрытием продолжали обстрел.

Боевой дружине пришлось сняться и уйти под прикрытия домов. Храбрость ли боевой дружины, поддерживаемой сотнями людей, пришедших умереть, или еще что, но факт, что полиция и казаки не метко стреляли. Несмотря на явные преимущества полиции, среди рабочих оказалось раненым только несколько человек, почти столько же пострадало и со стороны полиции.

Как только боевики снялись, враг пошел в наступление. Полегоньку, осторожно полиция и казаки начали постепенно продвигаться вперед, занимая переулки, выбивая оттуда дружинников. Добравшись до большой улицы, они стали обстреливать ее во всех направлениях. Победа оказалась за ними.

— Товарищи,—кричал Мочалов,—сейчас расходитесь, а через 2 часа собирайтесь в столовой.

Не знаю, что имел в виду наш командующий, но мне в это время подумалось:

«Зачем же собираться через 2 часа? Почему сейчас уходить?..»

Но выполнена была только первая часть приказа. Полиция и казаки заняли конец главной улицы, через которую пройти уже нельзя было. Часа через два более храбрые вновь пытались пробраться к столовой, но некоторых из них казаки подстрелили. Раненых начал было подбирать легализованный меньшевистский «Красный крест». Но при первой же по-

пытке вынести раненого из полосы огня «сестра» сама оказалась подстреленной. Это повторилось и по отношению к другим, пытавшимся оказать помощь раненым. Всего за этот день было ранено человек пятнадцать. Победа же осталась на стороне казаков и полиции.

Настроение сильно понизилось, но примириться с поражением не хотелось. Думалось, что поражение—результат неудачной позиции, занятой дружинниками, а также неиспользования ими всех имеющихся ресурсов: бомб, баррикад и прочее. К тому же тяжело было расставаться с мыслью о всеобщем вооружении рабочих. О силе трехлинейной винтовки до этого момента у большинства восставших было слабое представление. Наше же вооружение оказалось детской забавой.

На другой день, чуть свет, стрельба возобновилась. Казаки и полиция вынуждены были отступить.—Баррикады! пронеслось по Сормову. Появились пилы. Спиливались железнодорожные и телеграфные столбы, улицы опутывались проволокой. Публика таскала на дорогу все, что попадалось под руку: вывески, скамейки, доски. Кое-где баррикады строились под ружейным огнем полицейских и казаков. Так, например, было при постройке у Сормовского вокзала.

Я в этот день побывал во многих местах и повсюду встречал на улицах баррикады, местами достаточно крепкие, засыпанные снегом и политые водой. В постройке баррикад принимали участие многие рабочие из беспартийных. Сочувствие населения было на нашей стороне. С особой гордостью и надеждой любовались сормовичи выстроенной боевой дружиной баррикадой, пересекавшей главную улицу.

Маленькая победа над царскими опричниками вновь подняла дух сормовских рабочих. Этот день и ночь население жило в повышенном настроении. Во многих местах рабочие по собственной инициативе возводили и укрепляли свои баррикады и сами устанавливали дежурства. О боевой же дружине, конечно, и говорить не приходится. Находясь на своих позициях, охраняя их день и ночь, она для поддержания своих сил не только пользовалась пищей, приносимой родными или знакомыми, но и прибегала к помощи реквизиции.

* * *

Ночью 13-го явилось из Нижнего в мою квартиру с винтовками за плечами несколько товарищей, в том числе и тов. Владимирский, чл. Нижегородского комитета, и М. Перфирьев. В ту же ночь боевая дружина выделила партизанский отряд для нападения на канцелярию пристава. Нападение было произведено—в окно канцелярии была брошена бомба.

Утром 14 декабря позиция, занятая восставшими, находилась еще в их руках. Перестрелка кое-где продолжалась. Пронеслись слухи о прибытии в Сормово артиллерии. На самом деле, часов в 10 дня раздался первый артиллерийский выстрел, затем другой, третий. Задребезжали в окнах стекла... Что можно противопоставить пушкам и винтовкам? Разве

удастся подорвать пушки или хотя бы создать среди солдат панику заложенной накануне на улице миной? Так бегала в голове мысль, отыскивая за что зацепиться. А уханье пушек становилось все ближе и ближе к главной баррикаде. Наконец, раздался ответный выстрел со стороны восставших. Это довольно громко стреляла небольшая самодельная пушка, с отверстием для снаряда в 1½ дюйма, сделанная слесарем и накануне поставленная в здании школы. При выстреле она производила шум не меньший, чем ее подруги у врага.

«Может быть мины помогут» — неотвязно стояла в голосе мысль. Но как послушаешь неприятельские пушки, посмотришь, с каким искусством продвигаются они к главному штабу повстанцев, становится понятным, что наше дело уже безнадежно; хотелось бросить револьверное вооружение, до того оно стало противно. Сердишься больше на себя, на свое увлечение таким вооружением и на неопытность других товарищей в военном искусстве. Правда, имеется в нашем распоряжении еще до 200 бомб, но применить их как следует мы не умеем. «Учиться надо» — мелькало в голове. Но учиться было поздно.

Еще залп противника... ответа же с нашей «крепости» больше не последовало. Вместо пушечного ответа с нашей стороны последовал довольно внушительный взрыв. Это т. В. Аверкин током взорвал фугас, заложенный посередине улицы. Взрыв никакого вреда наступающим войскам не причинил. Он был преждевременным потому, что место подрывника-наблюдателя было под обстрелом и каждую минуту его местопребывание грозило быть открытым. Взрывом фугаса наступавшие люди и кони были напуганы. Слетело с голов несколько солдатских фуражек. Остановив наступление, офицер скомандовал войскам: «шапки долой», «молитесь богу»... Солдаты, сняв шапки, все перекрестились и вновь двинулись. Выстрелов с баррикад не последовало и взяты они были без боя. Все кончено. Надежд ни на что больше не оставалось.

Пробравшись кое-как в правление кооператива, я взял телефонную трубку. Через некоторое время слышу разговор: «Ваше превосходительство, молитесь богу, главная баррикада взята, повстанцы рассеялись, потерь с нашей стороны почти нет. У повстанцев потери большие». Это докладывал победитель нижегородскому губернатору.

В тот же вечер я пошел к одному из своих товарищей, чтобы передать имеющиеся у меня средства «Красного креста», так как мало был гарантирован от ареста. Как только я стал переходить большую улицу, стоявшие неподалеку конные полицейские и казаки бросились за мной и открыли стрельбу. В ответ на предложения остановиться я побежал еще быстрее и скрылся на крыльце дома чертежника Грачева. Скакавший сзади полицейский выстрелил несколько раз по темному перелуку и возвратился обратно к своим. Я постучал в дом. Хозяйка узнала меня и пустила в комнату.

В комнате огня не зажигали. В нижнем этаже кое-что было подготовлено для раненых. Наблюдая из окна за действиями полиции и ка-

заков, я через несколько минут по тому же переулку, по которому только что пришел, заметил идущего человека. Полиция набросилась на него и стала его избивать. Это было как раз против дома Чугурина в Бузычкином переулке, где находился главный санитарный пункт меньшевиков. После нескольких ударов нагайкой и прикладом ружья человек упал. Озверелые полицейские и казаки били его и лежащего. Человек пытался несколько раз встать на колени, но каждый раз удары валили его на землю. Наступила темнота, избиваемый уже не шевелился, а полиция все еще била и, как мне казалось в темноте, колола его штыками.

После избиения выходит из дома т. Чугурина рабочий Петр Ершов с белым флажком и с белой повязкой санитара на руке. По движению рук видно было, что он просит у офицера разрешения подобрать избитого ими человека. Офицер, подскакав к нему, начал стегать его по голове нагайкой. Ершов упал. Подскочившие городовые подняли его на ноги. Офицер снова начал хлестать, и он снова упал. В это время раздался выстрел. Полиция отступила от дома на середину дороги и, выстроившись в ряд, начала по команде обстреливать деревянный дом Чугурина. После нескольких залпов, какие-то три фигуры, отделившись от полиции, полезли в дом. Минут через пять послышался оглушительный взрыв. Я понял, что кто-то бросил бомбу. Стрельба по дому возобновилась, и одновременно с тем полезли в дом другие городовые и долго с чем-то возились, кого-то стаскивали с лестницы, укладывая на повозку. На другой день стало известно, что в доме Чугурина была брошена (И. Савиновым) бомба, которой убило двух царских слуг и одного ранило. Пострадали оставшиеся в доме меньшевики—А. Голубев был расчечен шашкой; у М. Мининной—городовой выстрелил ей в рот—пуля вышибла два зуба, вылетев в щеку. Оказалась убитой также квартирантка, не имевшая ничего общего ни с Чугуриным, ни вообще с революционерами.

Совершив «перед царем и родиной» свой подвиг, казаки и артиллеристы, уходя из Сормова в 12 часов ночи, зажгли «столовую», где размещались все культурно-просветительные организации рабочих. Зарево пожара далеко освещало путь победителей. Приступить к тушению пожара не были никакой возможности. Часть казаков оставалась в Сормове и стояла в казармах рядом с столовой, готовая к бою.

На другой день начались аресты товарищей, не пожелавших или не успевших скрыться. Восстание к этому времени было подавлено, организации разбиты. Уже не слышно было смелых, бодрящих слов. На улицах происходили дикие и зверские расправы с побежденными. В полицейских застенках пытали арестованных рабочих. Бурный поток жизни сменило затхлое стоячее болото. Как бы внезапно наступила после весенней, ясной, теплой погоды темная и холодная ночь. Только слышен был полицейско-казацкий разгул. Не стало видно на улицах веселых лиц. А у тех немногих, которые радовались поражению, улыбка была похожа на змеиное шипенье.

Лучшей иллюстрацией того, что происходило на улицах Сормово на другой день после восстания, являются свидетельские показания на суде. Так Федор Потапов, рабочий малярного цеха, показал:

«15 декабря, часу в 10 утра, я пошел в главную контору завода, т. к. управление завода объявило, чтобы рабочие приходили с расчетными книжками. Когда я стал подходить к главной конторе, причем тут же шли и другие рабочие, человек 7—8, то, не доходя до проходной сажен 20, мы увидели, что из завода вышло несколько человек казаков, которые взяли винтовки на прицел. Мы остановились, помахали им расчетными книжками, что идем в контору, но затем, видя, что казаки приготовились стрелять, повернули обратно. В зад нам казаки и начали стрелять. Несколько человек ранили и одного убили. Я был ранен в правую ногу выше колена на вылет. Упал, дополз до церковной сторожки, откуда меня отправили в больницу».

То же самое показал и другой пострадавший Николай Плахов.

Любовь Щургалина сообщила, что 12 декабря на Соборной улице была ранена при следующих обстоятельствах:

«Днем, после 12 часов, по Соборной улице проходил мальчик; выстрелом, произведенным кем-то из казаков или полицейских, стоявших у заводского клуба, мальчик был ранен и упал, я и Екатерина Маркелова, как санитарки добровольческого отряда, направились по улице, чтобы поднять упавшего мальчика и когда шли к нему, теми же казаками обе мы были ранены».

Убили казаки Виктора Шимберского, рабочего паровозного цеха, убили днем на улице при аресте его казаками, когда он был в их руках и не оказывал им никакого сопротивления. Виктор был беспартийный, он не дрался на баррикадах, но все же был убит. Его убили за жест, который был им сделан в сторону казаков во время своего выступления на митинге 17 октября 1905 года. И казаки, через два месяца отомстили ему за этот жест. «Товарищи,—говорил он тогда,—мы сейчас имеем царский манифест о свободе, так зачем же держат вот этих» и указал в стоявших около митинга казаков-опричников, приехавших к нам за тысячу верст.

За что подвергся обстрелу дом Чугурина, в то время когда к этому не было никаких причин, когда уже восстание было подавлено? Зачем было сжигать победителям в ночь на 15 декабря единственный в Сормове культурный очаг—«Народную столовую»? Зачем нужно было закрывать Потребительское о-во, единственное учреждение, снабжавшее 40 тысяч населения и бывшее главным регулятором рынка?!

Все это являлось мстостью классового врага за попытку рабочих сбросить надетые на них кандалы.

В. Каюров

«ПРАВДА» И РАБОЧАЯ СТРАХОВАЯ КАМПАНИЯ

(Страничка из истории рабочей печати 1911—1914 гг.)

Роль легальной рабочей печати в деле развития рабочей страховой кампании была чрезвычайно велика. Особенно крупная роль принадлежала здесь «Правде». Первое страховое ядро в «Правде» составили тов. Гурский (Данилов), Закс (Гладнев) и пишущий эти строки. Началась кампания с разъяснения царских страховых законов на страницах «Правды». Был помещен ряд коротких популярных статей, излагающих основные положения закона о страховании, причем было обращено внимание на то, как можно использовать этот закон в рабочих интересах, где нужно ожидать особого нажима хозяев, что этому нажиму противопоставить, как в свою очередь вести наступление против хозяев и чиновников.

Царские страховые законы были, правда с ухудшениями, но все же скопированы с германских законов. Они предоставляли некоторую свободу инициативы правлениям и общим собраниям больничных касс—общие собрания могли устанавливать большие или меньшие размеры пособий; больничные кассы могли объединяться между собой и образовывать более крупные организационные единицы, имели право устраивать лечебницы для оказания медпомощи членам семейств участников кассы и т. д.

Если бы царские чиновники и думские законодатели своевременно предвидели, какую благодарную почву для рабочей страховой кампании представит эта «эластичность» страховых законов, они наверно заменили бы ее неподвижными твердыми нормами. Вот на эту-то «эластичность» мы прежде всего и указывали. Мы советовали рабочим требовать установления высших пособий, обязательного объединения всех больничных касс данного города в одну общегородскую и т. д. Вместе с тем были должным образом раскритикованы царские законы и впервые была в международном рабочем движении широко распространена в массах полная рабочая страховая программа.

Так было положено начало рабочей страховой кампании. Писать больше всего пришлось мне. Тов. Данилов был сильно загружен работой в «Правде»—он был выпускающим, работал ночи напролет. Когда, я, бывало, приходил к нему на квартиру часа в 2—3 дня, я заставал его спящим. Разбуженный мной, он окатывался для освежения несколько раз холодной водой, и только таким образом, возвращал себе работоспособность. Работать тов. Данилову приходилось буквально 18 часов в сутки.

Та болезнь сердца, с которой ему приходится теперь бороться, в значительной мере была приобретена в период работы в «Правде». Чрезвычайно был перегружен работой и т. Закс. Но если в начале страховой кампании литературная работа могла лежать почти исключительно на мне, то в дальнейшем страховая кампания развернулась так широко, что приходилось немало писать и т. Данилову и т. Гладневу.

После подготовительной работы начались выборы в больничные кассы, началась работа касс. Тут уже перед рабочими вставал целый ряд практических вопросов. На эти вопросы надо было в «Правде» отвечать. Надо было, например, усиленно бороться с бойкотистскими настроениями, которые довольно широко были распространены на многих заводах. Посыпались рабочие страховые корреспонденции. В «Правде» появился особый ежедневный страховой отдел. Были организованы в редакции «Правды» приемы консультации по страховым делам, которые вел, главным образом, тов. Закс. Дело расширялось. Выдвинулся целый ряд страховиков рабочих с мест. В нашу литературную страховую группу влился ряд новых работников, между ними тов. Вив (А. Н. Винокуров—ныне пред. Верховного суда) и тов. Гневич (Фаберкевич)—поляк-коммунист (предательски убит польскими жандармами в 1919 г. на советско-польской границе).

Тов. Винокуров в то время имел рабочую лечебницу и жил около Нарвской заставы. Его пытались привлечь к страховой работе меньшевики и обратились к нему с предложением сотрудничать в меньшевистском журнале «Страхование рабочих». Получили они от него, видно, не очень приятный ответ и потом в разговоре с кем-то из нас сетовали, что вот, мол, у Нарвской заставы живет врач, который «знает толк» в страховых делах, а с меньшевиками работать не хочет.

В число страховиков волей-неволей должны были войти и члены рабочей фракции IV Государственной думы. Пользуясь своей депутатской «неприкосновенностью», они выступали с лекциями по страхованию. Правда, и «неприкосновенным» депутатам не очень-то свободно давались градоначальниками и прочими полицейскими властями разрешения на такие лекции. Все же в Петрограде состоялось несколько таких лекций. Кроме того, рабочие депутаты неоднократно выступали в Думе с запросами по поводу запрещений страховых собраний, нарушений страховых законов, задержек в открытии больничных касс, арестов в связи со страховой кампанией и т. д. Пользуясь трибуной Гос. думы, рабочие депутаты превратили свои выступления в сплошную и яркую агитацию за использование страховых законов, за рабочую страховую кампанию в самом широком значении и размахе.

Нашей литературной группе прибавилось в связи с этим много работы—надо было писать лекции, составлять проекты запросов, речей и т. д. В этой работе принимал участие также тов. Крыленко, бывший некоторое время секретарем рабочей фракции Государственной думы, а позднее тов. Скрыпник, приехавший в Петроград из якутской ссылки в

ноябре 1913 года. Он также усилил собой нашу литературную работу—много писал и в «Правде» (под псевдонимом Асник).

За все время своего существования «Правда» сохранила свой страховой отдел, даже и тогда, когда уже начал выходить специальный страховой журнал «Вопросы страхования». «Правда» начала страховую кампанию и вела ее до самой своей насильственной смерти. Однако с развитием кампании обслужить полностью страховую кампанию на страницах «Правды» становилось все труднее. Страховой материал в «Правде» не умещался вообще. Кроме того, с открытием больничных касс пришлось рассматривать в печати такие вопросы, которые представляли важность для страховиков, но не имели большого интереса для широкой массы читателей «Правды». Наконец, в Петрограде начал выходить ежемесячный меньшевистский журнал «Страхование рабочих» и ему непременно надо было противопоставить наш большевистский журнал.

По всем этим соображениям было решено начать издание «Вопросов страхования». При этом в отличие от меньшевистского журнала решено было сделать его массовым органом с короткими популярными статьями, по возможности с беллетристикой и стихами и, конечно, с центром тяжести в рабочих корреспонденциях. Ввиду такого характера журнала он должен был стать еженедельником. Издание «Вопросов страхования» мы решили обставить возможно лучше. Надо было сразу поставить дело на высоту и не ударить лицом в грязь. Ведь мы имели солидного конкурента в лице меньшевистского журнала «Страхование рабочих», которое выходило уже несколько месяцев.

Мы решили использовать заграничную поездку мою и тов. Гневича. Летом 1913 года мы побывали в нескольких городах Германии, в Праге, Вене и Кракове. Везде мы знакомились с постановкой страхового дела, осматривали дома отдыха, санатории для туберкулезных больных и другие страховые учреждения; собрали и привезли много печатных материалов. Вместе с тем мы привлекли к сотрудничеству в «Вопросах страхования» целый ряд заграничных страховиков.

Литературные силы для «Вопросов страхования» были те же, что и для страхового отдела «Правды» и для «Прибоя». Сил этих было не много. Но имелся уже большой кадр страховых рабочих корреспондентов. Во всяком случае с изданием еженедельника мы надеялись справиться. Оставались лишь полицейские формальности—получение разрешения на издание, подыскание редактора и типографии. 29 октября 1913 года первый номер «Вопросов страхования» наконец, вышел в свет.

Выхода журнала с нетерпением ожидали в рабочих районах. Большевистская линия в страховой кампании уже определенно взяла верх над меньшевистской. Выход «Вопросов страхования» был вопросом партийной чести не только для сравнительно узкого круга сотрудников журнала и страховиков-большевиков, но и для широкой рабочей массы. Требования из рабочих районов на первый номер «Вопросов страхования» были настолько велики, что нам пришлось несколько тысяч экземпляров допеча-

тать вторым изданием. Всего же печатали первые номера в 15 тысячах экземпляров.

По общим тогдашним отзывам, новый журнал, несомненно, удовлетворил рабочего читателя. И в дальнейшем «Вопросы страхования» остались приблизительно такими же, какими были первые номера. Это был все время массовый живой орган, очень часто выходивший за страховые рамки, дававший передовые на общеполитические темы и т. д. После закрытия «Правды», во время империалистической войны, «Вопросы страхования» по своему содержанию даже мало соответствовали своему названию. В них было и по тем временам и условиям и должно было быть гораздо больше статей и прочего материала по общим вопросам, нежели по страховым. Будучи детищем «Правды», «Вопросы страхования» были подлинно правдистскими не только в отношении политической линии, но и в отношении способа писания, характера статей и, что самое главное, в отношении тесной связи с рабочей массой. «Вопросы страхования» писались в значительной своей части рабочими корреспондентами, рабочая масса поддержала «Вопросы страхования» материально пожертвованиями в «железный фонд» журнала и т. д.

Прочные большевистские традиции оказали несомненное влияние и на советские «Вопросы страхования», возобновленные в 1922 году. Этот журнал, издаваемый Цустрахом НКТ (Центральным управлением социального страхования), никогда не носил и не носит ведомственного характера, присущего многим подобным журналам, издаваемым другими «ведомствами».

Для обслуживания страховой кампании мало было корреспонденций и статей, нужны были также листовки, брошюры и книги. Это дело также начала «Правда». Как только закончилась печатанием в «Правде» серия моих статей, излагающих царские страховые законы,—из этих статей была составлена брошюра под заглавием «Страхование рабочих». К брошюре был приложен полный текст страховых законов. Царская цензура брошюру пропустила. Тогда еще страховой кампании властями не придавалось должного значения. Ее издателю и «неизвестному» автору было предъявлено соответствующее обвинение—уже не помню, по какой статье царского уложения, несколько месяцев спустя, когда успели разойтись почти полностью два издания брошюры.

Успех первой брошюры указал нам не только на необходимость скорейшего издания большего количества брошюр, но и на возможность поставить это дело на коммерческую ногу. С благословения редакции «Правды» и представителей ЦК партии решено было выделить издательское дело из аппарата «Правды» и организовать самостоятельное издательство. Организацией издательства, окрещенного именем «Прибой», занялись тов. Закс, Фаберкевич и я. Для создания «капитала» издательства были установлены паевые взносы по 50 р. В число пайщиков вошли, кроме нас троих, тт. Крестинский, Ольминский, Стучка. В дальнейшем состав пайщиков «Прибоя» пополнился еще некоторыми товарищами

(П. Н. Мостовенко, М. А. Савельев, А. И. Ульянова и др.). В курсе всех прибоевских дел был тогда и депутат Малиновский, который также состоял пайщиком издательства.

Капитал у нас, таким образом, составил не особо крупный. Но издаваемые нами брошюры имели очень быстрое и широкое распространение. Это весьма усиливало обороты нашего капитала. А затем мы ставили дело очень экономно, хозяйственно и по-коммерчески. В этом отношении мы имели незаменимого спеца в лице тов. Закса. Мы, например, неоднократно платили за бумагу и печатание векселями, как в самом солидном купеческом деле. Стремясь поставить наше издательство на прочные ноги, мы выработали особое положение для него с соответствующей гарантией хозяйственной самостоятельности и независимости от прочих партийных предприятий. Это положение было мною и тов. Фабержевицем лично передано летом 1913 года в Поронине (около Кракова) тов. Ленину и им утверждено.

О нашей поездке за границу и об утверждении тов. Лениным положения об издательстве «Прибой», как потом выяснилось по архивным материалам, было известно царской охранке. Повидимому, соответствующее донесение было послано Малиновским, который, изложив суть дела, не счел почему-то нужным назвать наши настоящие фамилии, хотя он их прекрасно знал. Свое донесение он закончил: «Настоящих фамилий и местожительства указанных Б. Г. Данского и Гневича до сих пор установить не удалось». Мы развили довольно энергичную кампанию по привлечению новых пайщиков для увеличения нашего капитала. С указанной целью я ездил между прочим в Москву. Пробыл я в Москве несколько дней, два раза ночевал в «Деловом Дворе» у Малиновского. Он обещал мне переговорить по делу «Прибоя» с рядом московских товарищей. У меня осталось в памяти одно очень «недурное» заседание по этому вопросу в компании Малиновского—в этом заседании участвовали я и два провокатора—Малиновский и Романов («Пелагея»), причем Малиновский и Романов не знали друг о друге, что они являются провокаторами. Я лично виделся тогда с московским страховиком Яхонтовым, который обещал «Прибою» полное содействие в Москве. Получил я обещание о поддержке «Прибоя» со стороны одного из недавних польских министров, позднее Лодзинского «воеводы» Даровского, бывшего тогда членом левицы ППС, занимавшего довольно видную должность в Дедовской мануфактуре. С целым ворохом обещаний я вернулся в Петроград. К сожалению, из этих обещаний ничего не вышло. Все наши усилия в целях привлечения новых пайщиков увенчались очень небольшим успехом. 50 рублей паевого взноса—деньги были довольно большие по тому времени. Нам удалось всего привлечь 15—20 «участников» в деле.

Наша главная коммерческая сила была в широком распространении наших изданий, в тех рабочих грошах, которые поступали в кассу издательства за проданные брошюры. Первое время «Прибой» являлся исключительно страховым издательством. Кроме второго издания брошюры

«Страхование рабочих», о которой я говорил выше, были выпущены две листовки Б. Соловьева—«Бойкот больничных касс» и «Больничные кассы», его же брошюра «Лечение рабочих», брошюра Б. Г. Данского «Страховая кампания». Последняя брошюра, между прочим, написана мною в петербургской предварилке, в которой мне пришлось просидеть полтора месяца в самый разгар страховой кампании (декабрь 1912 г.—январь 1913). Были изданы также большая брошюра Вива (тов. Винокурова) «Труд и здоровье рабочих», его же листовка о медпомощи, брошюра О. Сольской «Работница и страхование», Кожебаткина (тов. Данилова) «Горнорабочие и страхование», Фрица Штурма (тов. Закса) «Лейпцигская больничная касса». Была издана важная коллективная работа, под моей редакцией, «Рабочий устав больничной кассы» и, наконец, был начат изданием капитальный труд «Страхование рабочих в России и на Западе» в 12 томах, из которых успели издать только два тома.

Этот перечень страховых изданий «Прибой» я привожу здесь по памяти. Вполне возможно, что он не полон. Тираж брошюр был по тому времени также немалый. Брошюры издавались в 5—10 тысячах экземпляров. «Страхование рабочих в России и на Западе» печаталось в 3 тыс. экз. Листовка «Больничные кассы» выдержала три или четыре издания с общим тиражом около 150 тыс. экземпляров. Все это было издано в течение 1—1½ лет. Таким образом «Прибой» с начальным капиталом в 500—1 000 рублей превратился в крупное издательское предприятие. Став прочно на ноги благодаря страховым изданиям, «Прибой» имел возможность приступить к изданию ряда брошюр и книг по общим вопросам; были изданы: карманный календарь «Спутник рабочего», краткий курс политической экономии Богданова и др.

Все же в первую голову «Прибой» был страховым издательством. Выйдя из недр «Правды», он дополнил и развил ее страховую работу; он всесторонне обслужил брошюрным материалом дореволюционную страховую кампанию.

Советское социальное страхование принадлежит к числу крупнейших «Октябрьских» завоеваний нашего, да и международного пролетариата. Фундамент этого великолепного пролетарского здания был заложен российским рабочим классом пятнадцать лет назад. Тогда была впервые выкована в мощном движении пролетариата так называемая рабочая страховая программа, тогда же она широко распространилась и глубоко проникла в толщу рабочего класса. По сформулированной тогда программе строится и действует теперь советское социальное страхование.

Б. Данский

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РУССКОГО БЮРО ЦК С ЗАГРАНИЦЕЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ¹

(1915—1916 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

8 моих писем к Владимиру Ильичу—с апреля 1915 по ноябрь 1916 г.—составляют часть корреспонденции из Российского бюро ЦК за границу.

Официально я не входила ни в эту, ни в другие организации ЦК, но фактически вела деловую переписку с ним,—с В. И. и Н. К.,—все время. 8 печатаемых ниже писем оказались в женеvском архиве ЦК, переписанные рукою Надежды Константиновны. Они вошли в одну коллекцию с письмами А. Г. Шляпникова («Александра») того же периода и вместе с ними пролежали несколько лет в архиве Истпарта, как письма Шляпникова. Лишь в самое последнее время, когда решено было приступить к изданию этих писем, было обнаружено, что нижепомещаемая часть их написана мною, под моей тогдашней кличкой «Джемс».

Конечно, написано мною за отмеченный период в 1½ года было гораздо больше писем: об этом говорят как слишком большие промежутки между письмами, так и многие неясности, указания на предыдущие письма, которые не сохранились. Но пока найдены только эти: 7 в архиве ЦК и 1 из перлюстрированной департаментом полиции переписки. Считаю, что переписанные Н. К. были написаны химией в книгах, как я обычно писала, выбирая более солидные как по объему, так и по содержанию книги и посылая их не на прямой адрес, а на так называемые Deckadresse (подставные, передаточные адреса). При этом, помню, давались специальные адреса, напр. преимущественно для технических, медицинских или экономических книг и журналов; выбирались книги на более плотной и матовой бумаге, на которой химические письма были менее заметны. Я набила, так сказать, руку узнавать подходящую наощупь книгу, практикуясь в этом еще в 1901—1902 г. в Париже у букинистов. Припоминаю, что встретила как-то озадаченный взгляд продавца, вызванный, вероятно, тем, что я не столько гляжу на содержание выложенных на лотках или на выступлениях стен дешевых брошюр, сколько щупаю и

¹ Печатаемые ниже письма являются частью готовящегося к печати сборника «Архив ВКП (б), (1914—1916 гг.)», изд. Института Ленина.

просматриваю на свет бумагу, на которой они напечатаны. Это я выбирала книги для химических писем в Россию.

Книги с указанными выше предосторожностями доходили много вернее, чем письма,—по крайней мере я не помню ни одного случая провала или пропажи их. Письма же подвергались, конечно, легче перлюстрации, особенно письма за границу в период всемирной войны. Могло быть снято факсимиле руки, надписывающей адреса, могло быть прослежено опускание письма в почтовый ящик. Так произошло, вероятно, с первым из предлагаемой серии, с письмом от 23/IV—15 г.,—единственным, оказавшемся в бумагах департамента полиции.

И как раз это письмо наиболее насыщено партийными известиями и переговорами. В этом письме говорится о процессе депутатов IV Государственной думы. Сведения о нем я почерпала из первоисточника, так сказать,—а именно из рассказов Н. Д. Соколова, выступавшего защитником Каменева, и еще кого-то из депутатов. Так помню, что о Муранове, спасшем процесс, слышала от него.—«Все начистоту» означает, что Муранов пригрозил рассказать о сношениях и связях с ЦК большевиков, о поездках депутатов к В. И. в Краков, если бы некоторые из них пошли на указанные раскаянные жесты.

Соколов передал мне также о всех своих переговорах в качестве защитника с Каменевым, а я излагала их в сжатом виде Владимиру Ильичу. Так, в письме, предшествовавшем данному, я передала о рассказе Соколова по поводу идеи Каменева вызвать на суд в качестве свидетеля Н. Иорданского. Письмо это, очевидно, в департамент полиции не попало, но попало несомненно в руки В. И., так как изложенное там отразилось на передовице № 40 «Социал-демократа» о процессе депутатов. По этому проекту Иорданский должен был заявить в своем показании, что Каменев стоял не на пораженческой точке зрения, а на оборонческой, изложенной им, Иорданским, в статье «Да будет победа». Как известно, Иорданский отказался свидетельствовать и так и не подал заявления о вызове его в суд. Но Ильичу об этом я сообщила так же, как и о своих личных впечатлениях от судебного разбирательства, на которое мне удалось попасть пару раз. Слышала я между прочим и защитительную речь Каменева, который пытался выставить себя ни к чему не причастным легальным литератором, поселившимся временно в Финляндии, ибо у него «не было еще обстановки». Помню, что эта речь, ничуть не убедительная для представителей обвинения, произвела очень тяжелое впечатление на нас, зрителей, допущенных на хоры.

Затем в письме этом говорится о кандидатуре в представители ЦК Б. В. Авилова, на место арестованного Каменева. Это предложение исходило от т. Ольминского. Очень уж неудобно было при сношениях с ПК и другими организациями отсутствие такого представителя в России; и я запросила В. И., можно ли временно, до утверждения постоянного представителя, возложить эту функцию на Авилова. Но Вл. Ил. самым решительным образом отклонил эту кандидатуру. А позднее Авиллов, указы-

вавший с самого начала на некоторые разногласия его с точкой зрения ЦК, выявился определеннее как человек, считающий лозунг гражданской войны неправильным. Вследствие этого его проекты листовок не удовлетворяли Пет. комитет (см. письмо от 27/IV 1916 г.), и мы сами убедились в неудачности нашего предложения.

И о финансовых делах ЦК говорит это письмо,—о чеке в 3000 р.,—вероятно вырученных после ликвидации типографии «Дело». В этом и в следующих письмах указывается, на что были употреблены эти деньги; а также добытые с ежемесячных сборов и разных мелких предприятий, запрашивается, сколько нужно приблизительно на разные потребности ЦК. Писала о посылке денег высланным в Сибирь депутатам IV Думы, о «железном фонде», т. е. о фонде на издание газеты «Правда», составившемся из сборов рабочих. Фонд этот находился в распоряжении депутатов большевиков IV Думы как издателей газеты и хранился у соц.-дем. Симонова, домовладельца. О них говорится тоже в приводимой серии писем. Относительно тех сумм, которые находились в моем ведении, я пишу о «руках», которые к ним тянутся. Хотя и ПК, как водится, нуждался в деньгах (я в одном из писем указывала, что дала на их газету—«Пролетарский голос»—250 р.), но руки, тянувшиеся за деньгами, не были руками ПК, а одной, входившей в него группы, которая стремилась создать конкуренцию журналу «Вопросы страхования», единственному уцелевшему за время войны легальному органу большевистского направления.

Тот факт, что самой активной фигурой в этой группе был Мирон Черномазов, удаленный из редакции «Правды» по подозрению в провокаторстве, после революции вполне подтвердившемся, бросал для нас тень на всю группу. Настоятельные требования от нас денег, которыми мы были не в праве распоряжаться, агитация в рабочих низах, что деньги захвачены интеллигентами, которые не хотят отдать их на работу ПК,—не могли, понятно, улучшить наше отношение к группе. Лично с Черномазовым, знавшим меня по работе в «Правде», я в годы войны не встречалась. С требованием этих денег заявлялось ко мне другое лицо. Один раз было назначено по этому поводу свидание на квартире Данского, где присутствовал также покойный товарищ Фаберкевич. Этот последний один держал себя вполне корректно и нейтрально, чем вызвал, как я после узнала, недовольство остальных двоих, которые нажимали на меня очень сильно. Разошлись мы после ни к чему не приведших переговоров в довольно враждебном друг к другу настроении. Не могу уже вспомнить, шел ли тогда разговор только о 3000 р. от ликвидации типографии «Дело» или и о «железном фонде».

Говорится в этих письмах и о попытке восстановить журнал «Промышленность», который с началом войны не был закрыт, как «Правда», и юридического права на выход не потерял. Но сильно отяжелевшая за время войны лапа цензуры давала мало надежды на то, чтобы удалось выпускать журнал нашего направления, да и от редакции почти никого не осталось. Тов. Ольминский уехал в Саратов, М. Савельев был выслан

из Питера, А. Н. Рябинин встал на чисто оборонческую позицию. Оставались в Петербурге, кроме Джемса (пишущей эти строки), лишь К. М. Шведчиков и А. А. Блюм. В эту часть редакции были кооптированы Орловский и Авилов. Сначала мы пытались выпустить № в июне 1915 г.,— последний срок, когда журнал мог еще выйти под фирмой «Просвещения», позднее он терял уже это право и должен был умереть естественной, так сказать, смертью. Это не удалось. Как известно, не удалось выпустить за время войны и другого журнала, разрешение на который было взято.

Статьи В. И. и т. Зиновьева была посланы в Саратов, где удалось выпустить номер большевистского сборника «Под старым знаменем», для второго номера этого сборника, но ему не удалось увидеть свет. В столицах из неоднократных попыток издать что-либо революционного направления ничего не выходило.

Из проектировавшихся в то время в Питере издательств, о которых упоминается в письмах, осуществилось издательство «Волна», выпустившее несколько брошюр. То слитное издательство, о котором просил меня написать Владимиру Ильичу Стеклов, осталось проектом. Начало как будто бы вставать на ноги уже к концу этого периода издательство Горького «Парус» при журнале «Летопись». Туда была передана мною увидевшая свет уже после революции книга В. И.—«Империализм как новейший этап капитализма». В некоторых письмах рассказывается о переговорах с Горьким. Принципиальная неустойчивость его кое-где отмечается.

Рассказывала я Владимиру Ильичу подробно о борьбе за выборы в Военно-промышленный комитет со слов одного из выборщиков Дунаева, который сам написать ему не собрался. Шляпников в свои приезды в Питер заходил обыкновенно ко мне, расспрашивал о положении дел у нас и вообще в России и рассказывал подробно о загранице и тамошних настроениях. У меня на квартире происходили и некоторые свидания с ним—Шведчикова, Фабержевича, Виктора Тихомирнова и других.

Из-за больших строгостей и исключительного безлюдия того времени вследствие высылки, арестов, мобилизации и широко разлившегося в первое время шовинизма было чрезвычайно трудно наладить что-либо в то время, и создаваемое Александром Бюро ПК оказалось, как я отмечаю, мертворожденным. Фактически,—как я говорю в письме от 27/IV—16 г.,—вопросы Бюро разрешались пишущей эти строки («Джемсом») и Шведчиковым («Костя», «Олег»). На нас лежало, кроме переписки, добывание средств, налаживание транспорта, сношения с ПК и, по возможности, с Москвой и некоторыми провинциальными городами. Если принять во внимание, что оба мы за этот период сидели в тюрьме,—я с июля по октябрь 1916 г., а Шведчиков с ноября по январь, что у меня с октября до революции были ежемесячно обыски, закончившиеся арестом в феврале, то будет понятно, насколько спотыкаясь, насколько через пень колоду должна была идти наша работа в это время.

Со средствами было очень плохо. Помню сопряженный с массой

хлопот и неудач вечер-концерт, устроенный созданной нами дамской комиссией, которая к концу вся разбежалась и разъехалась, забросив дела почти на меня одну,—предприятие, едва закончившееся покрытием расходов. Транспорт, который тоже должен был давать средства, налаживался туго. Ездил я по поводу него в Териоки для переговоров с депутаткой сейма Марией Кархinen и, помнится, вторично для получения литературы. Не раз жалуясь я в письмах, что нелегальные издания получают лишь в единичных экземплярах, что не дает возможности собирать деньги на транспорт. По той же причине отчасти поддерживала я и «Коммуниста», к нам попал лишь 1-й номер. С удовольствием и нарасхват читаемый, он дал нам некоторые средства. Александр просил меня тогда написать об этом Ильичу и поддержать журнал, о лицах, издававших который отзывался с величайшей похвалой и вообще, и как о людях, стоящих всецело на нашей позиции. Только недоразумениями, вызванными большим расстоянием между ними и нашим ЦК, да еще излишней нетерпеливостью Владимира Ильича объяснял он возникшие разногласия. Я, конечно, не могла судить по одному номеру о глубине разногласий, о которых слышала от одного Александра. А главное, я страшно ухватилась за мысль получать от этой группы, из больших, так сказать, пределов досягаемости, популярную литературу о лозунгах ЦК во время войны, о гражданской войне. Настолько насущна была потребность в ней в то время, так трудно было, не имея ее, защищать наши взгляды при широко развившемся тогда шовинизме! В письмах своих в ЦК я несколько раз повторяю просьбу дать нам популярную литературу на эту тему. Вследствие этого, я, опираясь на мнение нашего кружка, и заступилась за «японцев» перед Вл. Ильичем.

Как видно из писем, мне за это заступничество нагорело. Конечно, Ильич рассердился тем больше, что знал о моем полном незнакомстве с этой группой и ее взглядами.

Но лишь теперь, познакомявшись с письмами Шляпникова этого периода, поняла я, почему мне так сильно нагорело. Лишь теперь стало для меня вполне ясно, почему Ильич нашел нужным написать Александру, что я «никогда не разбиралась в политике, всегда стояла против раскола».

Письмо это, помеченное «весна 1916 г.», явилось, очевидно, ответом на письмо Шляпникова от 11/III 1916 г., где он пишет: «Все мы, в том числе и Джемс (!), требуем, чтобы вы восстановили «Коммунист» и сошлись с сотрудниками и редакторами «Коммуниста»¹.

Ну, конечно, после такого «требования» Ильич захотел прежде всего отвести это второе, неожиданно также «требующее» лицо. А Шляпников настолько мало знал Ильича, что считал возможным подобным методом добиться от него изменения его взглядов. А чтобы достигнуть этого

¹ Взято из подготавливаемой к печати переписки русского бюро ЦК с границей в годы войны—Сб. «Архив ВКП (б) (1914—1916 гг.)», изд. Института Ленина.

вернее, он написал и от моего имени в такой форме, на которую я его не уполномачивала и к которой никогда в своей переписке не прибегала. Как видно из моего письма от 7/VI, я лишь «пожалела о разрыве с японцами». Это нечто совсем иное.

А. Елизарова

1

*Пол[учено] 7. VI через M[ada]me M-z **

[6/V]23/IV[1915 г.]. Дорогой друг! Письмо Ваше получил. Журнал, как писали Вам, решено выпускать¹. Т[о] е[сть] пока, вернее, решено выпустить одну хотя книгу в июне, ибо если до июля не выйдет ни одной книги, мы потеряем право на журнал, и это жаль. На газету было взято разрешение, но теперь после закрытия «Сев[ерного] Голоса»², при всей его бледности и бесцветности, даже самые горячие сторонники газеты во что бы то ни стало, сомневаются в том, чтобы был смысл выпускать ее. Журнал же, при архисторожности, еще может существовать. Присылайте статьи по указанному адресу. Пока мы справлялись, их нет. В здешнюю часть редакции кооптированы еще Орловский и Авилов. Взяли собственно, ч[то]бы собрать свою публику, хотя бы вокруг двух коллективов—Прибоя и Просвещения. В журнале он³, думаю, будет полезен и некоторые его несогласия будут парализоваться другими членами. Еще куда его дейст[вительно] брать не следует⁴. Это была неудачная идея old friend⁵, оправдываемая лишь странным безлюдьем. Он и сам отказался, ссылаясь как на то, что существуют некоторые разногласия между им и Вами, а также, что он от Юрия⁶ брать не хочет. Просил между прочим от лица его, Орловского и —ва (москвича, впередовца)⁷, что они не согласны с двумя пунктами, выпущ[енными] из «тезисов». Считают, что в новой редакции «поражение ц[ар]ской монархии» говорит то же, ибо в лице войск, мол, это неудобно из тактических соображений. Я впрочем до смерти боюсь что вы, истолковав что-нибудь не так, нападете, как, на[при]мер (?) **, в передовице 40 номера⁸. Как так снос (?) ** все точно изложишь, а вы сейчас в передовицу! Я не говорил, что желательно объединить Сев[ерный] Голос и Наше Дело⁹ с нами и не думал этого, а говорил лишь, что нельзя было уходить части фракции под знаменем «признания подполья» и т[ак] д[алее], ибо нельзя при совр[еменных] условиях заявлять открыто о принадлежности легальной организации к нелегальной (исполнять нелегальную работу можно и должно, но заявлять об этом повсюду большая наивность). Ну, будет об этом. Ужаснулся я таки, что на основании только этого письма передовица. Я считаю да и кое кто из товарищей, что лучше было бы вам написать короткую общую характе-

* Написано карандашом сверху. Р е д.

** Вопросительный знак поставлен рукой Н. К. Крупской. Р е д.

р[истику] того, что наши пошли вообще против войны и воздержаться от оценки подробностей поведения отдельных лиц, ибо скажут: как на основании одних буржуазных газет судить. Да и неубедительная поневоле получилась передовица.

Юрий⁶ оправдывался. Просит передать товарищам, что 1) он не представлял себе до получения обвинительного акта размера процесса, во 2) что некоторые депутаты так струхнули, что не пошли бы на при-
дание ему более яркого характера и 3) что вы виноваты, выпустив тезисы и статью в 33-м номере за подписью ЦК¹⁰, в то время, как был, де, уговор тезисы без совета со здешними не выпускать. Тоже не согласен с местом о поражении ц[ариз]ма. Очень странные, по моему, претензии! Говорит, что базироваться на ответе В[андервель]де было нельзя, п[отому] ч[то] было выпущено «бюро» ЦК, а напечатано от ЦК, это значило бы то же, что признать и передовицу, а на это бы депутаты не пошли¹¹. Пришлось взять за базу думскую декларацию. По моему, он зря валит на депутатов. Если и верно, что кое-кто из депутатов струхнул... то их привел, так сказать, в разум один Муранов, заявив, что на суде будет говорить все начистоту (роль Муранова огромная, как выясняется, он спас процесс).

Вам вышлются скоро обвин[ительный] акт и речь Петровского. Хорош отчет в «Праве»¹².

Посылайте материалы для журнала. Только помните, чтобы цензурнее было. Мы вполне присоединяемся к Вашему мнению, что надо архилегально. Мы думаем даже, что по нынешним временам и говорить о войне людям нашего направления совсем нельзя. Обязательно конфискуют. Надо молчать о ней. Само молчание будет красноречиво, а то вон и ликвидаторов прикрывают. Если выйдет первый номер журнала, будем орудовать дальше, а то с места в карьер. Еще ходатайствует очень чтобы не очень много полемики было в этом первом номере. Во первых, это нецензурно, а потом пусть... Ну, вы знаете мое мнение, разделяемое и некоторыми другими; так вот, как ходатайство и передаю его вам. Вы меня терроризируете: я боюсь всякого неосторожного выражения, что сейчас перетолкованное в передовицу попадает, а это сковывает свободу письма, и без того оч[ень] скованную.

На газету (еженед[ельную]) было уже взято разрешение, но теперь после закрытия Сев[ерного] Голоса даже самые оптимисты стали относиться скептически к этой возможности. Прервали... Сегодня говорили, что газету все же решено издавать. Просим вас посылать статьи по тому же адресу. Но безлюдие. Кое-кто из народа, организующего газету, не внушает большого доверия... В ПК были кровопускания—некоторые дельные люди д[олжны] б[ыли] временно устранились¹³. Кое-кто из публики очень зеленой, с махаевскими задатками...

2-й № газеты еще не вышел¹⁴, но порядочно листов выходит. Листок по поводу процесса Мясоедова (жанд[армского] офицера, организовавшего шпионство в армии¹⁵. Слышали ли вы? Мяс[оедов] казнен в ставке главно-

ком[андующего]. Арестов[ано] чел[овек] 50 по этому делу. Были обыски в охранке и департ[аменте] полиции. Ведется дело это сенатом). Листок на эту тему был в 8000 экз[емплярах], были листки по поводу процесса деп[утатов], ленские, к солдатам—разбросаны в некоторых казармах.

Последнее время мне не приходилось видаться. Как повидаяюсь, напишу. Просила адрес для вас, хотели достать. Печатать ПК от имени ЦК конечно нельзя. Ничего доброго от этого самозванства не выйдет и не нужно оно сейчас. Относительно письма к вам о средствах к лицу, которое вернется, послать неудоб[но]. У вас в письме не разобрал кому приветы и дальнейшее. У вас на основании «Дня»¹⁶ вкрались неточности—напр[имер] совершенно искажены слова Чхеидзе «По поводу войны». «День» дал самые путанные отчеты о процессе. Прямо обидно! По чеку заплатили по курсу (и то с большим трудом) за 3000 р[ублей] только 2232 р[убля].

Это возмутительно. Банк соглашается выдать снова чек, но с тем, ч[то] бы не платить до конца войны. К[а]к вы думаете? Неизвестно, конечно, каков будет курс кроны, м[ожет] б[ыть] еще упадет. И к[а]к поступить с деньгами? Перевести вам? Сколько? Пишите свое мнение. Или ждать конца войны. Нужно бы скольконибудь денег уделить и на транспорт. Ал[ексан]др пишет, что средства нужны, но сколько—определенно не говорит. Одна его оказия обошлась в 500 р[ублей]. Столько мы тратить не можем. А между тем номера С[оциал]-Д[емократа] получают в единичн[ых] экз[емплярах]. Здесь умножение пока не налажено. Перепечатываются отд[ельные] статьи, были посланы по провинциям, произвели везде впечатление, помогают сплотить публику. Ну, кончаю. Сердечн[ые] приветы и пожелания.

28/IV Р. С. Только что узнала, что на многих заводах собираются бастовать 1-го мая. Много арестов.

¹ «Просвещение»—большевистский, ежемесячный журнал, издавался в Петербурге, № 1,—в декабре 1911 г., последний в июне 1914 г. (Подробно см. XV т. Сочинений Ленина, примеч. 159).

² «Северный голос»—еженедельная меньшевистская газета, выходившая в Петрограде с 13 февраля (31 января) по 28(15) марта 1915 г.

³ Б. В. Авиллов.

⁴ См. предисловие.

⁵ Old friend (старый друг)—М. С. Ольминский.

⁶ Л. Б. Каменев.

⁷ Кто этот москвич, не установлено.

⁸ Ст. Ленина «Что доказал суд над РСДР фракцией», передовая в № 40 «Социал-демократа».

⁹ «Наше дело»—ежемесячный журнал ликвидаторов, выходивший в 1915 г. в Петрограде. (Подробно см. XIX т. Соч. Ленина, примеч. 30.)

¹⁰ Статьи Ленина «Война и российская социал-демократия» и «Положение и задачи социалистического Интернационала».

¹¹ Ответ Вандервельде был помещен в № 33 «Социал-демократа». При копировке этого письма в Петербурге Шляпниковым была сделана ошибка: опущено слово «Бюро» ЦК РСДРП, та же ошибка попала и в «Социал-демократ».

¹² См. «Право» №№ 8—11, 1915 год, «Петроградская судебная палата». (Дело депутатов с.-д. фракции.)

¹³ Об арестах в Петербургской организации см. ст. М. Флеера «Петербургский

комитет большевиков в годы империалистической войны», — «Красная летопись» № 4(19), 1926 г., стр. 113—114.

¹⁴ № 2 «Пролетарского голоса» — органа ПК вышел лишь 7 марта (23 февраля) 1916 г.; последний № 4—31(18) декабря 1916 г. Полный текст всех 4 номеров «Пролетарского голоса» опубликован в «Красной летописи» № 1(10), 1924, стр. 133—166.

¹⁵ Этот листок приведен в «Красной летописи» № 4(19), 1926 г., стр. 122—123.

¹⁶ См. «Дело депутатов» — «День», №№ 40—41, 1915 г.

2

[13/X]30/IX[1915] ¹. Д[орогой] др[уг]! спешу поделиться с Вами известием о большой и прекрасной победе, одержанной нами на выборах в военно-промышл[енный] комитет. Выбрано выборщиков было много меньшевиков и народников: наши потерпели фиаско на многих заводах. М[еньшеви]ки, среди которых больше людей тертых, красноречивых, праздновали уже победу. Их был председатель на собрании выборщиков 27-го числа, был принят их порядок дня... Они уже потирали руки. И вдруг большинством, правда большинством всего голосов в 10... проходит б[ольшевист]ское решение не участвовать в военно-промышл[енном] комит[ете] и уполномоченных туда не посылать. М[еньшеви]ки подняли скандал, говорили о подлоге, стали пересчитывать голоса, но ничего изменить не могли. При выборах выборщиков происходили курьезные выборные явления. На некоторых заводах выбирают м[еньшеви]ка, а наказ дают ему б[ольшевист]ский. Так было на трех заводах. Бывали, положим, случаи, что и б[ольшеви]ку давали м[еньшевист]ский наказ. Настроение рабочих хорошо не разберешь... Но все же на собрании было сплоченное большинство б[ольшеви]ков—72 руки дружно поднимались при всяком голосовании. Эта сплоченность произвела сильное впечатление даже на служащих военно-промышл[енного] комитета, входивших в зал и присутствовавших при некоторых голосованиях. Но крики м[еньшеви]ков о подлоге имеют под собой некоторую почву. ПК, не успевшее по состоянию своей техники, выпустить никакого листка, пришлось к... решению. Оно командировало на собрание двух своих членов, взявших мандаты у выборных выборщиков Путиловского завода. Подлог этот, конечно, чисто формальный. Выборщики отдали добровольно свои мандаты, значит, они являются убежденными сторонниками ПК-ских взглядов. Отдали людям, которые лучше умеют выразить общие взгляды—полным единомышленникам. И единомышленники эти оказались на высоте задачи. Сжато и дельно, ясно, определенно высказали они интернационалистскую точку зрения и провели заявление, которое посылаю вам письмом, на случай если пропадет, повторяю и здесь. Вот оно:

«В Центр[альный] Военно-Пром[ышленный] Комит[ет] заявление:

Уполномоченные фабрично-заводск[их] предприятий Петрограда, руководствуясь наказом, данным избирателями, считающими принципиально недопустимым участие представителей пролетариата в организациях, каким-либо образом способствующим данной войне, доводят до сведения

означенного комитета, что петроградский пролетариат от выбора своих представителей в Центр[альный] Военно-Промышл[енный] Ком[итет] отказывается и заявляет, что если в составе Военно-Пром[ышленного] Комит[ета] окажутся каким-нибудь образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба».

После принятия этого заявления удалось провести и наказ товарищам, составленный на основе «Соц.-Дем.»—кажется № 39, следовательно, вполне определенно интернационалистский ². Пошлем его тоже. Но указание на статью делает для вас ясным его содержание. В газетах результаты выборов замолчали, предст[авительство] власти было совсем из газет выкинуто. Заседали выборщики с 12-ти утра до 11-ти час[ов] вечера. Заседание было яркое и бурное. Гучков после своей вступит[ельной] речи попытался дать совет рабочим выбирать представителей. М[еньшеви]к Гвоздев выступил очень твердо и спокойно заявил: это мы и без вас знаем. Но кое-кто из [большеви]ков даже недоволен. Возможность собираться беседовать, двигать организацию была так приятна, что хотелось бы удлинить ее и было срединное течение, предлагавшее не кончать все в первый день, а растянуть на несколько собраний, затем выбрать делегацию, которая должна была бы заявить, что выборы д[олжны] б[ыть] всероссийскими, одним словом, протянуть возможность собираться, беседовать, вести организацию, но это течение не взяло верха.

Вот наша победа. Не правда-ли, хорошо?

Пишу вам в третий раз. Все ли получено? Со времени отправки письма узнала, что из Сибири от депутатов, истинных хозяев железн[ого] фонда, пришел наказ не брать его ни на что, кроме как на легальн[ую] ежедневн[ую] газету, когда она будет возможна. Это в дополнение к моему письму относительно тех рук, которые тянутся за этими деньгами. Говорил за это время со многими из своих. Все против мысли о создании органа при ПК (легального), к[а]к бессмысл[енного] соединения ³... Подыскиваем редактора для лучшего времени и для «Просвещения», т. е. наследника. Напишите Ваше мнение по поводу всего этого. Доверяете ли вы литературной группе ⁴ выделить из себя редакцию газеты, если это будет возможно. Если хотите, сообщу точнее, кто и кто остался в ней. Пока ничего нельзя. Отвечайте на мои вопросы. Посылайте Коммуниста и др., Стокт[ольмским] представ[ителям] сообщены адреса и связи. Ждем новинок, «С.-Дем.» и пр. Горячий привет.

¹ Часть письма использована в качестве корреспонденции в № 48 «Социал-демократа».

² Передовая № 39 «Социал-демократа»—«Защита отечества» или борьба за социальную революцию.

³ Т. е. издания легального органа при ПК одновременно с существованием нелегального «Пролетарского голоса».

⁴ Литературная группа состояла главным образом из работников большевистского журнала «Вопросы страхования» (см. примеч. 4 к письму от 25/III 1916 г.).

[29]16/X[1915 г.]. Дорогой друг. Пишу с оказией. Прежде всего должен исправить ошибку, вкравшуюся в последнее письмо¹. На выборах в в[оенно]-пр[омышленный] к[омитет] резолюция, списанная для вас в том письме, прошла на основании наказа, составленного по статье «Защита отечества» в № 39, но наказ этот, читавшийся на заводах, на собрании не предлагался и не обсуждался, это было-бы уже чересчур.

Вы читали письмо Гвоздева—жалобу в в[оенно]-пр[омышленный] к[омитет] на неправильность в выборах². Позорное, чуть не доносчицкое письмо—от него отрекаются даже м[еньшеви]ки в вышедшей на днях легальной газете. На заводах оно обсуждается, выносятся протесты. Ликвидаторы ведут сильную кампанию о перевыборах.

ПК готовит номер «Прол[етарского] Голоса» (задержался из-за технич[еских] затруднений), выпустим 2 листка к солдатам и еще маленький «Готовьтесь к революции».

Настроение хорошее—какое-то напряженное. Но в ПК большое безлюдье—совсем нет своих людей для работы.

Сильное желание своей легальной газеты. Собрали для этого 500 р[ублей]. На газету есть уже разрешение «Новая Эпоха»³. Думают попробовать выпустить. Если окажется невозможно, перейти на журнал или ежемесячник.

Для Просв[ещения] подыскиваем редактора. Ликвид[аторская] газета⁴ сначала не вышла в назначенный день, т. к. из 2 000 стр[ок] оставили 400. Потом заменили другим материалом и выпустили. Газета оказывается, будет выходить не при ПК. ПК только агитировал за сбор средств. Стремления завладеть фондом, о чем я писал вам, отошли... Смотрю лично очень пессимистически на возможность газеты.

Напишите отн[осительно] денег, пол[ученных] по чеку (2236). Я писал, что из них была оплачена оказия 125 р., теперь выдано еще ПК на прол[етарский] Голос 250 р. Надо ли послать вам. Сообщите. Жду ответа на многоч[исленные] письма.

Горячий привет.

¹ См. письмо А. И. Елизаровой от 30/IX 1915 г.

² Письмо Гвоздева было опубликовано в либеральной печати, а также в органе ликвидаторов «Рабочее утро» № 1 от 28(15) X 1915 г. По поводу письма Гвоздева петербургскими большевиками 1/XII (18/XI) было выпущено воззвание «Ко всему петроградскому пролетариату».

³ Издание не осуществилось.

⁴ Петербургская газета ликвидаторов «Рабочее утро».

[11/XII]28/XI[1915 г.]. Вам отправлено 800 р. Известите о получении. 600 передано депутатам. Остальные деньги с наст[оящего] чека (еще рубл. 300) вышлю, как только получу известие о получ[ении] посл[ан-ных] Вам денег, приложу и отчет на всю сумму.

Изыскиваем теперь пути для добывания средств. Между пр[очим] даем читать Комм[униста] ¹ за плату. Получили только 20 экз. и брош[юру] Социализм и война. Ждем с нетерпением С.-Дем[ократа] и еще Комм[униста] и др., не вполне наладилась еще почта. Получив Ваше последнее письмо, отправился к новому издателю ², о кот[ором] Вы писали, выяснил, что изд[атель]ство действ[ительно] интернационал[ьно], т. е. по его словам; передал Ваше письмо. Хотел сам ответить Вам, пока же просил передать, что никогда не был шовинистом, что имя его под выступлением писателей поставили, не спросив его, но что протестовать ему было неудобно по личным причинам, т. е. чтобы не обидеть, ему неудобно было дезавуировать. Конечно полит[ического] деятеля такие соображения не остановили бы, но... Во всяком случае шовинистам не сочувствует. Статью Старика просил послать тотчас же на Стокгольм, откуда перешлют, о второй же книге «Война и рабочие» хотел поговорить в редакции ³. У них проектировались собст[венно] небольшие популярные брошюры. Пожалуй, из-за размера не подойдет. Но хотел поговорить, я указал, что возможно сокращение. Из-за размера не говорил ничего об Аграрн[ом] вопросе. Но м[ожет] б[ыть] найдут возможным издать они, и это лучше бы в одни руки, да и условия много лучше. Поэтому подождите, если не выслали, высылать на имя первого издательства, а пошлите тоже на Стокгольм, а я переговорю. Я дал вам телегр[амму] о новом издат[ельстве], как Вы просили. Сообщите пож[алуйста], получили ли ее и деньги. Нов[ый] издатель произвел на меня прекр[асное] впечатление, очень просил вам кланяться, сказал, что очень любит вас, хотя и ругались где-то. Сейчас он в журнале (Летопись) ⁴ и в издательстве (Парус) ⁵ ставит целью: 1) борьбу за интернациональность и 2) борьбу со всеми остатками азиатчины в нашей жизни. Затем, немного конфузясь, заявил, что он продолжает считать необходимой у нас радикально-демокр[атическую] партию. Сам он в нее не войдет, мол, а содействие всякое и оказывает и будет оказывать. Якобы собирается эта партия проявить себя к созыву Думы. Войдет в нее кое-кто из кадетов левых, которые собираются отпасть от кадетизма (ч[ел]ове[к] 15) кое-кто из прежних безголовцев ⁶, ближайшей задачей намечается необходимость революции и захвата власти. Группировать вокруг себя думают мелких служащих, конторщиков, учителей, мелких хозяйчиков, зажиточных крестьян. Издатель видается с рабочими. Было собрание ч[елове]к на 20, в котором он проводил и провел, говорит он, резолюции о необходимости захвата власти и революц[ионной] борьбы. Но только... ушли часа в 3 ночи, а м[еньшеви]к один оставшийся все перевернул, политику выкинул, ограничился экономическим. С глубоким негодованием сообщил мне об этом собеседник. Вообще очень против м[еньшеви]ков. Он собрал для Вас материал по антисемитизму, по первому съезду, отправленный вам на днях. Получите, пожалуй, раньше этого письма. Там же письмо А[лександра] ⁷, буду называть его Львом, он же кстати похож на такового! Итак, Лев чувствует себя не-

дурно, собирается скоро в дальнейшее путешествие. Организовал здесь некую группу содействия (из тех же остатков Прибоя и Правды).

Пилил, пилил одного участника выборов, но он ничего не написал⁸— все написал Лев. Вам послан ответ москвичей и уральцев Плеханову или вообще шовинистскому направлению⁹. Настроение против него растет. Но не все рабочие так настроены. Новый издатель вынес убеждение, что многим надо вдалбливать правильное отношение, что налет патриотизма есть, имел случай наблюдать это. Составляется ответ или просто profession de foi и здесь на днях должен обсуждаться проект. Тогда я напишу. Было недавно заседание в редак[ции] нового журнала «Летопись». Суханов заявлял себя с.-д., в общем соглашались все с интернац[иональ-ным] больш[евистским] взглядом, ликвидаторы выкурены. Теперь ждем— пригласят ли кого из наших в редакцию. Попросят ли вас в сотрудники. Впрочем тут их верно только цензурн[ые] условия удерживают. К[а]к считаете вы? Можно предложить им вашу статью об оппортунизме¹⁰. Я думаю можно. Не пересылал ее вам обратно, ибо боялся, чтобы не пропала. Теперь, если не захотите в Летопись, то пошлю той же почтой, которой отправлены документы. Сообщайте. Жду ответа относит[ельно] того, что думаете о профессионалах из Сибири. К. здесь¹¹. Лев виделся с ним и писал. Горячий привет. С удовольствием читаю Коммуниста.

¹ «Коммунист»—сборник, издавался в конце 1915 г. редакцией ЦО «Социал-демократ» совместно с Ю. Пятаковым и Е. Б. Бош (П. и Н. Киевскими). Вышел всего один (двойной) номер. Дальнейший выход «Коммуниста» оказался невозможным из-за разногласий между редакцией ЦО и группой Бухарина—Пятакова. (Подробно см. XIX т. Соч. Ленина, примеч. 160).

² М. Горькому.

³ См. письмо В. И. Ленина—А. Шляпникову, сентябрь 1916 г.—II Ленинский сборник, стр. 276—281.

⁴ «Летопись»—интернационалистский журнал, основанный М. Горьким при ближайшем участии Н. Суханова, В. Базарова, А. Богданова. Журнал выходил в Петрограде с декабря 1915 г. по декабрь 1917 г. Всего вышло 25 номеров. (Подробно см. XIX т. Соч. Ленина, примеч. 130.)

⁵ «Парус»—издательство при журнале «Летопись», вокруг него группировались главным образом будущие сотрудники «Новой жизни».

⁶ Т. е. «беззаглавцев»—по имени лево-кадетского журнала «Без заглавия».

⁷ А. Шляпников.

⁸ А. Дунаев—большевик, один из руководителей Иваново-вознесенской стачки 1905 г. В годы войны—член Бюро ЦК. Умер в годы гражданской войны.

⁹ О получении редакцией ЦО повидимому, этого листка—ответа Плеханову—имеется указание в № 49 «Социал-демократа».

¹⁰ Очевидно, ст. Ленина «Оппортунизм и крах II Интернационала». В журнале «Летопись» ни одной статьи Ленина напечатано не было.

¹¹ К.—вероятно, А. С. Киселев.

[7/IV]25/III[1916 г.]. Дорогие друзья! письмо Ваше получено и давно, из-за болезни не мог отвечать. Теперь все лучше. Очень рады были инте-

рес[ным] вестям. Просим сообщать о дальнейшем. Люба¹ приехала благополучно, поручения передала. На большую часть я уж ответил.

Все не наладится правильно транспорт. Получил порядочно, опять задержка. Денег послали не мало. Теперь надеемся Лев наладит лучше. О кунштюке его правой руки² слышали тоже. Очевидно это верно относит[ельно] растрат. Мы уже боялись, не хуже ли что-нибудь, ему известны адреса. Запрашивали—нет ответа. Хотел просить вас обновить адреса.

На днях посылаем вам новый материал и листки. Вышлю их немного. Было после отъезда Льва два провала, т[ак] ч[то] хорошо, что он во время уехал. При одном провале [шпик?—А. Е.] явился на все явки одного района и в часы явок. Значит, осведомленность большая.

Путиловская стачка кончилась победой: приняли назад всех рабочих, кроме посланных сразу на фронт, чел[овек] 100. Сейчас такого же типа у Лесснера. Завод закрыт, объявлен расчет всем, не знаю, чем кончится. Путиловцы в свое время обратились с листком ко всем металлистам с просьбой поддержать. Это и заставило оставить их в покое. И все же настроение какое-то неопределенное, прямо боевого нет. Имеет значение м[ожет] б[ыть] и слабость организаций. Созданное Львом бюро³ оказалось мертворожденным. Тотчас по его отъезде из-за арестов были изъяты более деятельные члены, остальные или инертны или должны улаживать дело по призыву на войну. Теперь такое безлюдье, что и Вопросы⁴ остались почти без людей. Другие лег[альные] издания совсем некому налаживать, да и не выйдет ничего при военной цензуре.

Выходит сборник в Саратове⁵. Если увидит свет, то для второго можно ваши статьи. Тогда сообщу об адресе. Хотя можно посылать на нового издателя. Относительно ареста нового издателя все ерунда.

Пришлось прервать письмо, съездить отвезти вам материалы, кот[орые] вы скоро получите⁶. Получили ли письмо, где мы просим вас написать популярную статью о лозунге «Гражд[анская] война», кот[орый] многим непонятен. Даже писатели вроде Бориса [Авилова] оспаривают возможность выставить такой лозунг. Он хотел сам писать вам по поводу этого и того, что раз вы подписались под Цимм[ервальдским] большинством, вы не можете быть против лозунга «мира». Взял ваш адрес, но не написал.

Безлюдье здесь полное...

Аграрный вопрос, к[а]к писал уже Вам, берется к осени издать «Парус». Отдельная брошюра об Америке выходить уже не будет. Так выгоднее, да и вам, по моему, п. ч. брошюрку они хотели издать в двойном количестве, а книгу в 20 000 экз. по 100 р. за лист.

¹ Люба—она же Наташа—Гопнер.

² Богровский, секретарь Стокгольмской группы содействия РСДРП, которому Шляпников, при отъезде из Стокгольма, оставил свои вещи и который до некоторой степени был его доверенным лицом—похитил печать ЦК из чемодана и производил какие-то финансовые операции под видом представителя ЦК «Не хуже ли... т. е. не был ли провокатором.

³ Бюро ЦК 1-го созыва было создано в период с осени 1915 г. по февраль 1916 г. В него входили: Еремеев, Осипов, Шведчиков, Шляпников. Бюро 2-го созыва было создано в конце 1916 г., входили—Залуцкий, Молотов, представитель ПК Шляпников.

⁴ «Вопросы страхования»—большевистский легальный журнал. № 1 вышел в Петрограде 8 ноября (26 октября) 1913 г. В журнале принимали участие Н. Скрипник, Ч. Гурский (С. С. Данилов), И. Гладнев (Закс), Б. Г. Данский (К. А. Комаровский), П. Стучка, Винокуров, Н. Шверник и др.

⁵ Большевистский сборник «Под старым знаменем»; в нем были помещены статьи Б. Авилова, А. Витимского, А. Ломова, В. Павлова, И. Степанова, М. Фабричного. Вышел в Саратове в 1916 г.

⁶ Очевидно в Финляндию, в Териоки, куда я ездила для получения литературы и передачи материалов к депутатке финского сейма Марии Кархinen, с которой была налажена связь.

6

[10/V]27/IV[1916 г.]. Д[орогой] др[уг]! Ваше письмо от 10/IV получено. Получили ли Вы письмо в Ежем[есячном] Журнале на ваш личный адрес? Беспокоюсь за него.

От бюро осталось почти только название. Из троих уцелевших самое деятельное лицо—Еремеев, правдист, теперь нелег[альный]. За последнее время д[олжен] б[ыл] уехать для устройства с воинской повинностью и месяца два не вернется. Остальные двое рабочие, Дунаев и Осипов¹. Второй принимает участие в «Вопросах». Первый мало деятелен. Фактически теперь вопросы бюро разрешаются Дж[емсом] и—ну хоть Олегом²..., очень ценный человек, но сам сильно запачкан, разыскивался и д[олжен] б[ыл] скрываться—из-за этого не может ближе помогать по легальному издательству, из-за этого же не может войти ближе в местную или бюро работу, но фактически он и Льву помогал гл[авным] обр[азом] да и Дж[емсу] также. Дж[емс] его знает, как Костю. Лев знает его под этим именем.

Пришлось прервать письмо на несколько дней.

...Подробнее о составе литер[атурной] группы не писали вам доселе, п[отому] ч[то] она никак не спевалась. Кое кто из прежних наших литераторов отошел вполне или наполовину, другие никак не могли спеться. Теперь кто уехал, кто совсем патриотом сделался. Надеялся все же, что выйдет что-нибудь, потому откладывал. Теперь надо признать, что группы своей у нас нет. А[вилов] охотнее сначала отзывался на заказы ПК, но его проекты не удовлетворяли, особенно лозунг за мир—в гражд[анскую] войну он не верит. И теперь он отошел.

Неизвестно, конечно, насколько. Совсем недавно слышал о новом издательстве³, предпринимаемом (далее целая страница неразборчива, одна строка написана на другой) *... мне, что ничего еще не решено и в некот[ором] роде просил об этом еще не писать (между нами).

Японцы⁴ перешли к практич[еским] шагам... Думаю, что их литер[атурными] и матер[иальными] средствами можно бы воспользоваться для популярных изданий, чуждых теоретич[еских] разногласий.

* Слова в скобках вставлены Н. К. Крупской. Ред.

Здесь ужасное безлюдье: В ПК молодежь и мало; новые рекрутируются туго. Не знаю еще, было ли что-ниб[удь] вчера, 1-го мая. ПК провозгласил забастовку (на день воскресный) и демонстрации.

Почему не пишете популярных брошюрок? Нужны статьи о гражданской войне. Очень бы надо. Простите, что пишу так урывками и поздно. Транспорт получаем понемногу. Последний видели 48-й... Здесь вредит Мирон ⁵: сидит в низах, в больничной кассе, пользуется влиянием, на безлюдье особенно и ведет подкоп под Вопр[осы] Стр[ахования]. Требовал, ч[то]б[ы] его провели в редакцию. Его провалили, опираясь между прочим на то, что он был в 24 ч[аса] отставлен от редакторства в Правде и до сих пор в правах не восстановлен. Последнее соображение, конечно, легковесно. Мог не годиться на одном месте, это не значит, что д[олжен] быть всюду выставляем.

Будучи забракован в ред[акции] В[опросов] Стр[ахования], он стал агитировать за другой стра[ховой] орган.

Меня просили, ч[то]б[ы] вы высказались против такой агитации и так сказать пристыдили Мирона. М[ожет] б[ыть] это можно сделать в виде письма в ПК, между прочим.

В Москву поехал на жительство правдист Попов(?) * ⁶ (неразб[орчиво]), хотел там организовать отделение бюро. Он вполне свой человек. Я просил Карл Карлыча ⁷ дать ему ваш адрес и обучить письму. На Танину мать Луначарскую ** ⁸ надо поставить крест. Назовем этого москвича Степаном, он д[олжен] был послать вам свой адрес шведск[их] и норв[ежских] лев[ых].

К[арл] К[арлович] писал, что моск[овская] публика разочаровала его. Хорошо ли писать на этот адрес или на ваш личный.

¹ Г. Г. Осипов в годы войны член русского бюро ЦК, член рабочей группы Страхового совета.

² К. М. Шведчиков.

³ Очевидно большевистское издательство «Волна», организованное в Петербурге в 1916 г. рядом литераторов — большевиков.

⁴ Пятаков, Бош, Бухарин.

⁵ Провокатор Черномазов.

⁶ Попов - Дубовской.

⁷ М. И. Ульянова.

⁸ Луначарская - Смидович. Очевидно, какого-то поручения С. Н. Смидович исполнить не могла.

7

[20/7/VI 1916 г.] ***. Д[орогой] др[уг]! Ваше письмо от 10/VI получил. Спасибо за подробные вести.

Вы писали о 1 000 фр[анков], полученных от американск[их] немцев

* Попов (?) написано карандашом над словом неразб. Ред.

** Луначарскую написано карандашом сверху. Ред.

*** Вверху письма надпись химическим карандашом рукою В. И. Ленина «Верните по прочтении». Ред.

с.-д. в пользу жертв войны с.-д. Напишите нам поточнее, на какие цели они должны тратиться (помощь семьям с.-д.? калекам с.-д.?), но не пересылайте денег, чтобы не было потери на курсах. Мы их будем передавать из наших средств, а вы засчитаете те в суммы ЦК, посланные из России. Этот год мы старались о финансах, и из ежемес[ячных] сборов и разных мелких предприятий + продажа типографии «Дела», мы имеем теперь около 1 200 р[ублей] + вексель на 1 700 р[ублей]. Много уже истратили на транспорт, но он все еще налаживается медленно (до сих пор получили лишь 48-й № С[оциал]-Д[емократа]).

Из Б[юро] Ц[ентрального] К[омитета] поступила просьба, чтобы вы сообщили приблизительную потребность вашу на финансы—по рубрикам, если вам не составит труда: на издание газет, брошюр, на организа[цию], международные расходы и т. п., чтобы Б[юро] Ц[ентрального] К[омитета] могло представлять себе ваши расходы и необходимый для вас бюджет, который и постарается по мере сил удовлетворять.

Деньги депутатам переданы все. О «Летописи» передал, попросил выслать один экз[емпляр] на ваш личный адрес непосредственно. Задержка произошла из-за того, что Лев распорядился, чтобы два экз[емпляра] шли через Сток[гольм]. Ну, и застряли там, понятно.

Запрашивал о статьях Г. З[иновьева], сказали: нецензурны. Я сообщил, что автор предоставил делать какие угодно цензурные * исправления. Обещали пересмотреть.

Горький еще в Петрограде и болен, говорят. На днях постараюсь повидать его и сообщить вам.

Новое сложное слитное издательство¹, по словам Стеклова, имеет уже 50 000, надеется иметь 100 000. Стеклов заявил мне, что выбрана уже организа[ционная] комиссия**, в кот[орую] вошел с одной стороны Потресов, с другой—наш—Авиллов, а также Стеклов и еще кто-то из середины. Просил написать вам. Я усомнился, ч[то]б[ы] вы пошли и выразил удивление, как был приглашен Потресов, тот ответил, что всех дольше был против приглашения ликвидаторов, но остался в единств[енном] числе и «умыл руки»—подсказал я. Капиталисты, мол, давали деньги лишь при условии, что новое теоретич[еское] издательство объединит всех с.-д.—Предлагаются чисто теоретич[еские] издания—всякая полемика изгоняется. Мечтается воздвигнуть издательство à la Dietz.

Неясна для меня роль тут Горького, но ведь его на все можно склонить и душа у него отходчивая. Говорят, разговаривает мирно с Потресовым—после «Морального босячества»!!!

Вы уже чересчур напали на меня за то, что я пожалел о вашем разрыве с японцами. О них я знал, конечно, лишь по рассказам Льва, а потом

* Над этой строкой значок X и надпись химическим карандашом рукою В. И. Ленина: «Неясно. Запросы ли». Ред.

** Сбоку, от слов «Новое слитное издательство»... кончая словами «организационная комиссия»... подчеркнуто тем же карандашом, поставлен вопросительный знак и значок X Ред.

и по журналу, сильно поднявшему настроение и помогшему собрать финансы в изрядной степени.

Но если бы вы знали, какое у нас безлюдье! Это что-то непостижимое! Послали бы деньги на возвращение сибирякам да с сапогами² теперь больно скверно.

В ПК безлюдье, почему имеет большое влияние Мирон. Между проч[им] просил вас написать о последнем и *травле им Вопр[осов] Стр[ахования]*.

Теперь жена Юрия (японка)³ просит достать ей паспорт и желает приехать сюда работать в ПК. Вы ничего против не имеете? Конечно, ей сообщат, что ПК стоит на вашей точке зрения и писать по спорным вопросам не дадут.

Но для обычных листков необходимо лицо, стоящее в постоянном контакте с ПК, а такового Бюро в настоящее время выделить не может. Поневоле выходит близкий контакт с Мироном...

Настроение в низах прекрасное, всюду происходят митинги, обсуждающие всеобщую забастовку. Частичные кончались обыкновенно отправкой на передовые позиции и вот с неизбежностью выяснилась дилемма: или не бастовать вовсе или всем сообща. Посмотрим, что выйдет. По провинциям были аресты, так в Екатерин[ославе] взято 40 ч[елове]к—все своих. В Нижнем побрали свою публику почти до чиста. В Самаре в связи с закрытием Н. Голоса⁴ была заарестована почти вся своя публика—уцелел каким-то чудом один Бубнов (Химик?). В Саратове вышел сборник⁵. Надеюсь послали Вам его? Отправим им (Ольминскому) статью вашу и Г. З[иновьева]. М[ожет] б[ыть] поместят в след[ующем] сборнике.

Еще раз просьба написать популярно о гражданской войне.

¹ Спрошенный по этому поводу Стеклов сказал, что издательство предполагалось Гольденбергом, который достал деньги, кажется, через Симонова (домовладельца, социал-демократа, оказывавшего помощь деньгами).

² Паспортами.

³ Е. Б. Бош.

⁴ «Наш Голос» — меньшевистская газета, издававшаяся в Самаре в 1915, 1916 гг. (см. XIX том Соч. Ленина, примеч. 32).

⁵ См. примечание 5 к письму от [7/IV] 25/III 1916 г.

8

[26]13/XI 1916 *. Д[орогой] др[уг]! Ваше письмо от 25/X получено. Письмо Ваше Льву передано. Он категорическим образом заявляет, что не будет посвящать русских товарищей в заграничн[ые] дразги и пока держится лояльно. В бюро делал доклад о прекращении выхода Коммуниста и там принята резолюция (пришлем ее в следующий раз). Суть ее сводится к следующему: Бюро выражает солидарность с линией ЦО,

* Вверху письма надпись чернилами рукой В. И. Ленина: «Верните!» Ред.

занятой со времени войны, высказывает пожелание, ч[то]бы на стр[аницах] ЦО не допускалась дискуссия, а ч[то]бы для этого основывались особые частные издания, желало бы, ч[то]б[ы] полемика в ЦО велась более товарищеская и ч[то]бы в ЦО по возможности допускались к сотрудничеству товарищи, несогласные с теми или иными вопросами программы или тактики. Повторю подробнее об этом на днях. Из личной беседы со Львом К[арл] К[арлович]¹ вынес впечатление, что Лев очень огорчен за Бухарина, которого считает крупной силой и желал бы, чтобы его вторая статья² (по его мнению она очень интересна) была помещена. Ему указывали, что нельзя этого требовать от редакции, которая с этой статьей не согласна. Пусть, говорит, пришлют ее тогда в Россию с ответом редакции, ч[то]бы русские товарищи познакомились с ней и все упирает на то, что лучше было бы ее поместить в сборник с какой угодно критикой, что нельзя разгонять таких ценных людей, к[а]к Б[ухарин] и пр. Он собирается писать Вам сам, когда немного обоснуется.

...Мирона устранили из организации, так же поступят и с теми, кто будет продолжать с ним дела.

Поляки очень просят прислать все польские издания. М[ожет] б[ыть] можно и те, что издаются в Варшаве. За них будут присланы деньги.

Железн[ый] ф[онд] был у Симонова, кот[орый] умер. Надеются получить его у его вдовы. К этому уже предприняты шаги. Если не выгорит, постараются так или иначе непременно пополнить.

Получили ли Гучковское письмо и Сибирские листки?³ Теперь для вас переписываются П[етербург]ские листки и Сибирские листки и статьи. Материалу масса. Надо будет переслать все думские речи, кот[орые] не были в газетах. Они все у нас есть, никогда, кажется, не было еще такого интереса к ним.

Привет от Дж[емса], он остается до половины января здесь. Старый издатель⁴ отказался посылать книги—боится.

Получаете ли книги, посылаемые К[арлом] К[арловичем]?

Слитное издательство совсем не то, что Парус.

Рукопись об империализме получена⁵. Хотели снести с автором по поводу полемических глав и некоторой брани Каутского.

Горячие приветы.

¹ М. И. Ульянова.

² Статья Бухарина «К теории империалистического государства» напечатана впервые в сборнике «Революция права», изд. Ком. академии, 1925 г.

³ «Письмо Гучкова генералу М. В. Алексееву» по получении из Петербурга было опубликовано в № 57 «Социал-демократа».

⁴ Старый издатель—В. Д. Бонч-Бруевич.

⁵ Брошюра Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Проводя предварительную цензуру, издательство удалило из глав 9 и 10 целые страницы, посвященные критике Каутского и Мартова. Подробно о работе Ленина над этой брошюрой и об обстоятельствах ее издания см. XIX т. Сочинений, примечание 69.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

О РОЛИ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

(по поводу книги Г. Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне»).

Для нашей эпохи одной из актуальнейших проблем является проблема «Война и революция». Новое обострение всеобщего кризиса капитализма толкает буржуазию искать выхода в войнах, а пролетариат и многомиллионные угнетенные империализмом трудящиеся массы — в революциях. Новое обострение противоречий, взрывающих капиталистический строй, с величайшей остротой ставит в порядок дня новые войны и новые революции. Победоносное строительство социализма в СССР, нарастание революционного подъема в Европе и новая полоса революционных бурь в Азии — все это предвестники надвигающихся схваток не на жизнь, а на смерть между силами империализма и силами мировой социальной революции. Прошедшее десятилетие показало, что нет ничего более утопичного в наш век, чем пацифизм. Лишь упорное стремление мещанско-обывательских кругов скрыться от надвигающихся конфликтов под сень утешительной фразы, лишь огромные запасы реформистского навоза, накопившегося за мирную эпоху в рабочем движении и не смытого еще в первую полосу бури и натиска, а главное — колоссальные усилия буржуазии и всех реакционных классов, направленные на всемерную поддержку пропаганды пацифизма, как одного из

самых надежных орудий подчинения масс интересам империализма, — лишь все это позволяет пацифизму «рассудку вопреки, наперекор стихиям» продолжать существовать. Современная социал-демократия на потребу своих хозяев старается на тысячу ладов подделывать марксизм под пацифизм.

Книга т. Зиновьева, ставящая себе задачей показать, что марксизм ничего общего не имеет с пацифизмом, имеет тем самым известную значимость особенно для зарубежного товарища, столь основательно «обрабатываемого» пацифистами всех мастей. С другой стороны, в книге т. Зиновьева мы имеем дело с попыткой постановки проблемы «война и революция». Именно эта сторона книги приобретает особый интерес для нас, коммунистов, как в связи с нарастанием внешних и внутренних конфликтов, так и в связи с попытками правых оппортунистов навязать Коминтерну свой тезис о приоритете внешних противоречий и связанное с ним положение о том, что следующий революционный взрыв может родиться только из войны. Эта теория Бухарина, связанная с его теорией «организованного капитализма», сложилась у него в основном в эпоху войны. Так, в своей книге «Мировое хозяйство и империализм», написанной в 1915 г., Бухарин

писал: «Конкуренция переходит в высшую последнюю из мыслимых ступеней развития: конкуренцию государственно-капиталистических трестов на мировом рынке. В пределах «национальных» хозяйств она доводится до минимума только для того, чтобы вспыхнуть в грандиознейших, никогда ни в одну из предшествовавших исторических эпох невозможных размерах» (Бухарин, «Мировое хоз. и империализм», 4-е изд., стр. 115). Таким образом при намеченной тенденции развития империализма у Бухарина получается следующая схема: резкое обострение противоречий во вне, при достижении известной организованности внутри «государственно-капиталистических трестов». Без труда можно убедиться в том, что тезис о переполнении противоречий на пути международных отношений сложился у Бухарина в основном еще в эпоху империалистической войны. Воюя с социал-пацифизмом Каутского, Бухарин впал в «пацифизм наизнанку». Как же этот как будто бы ультралевый «пацифизм наизнанку» может служить современным правым? Прежде всего надо сказать, что тогдашняя «левизна» Бухарина совершенно естественно носила черты «социал-демократического уклона».

Это первое, а второе—это то, что в тогдашнем его «полуанархизме» было немало элементов смыкания с реформизмом, например, в вопросе о мелкобуржуазных резервах пролетарской революции, о переходном периоде, о возможности частичного осуществления социализма при капитализме, т. е. о «врастании» в социализм (см. об этом нашу статью № 1 «Пролетарск. рев.» за 1930 г.). «Пойдешь налево, придешь направо»—это положение Сталина находится в себе в данном случае блестящее подтверждение. Наличие возможности

смыкания этих «двух крайностей» не снимает ни в коей мере различия между ними. Тов. Зиновьев совершенно правильно отмечает два вида возможных искажений марксизма-ленинизма в вопросе о роли войн и революций.

«Марксизм,—пишет он,—ни на минуту не зарекается от революционных войн, когда к этому создаются необходимые исторические предпосылки. Напротив, марксизм открыто говорит о неизбежности революционных войн. Не сказать «революция может родиться только из войн»—это значит быть *пацифистом наизнанку*; это значит в нынешней обстановке подать палец оппортунизму,—оппортунизм возьмет всю руку» (стр. 231).

И пацифистское затушевывание роли войн в нашу эпоху и «антипацифистская» бухаринская переоценка их роли как необходимых «возбудителей» революций одинаково оппортунистичны. «Пацифизм наизнанку» правых в Коминтерне окольным путем приходит к социал-демократическому «воздержанию» от революции.

Прежде чем перейти к разбору вопроса о диалектической возможности взаимозависимости между войнами и революциями в нашу эпоху, надо оговориться, что, собственно, мы будем вкладывать в данном случае в понятие «война». Мы не будем говорить здесь о национально-освободительных и гражданских войнах, ибо они в переживаемую нами эпоху в основном совпадают с революциями. Таким образом речь будет идти о внешних конфликтах между империалистическими государствами, об их взаимозависимости с внутренними конфликтами, перерастающими в революционный взрыв.

В трактовке вопроса о взаимозависимости войн и революций и связанного

с ним вопроса о роли войн в нашу эпоху и недооценка революционизирующей роли войны и переоценка ее одинаково опасны. Ибо если первая грозит скатом к социал-пацифизму и реформизму, то вторая грозит скатом к «пацифизму наизнанку» правых оппортунистов в Коминтерне. Мы знаем, что революций не раз в истории вырастали в непосредственной связи с войной. Мы знаем, что Ленин говорил о революциях, «порожденных империалистической войной» (см., напр. Соч., т. XX, 2-е изд., стр. 11). Значит ли это, что *основной причиной* революции могут быть войны? Нет, не значит. Войны и порожденный ими глубокий экономический и политический кризис являются лишь «подспорьем революции» (Ленин). Война способствует развязыванию сил революции, война ослабляет «устой» существующего строя, дезорганизует «верхи» и помогает «низам» победоносно завершить революцию. «Порожденные» империалистической войной революции—это революции, «назревание» которых ускорила империалистическая война... И война 1914—1918 гг. и революции первого периода революционных бурь на великом европейско-азиатском материке были проявлением глубокого кризиса капитализма. Противоречия, взрывающие империализм, нашли свой выход и в революционных взрывах и в международных военных столкновениях. Ленинский лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую», охватывающий оба ряда явлений, является основным лозунгом эпохи, ибо он дает *основное направление* борьбы пролетариата. Правильная трактовка этого лозунга дает ключ к решению проблемы соотношений войн и революций в эпоху империализма.

Прежде всего надо отметить, что в

книге т. Зиновьева трактовке лозунга «превращение империалистической войны в гражданскую» даже во второй части книги, где излагается учение Ленина о войне, уделено незначительное место. Это выражается не только в количестве страниц, посвященных этому вопросу, но и во всей структуре книги. Автор идет в своем изложении от высказываний Ленина по вопросу о русско-японской войне, а не от ленинской оценки эпохи империализма. Это не случайно, ибо, по мнению т. Зиновьева, «учение (Ленина.—Д. Б.) о войне и социалистической революции в частности, его учение о превращении империалистической войны в гражданскую, в основном содержатся в его статьях «Падение Порт-Артура» (1905 г.) и «Партизанская война» (стр. 258). Итак, хотя в одном месте своей книги т. Зиновьев пишет о том, что лозунг превращения империалистической войны в гражданскую надо выводить из ленинского анализа эпохи империализма (см. напр., стр. 237), но это у него остается благим пожеланием, не более. На деле отправным пунктом для автора служат ленинские высказывания о русско-японской войне.

Анализируя статьи Ленина и тогдашнего большевистского ЦО, посвященные русско-японской войне, Зиновьев доказывает, что уже в 1905 г. Ленин в противовес меньшевистской позиции «борьбы за мир во что бы то ни стало» стоял на точке зрения использования военного кризиса в интересах революции. В этом автор видит зародыш лозунга превращения империалистической войны в гражданскую. Это утверждение правильно в такой мере, в какой мере правильно было бы сказать, что лозунг республики советов, выдвинутый Лениным в апреле 1917 г., имелся

у него в зародыше в 1905 г. Мы знаем однако, что и лозунг гражданской войны в 1914 г. и лозунг республики Советов в 1917 г. были лозунгами крутого поворота, вехами при переходе от старого этапа к новому. Поэтому ограничиться лишь показом некоторой общности в лозунгах Ленина эпохи 1905 г. и эпохи империалистической войны и не показать *специфичности* этой последней, значит *смазать* всю суть ленинского лозунга превращения империалистической войны в гражданскую, как лозунга *новой* эпохи, эпохи войн и революций, которую открывает война 1914 г. Хотя эпоха империализма началась в конце 90-х гг., хотя 1905 год уже в *известной степени* открывает начало конца мирной эпохи, но рубежом той эпохи, в которой мы живем, является 1914 г. Тов. Зиновьев правильно подчеркивает международное значение революции 1905 г., как «ускорителя» мировой социалистической революции, но нельзя забывать того, что задача непосредственной подготовки пролетарской революции была поставлена во всем объеме Лениным только в эпоху войны 1914—1918 гг.

Хотя Европа «созрела» для социалистической революции еще задолго до войны и это признал в свое время даже Каутский, но империалистическая война, положившая начало всеобщему кризису капитализма, «поставила в порядок дня» борьбу пролетариата за власть, как непосредственную и «неотложную» задачу. В проекте резолюции Циммервальдской левой (август 1915 г.) Ленин пишет: «Империалистская война открывает собой эру социальной революции. Все объективные условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата. Долг социалистов—не отказы-

ваясь ни от единого средства легальной борьбы рабочего класса, соподчинить их все этой насущной и главнейшей задаче, развивать революционное сознание рабочих, спланировать их в интернациональной революционной борьбе, поддерживать и двигать вперед всякое революционное выступление, стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма» (XIV Лен. сб., стр. 168 и 169).

Итак, «империалистическая война открывает собой эру социальной революции». Можно ли то же самое с такой же категоричностью сказать о революции 1905 г.? Нет, с *такой категоричностью* о революции 1905 г. этого сказать нельзя. Хотя, в известном смысле, революция 1905 г.—это начало конца мирной эпохи, но в 1905 г. не было еще ни такого клубка империалистических интересов и связей, ни такого клубка противоречий, как в эпоху империалистической войны и, наконец, в то время нельзя еще было говорить о всеобщем кризисе империализма. В приведенном отрывке из проекта резолюции Ленин наряду со всеми «старыми» задачами выдвигает новую основную, которой надо «*соподчинить*» все старые: «главнейшую задачу... стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей». Вот *основной* ленинский лозунг эпохи войн и революций. Брать этот лозунг Ленина *вне связи* с ленинской трактовкой империализма как *загнивающего* капитализма, вне связи с подготовкой социалистической революции—

значит *выхолащивать* его. Да и само ленинское учение (если можно говорить об особом учении о войне у Ленина) нельзя рассматривать вне ленинской теории пролетарской революции, брать его как нечто самостоятельное. Между тем в самой постановке задачи показать учение Маркса и Ленина о войне «как таковое» кроется опасность отрыва высказываний Ленина от его теории пролетарской революции, кроется опасность смазать суть лозунга Ленина на превращение империалистической войны в гражданскую, как лозунга эпохи, когда развитие капитализма пошло по *нисходящей линии*.

В книге т. Зиновьева есть несомненная тенденция не только к смазыванию различия между периодом войны 1914 г. и периодом революции 1905 г., но и к смазыванию различия между эпохой империализма и эпохой домонополистического капитализма, между эпохой, когда развитие капитализма все еще шло по восходящей линии, и эпохой, когда оно пошло по нисходящей линии. Эта тенденция не нова для т. Зиновьева. Достаточно вспомнить его выступления против т. Сталина по вопросу о взглядах Маркса и Энгельса на возможность победы социализма в одной стране.

Тов. Сталин, который дал на VII пленуме ИККИ уничтожающую критику попыткам т. Зиновьева обосновать троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной стране цитатами из Маркса и Энгельса, путем смазывания различий между эпохой домонополистического капитализма и эпохой империализма, правильно заметил, что т. Зиновьев в данном случае применяет цитаты из Маркса «не как марксист, а как социал-демократ» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 502). Нель-

зя сказать, чтобы от этой манеры цитирования Маркса и Энгельса, «отвлекаясь от исторической обстановки», он избавился вполне в настоящее время. Так, в этой своей последней книге т. Зиновьев, повидимому в целях «сближения» высказываний Маркса и Энгельса о войне с взглядами Ленина в эпоху империализма, выдвигает положение о том, что «представление об эпохе войн и революций» сложилось еще у Маркса. Это видно из следующего места книги. Излагая три составные части учения Маркса и Энгельса о войне, т. Зиновьев пишет: «Вторая тема—соотношение войн и революций (и обратно)—выясняет нам *принципиальное* отношение марксизма к войне, коренную разницу между марксизмом и всеми видами пацифизма. Знакомясь с этой темой, знакомишься и с тем, как *создалось марксистское представление об эпохе войн и революций*» (с. 22). И дальше (на с. 23) т. Зиновьев пишет: «Маркс и Энгельс *гениально предвидели ряд черт будущего империализма, а стало быть и империалистских войн*. Мы увидим ниже, что нигде и никем с такой глубиной и конкретностью *не были предвидены почти все основные черты первой империалистской войны*, как Энгельсом в его известных статьях «Социализм в Германии» и «Иностранная политика царизма», в его письмах к друзьям конца 80-х годов».

Итак, в *основном* ленинское учение об империализме и даже в частности о том его последнем этапе, который мы называем эпохой войн и революций, было уже в произведниях Маркса и Энгельса. И тут имеет место все та же тенденция к преуменьшению того *нового*, что внес Ленин на основе опыта *новой эпохи*, эпохи империализма.

Наряду с затушевыванием значения

того нового, что внесла империалистическая война, и не только она, но эпоха финансового капитализма в целом, у т. Зиновьева имеет место смазывание того положения, что война и революция—явления не равнозначные, хотя в известной степени явления и одного порядка. Тов. Зиновьев, заостряя свою книгу против пацифизма, выпячивает момент общности («явления одного порядка») и недостаточно подчеркивает специфичность этих двух явлений классового общества, а главное—не показывает их удельного веса, их соотносительного значения в нашу эпоху классовой борьбы.

В эпоху империализма глубокий кризис капиталистической системы порождает с особой силой и войны и революции. И те и другие дают некоторый выход из кризисного состояния. Эпоха войн и революций является порождением всеобщего кризиса капитализма. Этого не понимает т. Зиновьев. Новое обострение противоречий капитализма, которое мы имеем сейчас в связи с ростом мирового экономического кризиса, толкает буржуазию искать выход в новых войнах, а пролетариат и угнетенные империализмом массы—в революциях. Тов. Сталин в политотчете на XVI партсъезде указал на то, что в связи с тем, что стабилизации капитализма приходит конец, «буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики», а пролетариат, «борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции» (И. Сталин и Л. Каганович, «Отчет ЦК XVI съезду ВКП(б)», стр. 16). Войны в нашу эпоху являются порождением всеобщего кризиса капитализма, они являются попыткой буржуазии найти

выход из кризисного состояния. Ленин в опубликованном в последнем Ленинском сборнике документе прямо говорит об империалистической войне как одной из попыток буржуазии разрешить хотя бы частично противоречия и тем самым отсрочить крах капитализма. Вот что он пишет в цитированном выше проекте резолюции циммервальдской левой: «Объективные условия социализма вполне созрели, и теперешняя война есть война капиталистов за привилегии и монополии, *которые могли бы отсрочить крах капитализма*» (XIV Лен. сб., стр. 166. Курсив мой.—Д. Б.). Война дает некоторую отсрочку лишь данной стране или данной группе стран-победительниц, война новыми «привилегиями и монополиями» смягчает (на время) кризис, пытается ослабить напор рабочего класса подачками из этих новых «привилегий». Война лишь на время пресекает революционное движение, заковывая его в железо законов военного времени. Но эта передышка обычно ведет к новому более глубокому обострению кризиса, усиливая тем самым шансы победоносной революции пролетариата. *Радикальным решением противоречий империализма может быть лишь пролетарская революция.*

Война—может быть лишь «подспорьем революции». Рассматривать ее в контексте «война и революция, революция и война» иначе значит скатиться к «пацифизму наизнанку». В подходе т. Зиновьева к решению поставленной им в своей книге задачи кроется опасность такого ската к «пацифизму наизнанку». Подобная опасность не снимается тем, что Зиновьев критикует это оппортунистическое извращение ленинизма. Видеть опасность еще не значит избежать ее.

Вопрос об отношении к войнам в эпоху финансового капитала тесно связан с вопросом об отношении к социалистической революции. Пацифизм социал-демократов тесно связан с их реформизмом и соглашательством. Отношение к лозунгу гражданской войны было в эпоху 1914—1918 гг. лакмусовой бумажкой для проверки подлинной революционности всех более или менее интернационалистически окрашенных групп. Мартов, Троцкий и прочие «интернационалисты», которые были не прочь пококетничать фразами о социалистической революции, всячески откешивались от лозунга гражданской войны. И это понятно: признать лозунг гражданской войны—значило порвать со «своей» буржуазией и стать на почву действительной подготовки социалистической революции.

Для нашей эпохи войны как спутники революции приобретают особое значение. Неизбежные при империализме войны со всеми связанными с ними бедствиями усиливают тяготы и бедствия трудящихся в «мирное время» и делают его существование для масс настолько нестерпимым, что перед ними с неотвратимой силой встает необходимость беззаветной борьбы за свержение господства капитала. Войны ускоряют таким образом «назревание» революций. Борьбу против империалистических войн Ленин тесно связал с подготовкой пролетарской революции.

«Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа. Выхода *нет*, кроме революции пролетариата» (Ленин, т. XX, 2-е изд., стр. 133).

Так Ленин показал неизбежность гражданской войны за социализм, как *единственного* выхода для пролетариата и непролетарских трудящихся масс. О неизбежности превращения империалистической войны в гражданскую Ленин говорил не в связи с данной только войной, но в перспективе всей эпохи. Об этом он писал в ряде писем к Шляпникову. В одном из них он говорит: «Это превращение может быть долгим, может потребовать и потребует ряда предварительных условий, но всю работу надо вести по *линии* именно такого превращения, в духе и направлении его» (II Лен. сб., стр. 195).

Ленинская позиция в вопросе о войне определялась линией на подготовку мировой пролетарской революции. Высказывания Ленина о войне 1914 г. по своей внутренней связи несравненно ближе к его работам по вопросу о государстве и революции, о диктатуре и демократии, чем к его высказываниям о русско-японской или какой-либо другой войне. Развитие Лениным лозунгов об отношении большевизма к войне в конце 1914 и начале 1915 годов, дискуссия о разоружении с скандинавскими и голландскими левыми в 1916 г., критика официальной социал-демократической теории в вопросе о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, данная в «Государстве и революции» в конце 1917 г., и полемика с Каутским по вопросу о демократии и диктатуре в 1918 г.—все это звенья одной цепи, все это «детали» одной большой работы, работы «восстановления» и дальнейшего развития взглядов Маркса по вопросу о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

Все эти моменты в значительной степени выпадают из поля зрения т. Зи-

новьева в силу поставленной им задачи—развернуть «учение о войне» Маркса и Ленина, найти нечто общее в различных высказываниях основоположников марксизма по вопросу о различных войнах. Мы не будем разбирать вопроса, насколько закономерно здесь говорить об особом «учении», но во всяком случае нельзя обойти молчанием попытки автора поставить это учение в один ряд с основными проблемами марксизма-ленинизма. Так, в предисловии (стр. 6) т. Зиновьев пишет: «Учение Ленина о войне более свежо в памяти современного поколения рабочего класса. Но и оно недостаточно популяризировано. Эта сторона ленинизма пока изучена менее, чем другие его стороны, менее, чем, например, учение Ленина о крестьянстве или о Советах, или о роли партии».

Мы не можем согласиться с тем, что «учение» о войне можно ставить в один ряд с основными проблемами теории и тактики пролетарской революции, например с учением Ленина о партии, о крестьянстве (вернее—об *отношении пролетариата к крестьянству*), как это делают т. Зиновьев и некоторые его «последователи», отстаивающие необходимость включения в курс ленинизма *особой* темы об отношении ленинизма к войнам.

Мало этого, в книге тов. Зиновьева имеется ряд высказываний, которые звучат так, как будто т. Зиновьев считает, что учение о войне есть *основное в ленинизме*. Как понять, например, следующий отрывок: «учение о войне и социалистической революции, в частности его учение о превращении империалистической войны в войну гражданскую, в основном содержится, как мы видели уже, в его статьях «Падение Порт-Артура» (1905 г.) и «Пар-

тизанская война» (1906 г.); и та и другая статья теперь мало вспоминаются, а между тем, это положительно гениальные эскизы, содержащие «в зерне» *основное в ленинизме*» (стр. 258, курсив мой.—Д. Б.). Как будто бы ясно, что «основное в ленинизме»—это «учение о войне» (*наряду* с учением о социалистической революции, которое Зиновьев едва ли с достаточным основанием ищет в указанных статьях 1905 г.), содержащееся «в зерне» еще в ленинских статьях о русско-японской войне. Или как понять следующий отрывок (стр. 272): «Ленинизм как мировое направление в международном рабочем движении особенно тесно связан с проблемами войны. Ленин продолжал дело Маркса во всех отраслях экономики, политики, знания. Но, быть может, ни в одном вопросе эта роль Ленина, как непосредственного продолжателя Маркса, не является столь очевидной, как именно в вопросах объяснения войны, подхода к войне, выработки тактики мирового пролетариата во время войны и т. д. Роль Ленина как непосредственного продолжателя Маркса сказала прежде всего в его учении о войне. Значение ленинизма, «как мирового направления», опять-таки тесно связано с проблемами войны». Разве в своем «благородном увлечении» изложением учения о войне тов. Зиновьев не подходит вплотную к превращению ленинизма из теории и тактики пролетарской революции в теорию и тактику борьбы против войн?

В этой же связи надо рассматривать фразу т. Зиновьева о том, что «борьба против грядущих войн стала *осью* всей политики нового Интернационала» (стр. 262). Хотя вопрос о борьбе против войн имеет огромное значение в нашу эпоху, но «*осью* политики» (слово «осью» подчеркнуто Зиновьевым) Коминтерна

является подготовка пролетарских революций во всем мире, одной из важных составных частей которой является и борьба против войн. Эта формулировка, на которой можно было бы не остановиться, если бы она не была так созвучна ряду других высказываний автора и если бы она не имела определенного политического значения, еще раз показывает, что т. Зиновьев приписывает войнам чрезмерную сравнительно с революциями роль, «теряет чувство меры» в этом вопросе и скатывается к правым оппортунистам, которые цент тяжести переносят на внешние противоречия и порожденные ими войны.

В заключение несколько частных вопросов, связанных с затронутой темой. О лозунге поражения. В книге т. Зиновьева недостаточно подчеркнут особый, если так можно выразиться, характер этого лозунга. Так например, он говорит о *трех* основных лозунгах ленинизма, составляющих «тактический треугольник» эпохи войны — лозунг гражданской войны, поражения и III Интернационала. Этим самым как бы говорится о том, что лозунг поражения — это равноправный лозунг с лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую. Здесь имеется известная связь с «сужением» трактовки этого последнего лозунга у тов. Зиновьева.

Затем о лозунгах Ленина эпохи войны, намечающих перспективу развития революции в России. Тов. Зиновьев приводит по этому вопросу лишь упоминание о «трех китах» в манифесте ЦК и ничего не говорит о ленинских документах осени 1915 г. Так на стр. 163 читаем: «В начале империалистической войны Ленин, однако, считал, что этого «ускорителя» непосредственно хватает только на то, чтобы приблизить

во времени *демократическую* (курсив Зиновьева.—Д. Б.) революцию в России и сделать ее максимально «радикальной», и дальше: «И лишь через 21½ года империалистской войны оказалось (!!), что этот «ускоритель» принес в России не только приближение демократической революции, но и возможность непосредственного превращения этой последней в революцию социалистическую. *Тогда* (курсив мой.—Д. Б.) Ленин выдвинул уже лозунг не демократической, а социалистической революции также и для России» (там же). Итак т. Зиновьев считает, что в революцию 1917 г. большевики вошли с той же оценкой характера и перспектив развития революции в России, что была у них в 1905 г. Вопрос этот и в историко-партийной литературе и общепартийной литературе достаточно освещен и едва ли требуется доказывать несостоятельность подобного утверждения, особенно после публикации Институтом Ленина ленинской статьи «Поражение России и революционный кризис» (см. «Новые статьи и письма», вып. 1, стр. 15—20). Неслучайность подобной оценки у т. Зиновьева очевидна. Она связана и с общей тенденцией книги к стиранию различий между эпохой 1905 г. и эпохой империалистической войны, с известной недооценкой переломного характера этой эпохи.

Все эти замечания далеко не исчерпывают всего изобилия вопросов, которых «касается» более или менее бегло т. Зиновьев в этой своей книге. Этой задачи мы перед собой и не ставили в этой статье «по поводу» книги т. Зиновьева. О книге в целом надо сказать, что она отнюдь не повышает качества нашей «научной продукции». Наоборот, обилие цитат, нередко выдер-

нутых из контекста, отсутствие четких постановок вопроса, отсутствие «стержня», случайность соединения некоторых частей книги под одной обложкой—все

это отнюдь не делает книгу т. Зиновьева образцом для новых кадров, изучающих историю партии и ленинизм.

Д. Баевский

РЕЦЕНЗИИ

М. В. ФРУНЗЕ. Собрание сочинений под общей редакцией А. С. Бубнова. Том. 1. 1905—1923 годы. Гиз. 1929, стр. 692, цена 5 рублей. Том II. 1924 год. Гиз. 1926 г. 323 стр., цена 2 р. 50 к. Том. III. 1925 год. Гиз. 1927 г. 402 стр., цена 2 р. 50 к.

Выход в свет всех трех томов собрания сочинений М. В. Фрунзе является одним из самых крупных наших достижений на военно-научном фронте. Более того, сейчас ни один из историков пролетарской революции не сможет пройти в своих исследованиях мимо этого собрания сочинений крупнейшего революционера и вождя Красной армии. Интерес к сочинениям М. Ф. Фрунзе усиливается еще тем обстоятельством, что он работал и закалялся, как революционер, в годы жестокой реакции после 1905 года, что полный расцвет его революционной и военно-научной деятельности совпал со всеми этапами борьбы Красной армии на различных фронтах гражданской войны. Изучать историю последней без сочинений М. В. Фрунзе сейчас абсолютно невозможно. Наибольшее значение имеют, однако, не его исторические работы, а изложение им учения о войне, впервые за всю нашу историю данное с четкостью и ясностью мысли, которая может быть присуща только такому крупному военному мыслителю, как М. В. Фрунзе.

1-й том охватывает период с 1905 по 1923 годы. В начале тома помещена обстоятельная статья тов. А. С. Бубнова, в которой, наряду с биографическим материалом, дана характеристика М. В. Фрунзе как военного теоретика, военного организатора и где совершенно справедливо указывается на все значение произведений М. В. Фрунзе. Вслед за статьей тов. Бубнова помещены тек-

сты прокламаций, составленных М. В. Фрунзе за время его подпольной работы в Иваново-вознесенском районе в 1905—1907 гг. Содержание этих прокламаций насыщено революционной энергией и пламенным призывом к восстанию. Как известно, за революционную деятельность М. В. Фрунзе был приговорен к смертной казни, замененной затем многолетней каторгой.

Статьи и речи М. В. Фрунзе за 1918 год проникнуты стремлением дать отпор надвигавшейся интервенции, раскачать широкие массы и создать крепкую армию. Наряду с этим после своего перевода с Западного фронта в Иваново-Вознесенск Фрунзе пишет работу «Иваново-вознесенская губерния в сельскохозяйственном отношении». Для историка-аграрника эта работа представляет большой интерес, так как она ставит проблему превращения Иваново-вознесенской губернии из потребляющей в производящую сел.хоз. продукты.

В центре страны М. В. Фрунзе пробыл недолго. Его перебрасывают на Восточный фронт против Колчака в 4-ю армию, а затем командующим южной группой армий Восточного фронта. Это та самая группа, которая, под руководством М. В. Фрунзе, разбила Колчака на подступах к Волге. В 1-м томе приведены подлинные приказы М. В. Фрунзе за этот период. В этих приказах, помимо военно-исторического материала, внимание читателя привлекает умение сочетать текущие боевые мероприятия с большими политическими проблемами. В обращении с красноармейскими массами чувствуется большой стаж подпольщика-массовика. Этот период истории в Красной армии был связан с изживанием партизанщины, и здесь организаторские таланты М. В. Фрунзе получили обширное поле деятельности.

Его оперативные идеи поражают не только своей смелостью, но и глубоким пониманием сложившейся тогда военной обстановки. Крупные специалисты старой армии, работавшие в те дни в штабе М. В. Фрунзе, рассказывают в своих воспоминаниях о том, как быстро и четко усваивал он военное дело.

В конце 1919 г. после разгрома Колчака М. В. Фрунзе был переброшен с своими войсками на освобождение осажденного белыми Туркестана. Здесь он пробыл до осени 1920 г. Приведенные в 1-м томе приказы и статьи, относящиеся к этому периоду его деятельности, почти все появляются в печати впервые. Сложность обстановки, порожденная не столько военными действиями, сколько национальными противоречиями, до сих пор освещена в нашей военно-исторической литературе очень слабо. Ряд воззваний к населению и войскам вскрывают те трудности, которые в тот момент приходилось преодолевать на этой далекой окраине.

Не успел М. В. Фрунзе упорядочить дело в освобожденном Туркестане, как партия снова поручает ему ответственную задачу—ликвидацию Врангеля. Все многократные попытки весной и летом 1920 г. покончить с Врангелем ни к чему не приводили. Надвигалась зима, и в условиях затянувшейся трехлетней гражданской войны и невероятного разорения страны надо было во что бы то ни стало покончить с Врангелем. Если в первых выступлениях против Колчака М. В. Фрунзе только ищет пути для оперативного размаха, то в операциях против Врангеля он проявляет себя, как крупнейший работник всей эпохи гражданской войны. Несколько основных мероприятий по созданию перелома в настроении красноармейских масс, правильное сосредоточение превосходных сил, рашительный маневр с охватом обоих флангов белых... и от Врангеля остаются жалкие остатки, быстро эвакуирующиеся в Константинополь. Некоторые приказы этого периода и оперативные заметки из записной книжки М. В. Фрунзе опубликованы впервые.

1921 год позволил постепенно сокра-

щать Красную армию и переходить к мирному строительству вооруженных сил, но бандитизм на Украине принял громадные размеры, и для его ликвидации приходилось употреблять красноармейские части. С махновщиной М. В. Фрунзе разделался так же решительно, как и с Врангелем.

Несмотря на военные действия против бандитизма М. В. Фрунзе сумел воспользоваться некоторой передышкой, создавшейся на фронте, для пополнения своего военно-теоретического багажа. Красная армия переживала в те дни переход от периода боевых действий к мирным формам работы, и в своих статьях «Единая военная доктрина и Красная армия» и «К реорганизации французской армии» М. В. Фрунзе впервые формулирует всю систему своих взглядов на характер строительства вооруженных сил в условиях диктатуры пролетариата.

В конце 1921 г. М. В. Фрунзе совершает поездку в Ангору. Его путевые заметки не только интересны по содержанию, но и рисуют перед нами М. В. Фрунзе как талантливого публициста и писателя. Турция в результате мировой войны и последовавшей затем борьбы с империалистами переживала глубокий кризис. Наша помощь и сочувствие национально освободительному движению Турции приняли тогда вполне конкретные формы, и с этой точки зрения путевые заметки М. В. Фрунзе дают богатейший материал.

1922 год застает М. В. Фрунзе на Украине. В многочисленных речах и статьях продолжается им упорная борьба по отстаиванию своих взглядов на характер строительства Красной армии. Каждое положение, каждый тезис приходилось защищать от озлобленных нападок. Выступление на XI съезде РКП(б), такая крупная работа, как статья «Регулярная армия и милиция», все это различные стороны одного и того же вопроса. К этому же периоду относятся две статьи: «К истории социал-демократии в Иваново-Вознесенской губернии» и «Октябрь в Шуе». 25-летие партии нашло отражение в статьях «Наша партия» и «25 лет РКП(б)». Ряд статей и

докладов на общеполитические темы характеризуют работу М. В. Фрунзе, как одного из основных политических работников на Украине в тот период. Историк советского строительства Украины мимо этих речей не пройдет, ибо найдет в них богатый фактический материал.

Весь 1-й том обильно снабжен примечаниями, схемами, снимками, указателями и с этой точки зрения представлял большую ценность.

2-й том включает работы М. В. Фрунзе за 1924 год, являвшийся годом военной реформы Красной армии. Руководил этой реформой сам М. В. Фрунзе. Он реорганизовал центральный аппарат, организовал территориально-милиционную систему, поставил по-новому вопрос о соотношении между военной работой и хозяйственным строительством страны, дал сильный толчок национальным формированиям, усилил военно-научную работу и т. д. Все эти новые установки нашли свое отражение в многочисленных статьях и речах, предназначенных как для военных, так и для гражданских работников. В конце 2-го тома помещена крупная работа «Европейские цивилизаторы в Марокко», где он излагает историю борьбы риффов с империалистами. Эта статья только лишняя раз подтвердила, что М. В. Фрунзе глубоко разбирался в колониальном вопросе. Как и 1-й том, 2-й том снабжен большим количеством примечаний, схем, указателей и пр.

3-й том дает статьи и речи за 1925 год. Реформа Красной армии в самом разгаре. Размах организованных мероприятий М. В. Фрунзе еще больше увеличивается. Новые задачи—усиление техники Красной армии, усиление квалификации начсостава Красной армии, еще большая увязка работы военного ведомства с гражданскими экономическими органами—вот основной лейтмотив выступлений М. В. Фрунзе. Его общая теоретическая концепция достигает необычайной точности и шлифовки мысли, и если он и не оставил нам в наследство законченной теоретической работы учения о войне, то во всех его речах и статьях имеется достаточно материала, чтобы

заложить основы этого учения. Наиболее интересны и актуальны взгляды М. В. Фрунзе на характер будущей войны. Но, прежде чем перейти к изложению этих взглядов, укажем, что в 3-м томе имеется интересная статья М. В. Фрунзе «О художественной литературе»: это его речь на заседании литературной комиссии ЦК ВКП(б) 3 марта 1925 года. Бесспорный интерес также имеет статья «Ленин и Красная армия», в которой изложены взгляды Ленина на вооруженную силу пролетарской революции.

Основной предпосылкой для определения характера будущей войны М. В. Фрунзе выдвигал политическую оценку международного положения СССР. Это международное положение он оценивал как крайне неустойчивое и постоянно подчеркивал невозможность длительного параллельного существования советского и буржуазного мира. Чем сильнее становится,—писал он,—советское хозяйство, чем прочнее укрепляется наше политическое положение, чем больше делается наш политический и военный вес, тем самым большая опасность создается для буржуазного капиталистического мира. Этот мир через экономическую и политическую блокаду перейдет к попыткам чисто вооруженной борьбы. В будущих военных столкновениях нам придется иметь против себя объединенную силу всего империалистического лагеря, но попытаться ущемить нас на том или ином направлении, тем или иным способом можно и без организации всеобщего единого фронта. Мы в любой момент должны быть готовы отразить нападение международного капитала.

Исходя из неизбежности столкновения СССР с капиталистическим миром, М. В. Фрунзе неоднократно указывал, что инициатива нападения не будет принадлежать нам. Нам невыгодно приближать момент такого столкновения. Однако не исключена возможность и такой обстановки, при которой пролетарскому государству придется, быть может, взять почин на себя. Об этом прямо говорит декрет правительства, установивший в качестве одной из задач Красной ар-

мии поддержку пролетарской революции в Европе. Мы не сможем политически оставаться на положении только обороны. Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготавливать ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций. Как в условиях обороны, так и в условиях нападения Красная армия будет являться орудием защиты пролетарских интересов не только своей страны, но всего мира. В этом ее сила и мощь.

В своих работах М. В. Фрунзе останавливается на том положении, что будущая война для нас всегда будет революционно-классовой. Будущие столкновения неизбежно будут нести на себе черты нашей минувшей гражданской войны, а гражданская война, как война классовая, должна быть решающей по преимуществу.

В войне будущего нам придется драться, по словам М. В. Фрунзе, имея против себя могучего и сильного противника, гораздо более серьезного, чем противники минувшей гражданской войны 1918—1921 гг. Будущая война будет войной массовой. Будут выброшены все те силы, которыми располагает враждебная нам буржуазия. Из этого вытекает принципиальная основа строительства Красной армии. В мирное время Красная армия—лишь остов армии военного времени. Она составляется из сочетания двух принципов: постоянной кадровой армии и армии милиционной. Но вместе с тем вся наша система обороны должна принять такие организационные формы, которые позволили бы обучить всю многомиллионную массу рабочих и крестьян, ибо право защиты социалистического государства может быть вверено только трудящимся. Полное невежество и военную безграмотность обнаруживают те, — утверждает М. В. Фрунзе, — кто думает во время будущей войны ограничиться небольшой кадровой армией. Это детский лепет.

Не маленькая армия, а армия, охватывающая в конечном итоге все трудовое боеспособное население.

М. В. Фрунзе указывает, что серьезные потрясения буржуазного, капиталистического мира будут играть большую роль при выработке стратегического плана будущей кампании. Однако в определении будущих операций и в анализе характера будущих столкновений мы внутри собственной военной организации должны уделить главное внимание не надеждам на политическое разложение противника, а моментам фактической возможности активно физически его раздавить. Формула нейтрализации противника есть проявление чистой воды меньшевизма. Это то самое ликвидаторство, сказал как-то Фрунзе, которого я опасюсь при требованиях оборонительной постановки вопросов политических и военных.

Вполне понятно, что при анализе характера будущей войны М. В. Фрунзе не мог пройти мимо оценки роли и значения военной техники на войне. Он указывал, что рост техники должен оказывать действие на тактику и стратегию и что многое придется здесь пересмотреть под новым углом зрения. Развитие авиации, химии, радио и пр. открывает самые широкие перспективы для техники на полях будущих сражений. Трудно даже себе представить, с чем наиболее передовые армии выйдут на поля сражения будущих битв. Оружие предстоящей войны будет значительно отличаться от оружия мировой войны.

Фрунзе весьма конкретно оценивал роль отдельных родов оружия. По отношению к авиации он указывал, что всякое государство, которое не будет обладать мощной, организованной, обученной воздушной силой, неизбежно будет обречено на поражение. И хотя буржуазия преувеличивает значение воздушного флота, стремясь подменить живую силу техникой, но тем не менее значение воздушного флота будет огромным. М. В. Фрунзе не представлял себе возможности твердого обеспечения границ Советской земли без достаточного наличия морского флота, но в связи с отсутствием у нас желания вести

агрессивную морскую политику он подчеркивал, что мы, по всей вероятности, даже при самых благоприятных бюджетных условиях ограничимся программой постройки мелких судов оборонительного характера. Вполне оценивая значение технического перевооружения армии, М. В. Фрунзе призывал считаться с тем техническим оборудованием, которое уже имеется, с реальными возможностями настоящего момента, с трудностями перевооружения армии, и считал необходимым исходить из тех образцов, которыми мы обладаем, внося в них усовершенствования и изменения. Но вместе с тем он решительно настаивал на том, чтобы дать в вопросах технического перевооружения такой толчок вперед, чтобы армия почувствовала, что в отношении военной техники она не будет поставлена по крайней мере в значительно худшие условия, чем армия наших возможных противников.

Наряду с этим М. В. Фрунзе отмечал, что техника одна не может решить судьбы отчаянных схваток, которые будут иметь место между миром труда и капиталом. Техника находится в руках человека, что же касается человеческого материала, то в этом отношении Красная армия является наиболее мощным, наиболее боевым инструментом. Для того чтобы успешно вести борьбу с теми техническими средствами, которыми сейчас вооружается буржуазная армия, требуется величайшая сознательность, требуется величайшая культурность, и та сторона, которая не сумеет в этом отношении заложить все необходимые основы еще в мирное время, неизбежно обречена на неудачу во время войны. Решающую роль в ближайшие годы будут играть не аэропланы и не химия, а те самые роды оружия, которые являются преобладающими до настоящего времени. Победа будет решаться основным родом оружия—пехотой. На Красную конницу выпадает чрезвычайно ответственная роль в обеспечении мобилизационного развертывания, ибо нам надо будет выиграть довольно большой промежуток времени, чтобы подготовиться к войне.

Наконец, М. В. Фрунзе давал об-

щую оценку понятия боеспособности армии и государства. Боевая пригодность армии всякого государства будет измеряться способностью выполнить те боевые задачи, которые перед нею встанут. Если мы посмотрим вообще на то новое, что выдвигается в области военного дела в современных условиях, то следует признать, что центр тяжести мало-по-малу от оператора переходит к организатору. Удачный исход будущей войны в гораздо меньшей степени зависит теперь от правильного оперативного руководства, чем от правильной постановки организации тыла и всего того, что подготавливает ведение военных операций. Конечно, вся эта работа при плохом оперативном руководстве результатов не даст, но центр тяжести все же перенесется все больше и больше в сторону организационных вопросов.

Таковы взгляды М. Ф. Фрунзе по основным вопросам будущей войны. Они нами приведены с максимальным приближением к дословному тексту работ М. В. Фрунзе. В целом они представляют собой довольно стройную систему взглядов на характер будущей войны выдающегося деятеля Красной армии, подлинного ленинца-большевика и мыслителя-марксиста, каким был М. В. Фрунзе.

Когда прочитываешь собрание его сочинений, то перед глазами проходит вся история нашей борьбы за торжество идей Октябрьской революции. Через многочисленные этапы проходит творчество М. В. Фрунзе, это этапы нашей революции, наших побед. Изучение произведений М. В. Фрунзе должно стать обязательным для каждого сознательного бойца за мировую революцию. Хотя Фрунзе не дожил до реконструкции нашего социалистического хозяйства, хотя переходный период от военной обстановки к мирной жизни и наложил сильный отпечаток на произведения М. В. Фрунзе, но тем не менее большинство выдвинутых им положений сохраняют свое актуальное значение и на сегодняшний день. Во всяком случае при разрешении текущих задач Красной армии надо, в качестве первоначальной базы, исходить из установок,

данных М. В. Фрунзе, и затем лишь вносить поправки за счет современности.

С. Белицкий

ДОКЛАДЫ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ВТОРОМУ СЪЕЗДУ РСДРП.

Предисловие и общая редакция Н. Ангарского. Гиз. М.—Л. 1930, стр. 323+1. Цена 2 р. 40 к.

Рецензируемый сборник материалов бесспорно является крупным явлением в историко-партийной литературе последнего времени. Одной из самых слабых сторон во всей нашей работе по истории партии является то обстоятельство, что обычно история местных организаций, их развитие, рост, отражение в них общепартийных процессов и общепартийной борьбы освещаются очень слабо. История партии в значительной мере превращается таким образом в историю партийных центров. Изучение «действительного процесса жизни» партии низводится до «истории развития ее тактических, организационных и программных воззрений». И если у некоторых (Юдовский) это возводится в принцип, то обычно, и гораздо чаще, это в корне неправильное, не ленинское освещение истории партии отражает лишь низкий уровень ее развития, как науки, неизученность материала, свидетельствует о том, что мы еще не имеем подлинной научной истории партии. Не случайно состоявшееся в феврале текущего года совещание по преподаванию истории партии и ленинизма в принятых им тезисах «История партии, как наука» специально отметило, что *«поскольку партия является системой партийных организаций, постольку история ВКП(б) должна быть не только историей центральных организаций и учреждений партии, но должна быть основана и на обобщении истории местных организаций, должна быть основана на научной истории местных организаций, которая находится еще в зачаточном состоянии»* (подчеркнуто нами.—Н. В.). Именно с этой точки зрения представляет значительный интерес рецензируемый сборник.

За последние годы в нашей печати (в частности, в «Ленинских сборниках», в переписке Аксельрода, Потресова и др.) опубликован довольно богатый материал, позволяющий по-серьезному поставить изучение эпохи «Зари» и «Искры», однако этот материал характеризует главным образом работу партийных центров (если так можно говорить о той эпохе). Рецензируемое издание является весьма существенным дополнением, дающим ценный и новый материал о рабочем движении и состоянии местных социал-демократических организаций, их развитии, внутренней идейной борьбе, о размахе и характере их работы. Разумеется, нельзя рассматривать эти доклады как сколько-нибудь исчерпывающий материал: они очень неполны, часто отрывочны, но тем не менее ценность их для изучения эпохи очень велика. Они впервые в сколько-нибудь систематизированном виде дают цельную и достаточно яркую картину состояния партийных организаций и партийной работы на местах накануне II съезда партии.

Правда, редакция сборника совершенно справедливо предупреждает читателя о необходимости критического отношения к печатаемым докладам. Помимо фактических неточностей и ошибок, являющихся результатом «добросовестного заблуждения» авторов, базировавшихся либо на собственной памяти, либо на сообщениях других участников движения, доклады, как документы прежде всего *политические*, а отнюдь не исторические, в значительной мере отражают субъективные взгляды их авторов на основные вопросы движения и борьбы. Картина борьбы между экономизмом и искровством, даваемая значительной частью докладов, несомненно отражает личное (отнюдь не всегда беспристрастное) отношение к этим течениям авторов докладов. При работе над сборником необходимо помнить об этом и проверять соответствующие утверждения докладов путем перекрестного сличения их с другими показаниями и источниками. Однако это ни в коем случае не может умалить ценности сборника. Самая субъектив-

ность их придает им сугубое значение, как *документам эпохи*, ярко воспроизводящим настроения партийных организаций и обстановки борьбы за создание партии. Поэтому едва ли возможно будет теперь хоть сколько-нибудь серьезное изучение данной эпохи без использования настоящего сборника; не только для преподавателей, пропагандистов, комвузовцев, но и для тех, кто будет заниматься исследовательской работой над периодом, он явится необходимым источником.

В этой рецензии мы не можем изчерпать вопросов, затрогиваемых в докладах. Ограничимся лишь некоторыми, на наш взгляд наиболее существенными.

Центральное место в сборнике занимает «Доклад организации «Искры» II съезду РСДРП». Необычайно ярко рисует он значение «Искры» не только как органа, но и как *организации*, ее истинную роль и влияние в социал-демократической работе в России. Простая сводка тех центров, с которыми была связана «Искра», где были ее агенты и группы содействия (стр. 26, 27 и др.), ярче слов характеризует организационную работу «Искры».

Для правильного понимания развития всей дальнейшей истории партии очень интересно отношение местных комитетов к «Искре». Прежде всего необходимо остановиться на группе «Южного рабочего». Совершенно правильно отмечает в своем введении т. Н. К. Крупская, что позиция и роль «Южного рабочего» на съезде недостаточно учитываются, а без этого многое происшедшее на II съезде останется непонятным. «Южный рабочий», даже примкнув организационно к «Искре», сохранил целый ряд таких особенностей, которые решительно расходились с линией «Искры». Недовольство «Южного рабочего» резкостью полемики «Искры» с либералами, переоценка либералов и, наоборот, недооценка значения «крестьянского движения»,—все это почти за год до II съезда предопределило оппортунистическую, меньшевистскую позицию «Южного рабочего» на съезде. Любопытно, что еще в конце 1901 г.,

когда на съезде «Южного рабочего» развернулась полемика между искровцами и антиискровцами по «вопросу о сущности русского самодержавия, присутствовавшие там искровцы выдвинули и защищали против взглядов экономистов именно *меньшевистскую* концепцию внеклассовой природы русского самодержавия, с особыми самодовлеющими интересами (стр. 173).

Очень интересен процесс перехода других комитетов на сторону «Искры». Даже у наиболее дружественных комитетов отчет отмечает отношение к «Искре» на первых порах как к делу им совершенно чуждому. «Свое»—это *местное* дело, а не общепартийное. «Сидят как в яме, ничего не знают, что делается в других местах» (Киев). Вообще картину разобщенности, кустарщины, кружковщины, господствовавших в партии, отчет дает необычайно ярко.

Однако характерно и другое: корни будущего меньшевизма можно с полной отчетливостью найти не только у «Южного рабочего», но и целого ряда других комитетов, особенно—у быв. сторонников «Рабочего дела». В Нижнем, напр., прежние приверженцы «Рабочего дела», перейдя на сторону «Искры», сохранили тем не менее недовольство ее полемикой, находя, что «Искра»—«скорее демократический, чем социал-демократический орган», что классовая точка зрения мало подчеркивается и т. д. И не случайно целый ряд комитетов, отзываясь нелестно об «Искре», являлись сторонниками «искровского» «Южного рабочего». Отчет прямо физически ощутительно показывает, как еще задолго до съезда внутри некоторой части РСДРП зрело и складывалось то течение, которое на съезде оформилось как меньшевизм. Именно эти комитеты и составляли ту оппозицию «искряков из России» редакции «Искры», о которой говорит предисловие редакции сборника. И тем более заслуживает внимания тот факт, подчеркнутый в сборнике и т. Н. К. Крупской, что, несмотря на все эти обнаружившиеся еще до съезда симптомы, необходимой настороженности не было, а она была необходима (стр. 25).

Из других моментов в «Докладе «Искры»» существенно указание на ту роль, которую сыграло в России появление брошюры «Что делать?», у многих расшеявшей легенду о стремлении «Искры» к «захвату власти» и обеспечившей «Искре» многочисленных сторонников (стр. 44). Насколько велико было значение этой брошюры Вл. Ильича, можно судить по тому, что такая крупная организация, как Союз горнозаводских рабочих Юга России, как он сам сообщает в своем отчете, «строил свою организацию по плану, развиваемому г. Лениным в брошюре «Что делать?» (стр. 196).

Следующий документ сборника — о Петербургском расколе (зимой 1902—1903 гг.) — представляет интерес, так как сообщает ряд интересных подробностей об этом мало освещенном в литературе эпизоде, в то же время достаточно ярко вскрывает принципиальный смысл этого раскола, борьбу оппозиции против *общепартийной* работы и ненавистного ей централизма.

Очень содержателен и важен для дальнейшего изучения истории партии «Доклад о московском соц.-дем. движении». Здесь наибольший интерес представляет часть доклада, рисующая возникновение Зубатовской организации, проникновение Зубатова в революционную среду, приведшее в конце концов к полному развалу всей революционной работы. Этот процесс переплетения полицейской провокации и революционной деятельности, приведший к тому, что на известный период времени «революционная социал-демократия спасовала перед полицейским социализмом», изображается очень выпукло. Отчетливо вскрывает доклад и причины, породившие усиление «экономических» настроений в Москве на основе успехов экономической борьбы рабочих. До каких пределов доходил в Москве оппортунизм «экономистов», можно судить по заявлению вождя их Л. Рума о том, что «конспирация — устарелый метод, она несовместима с наступившей широкой деятельностью среди рабочих (стр. 115).

В приложении к докладу дано интересное письмо П. Б. Аксельрода

(1896 г.), где он выдвигает весьма своеобразный план работы — план коллективных обращений к редакторам легальных изданий с требованием большего освещения в печати рабочего движения на Западе. Доклад приводит и ответ москвичей на это письмо, ответ довольно-таки невежливый, объясняя его тем, что склонные к «экономизму» москвичи были против предлагаемой Аксельродом схемы политической агитации. Никакого другого объяснения этого «невежливого» ответа не дает и редакция сборника. Между тем, совершенно независимо от отношения москвичей к политической агитации, они по существу и не могли дать никакого иного ответа на этот насквозь оппортунистический план Аксельрода. Этот план, кстати сказать, весьма напоминающий будущий план «земской кампании Искры», а позже — план петиционной кампании, — действительно рассчитан был на такое младенческое состояние рабочего движения, что естественно должен был вызвать самое резкое возмущение московских работников, независимо от их отношения к политической агитации вообще.

Следующие доклады сборника — Донского к-та, Северного раб. союза, Сибирского союза, Киевского, Тульского и др. — менее значительны по своему содержанию, но и они дают много ценного.

Комментарии и примечания к докладом точно так же дают большой материал по фактической истории периода и ценные библиографические указания, которые, несомненно, окажутся полезными читателю при изучении периода «Искры» и «Зари» (а отчасти — и периода 90-х годов).

Н. В — ский

В. Ф. Г. За Невской заставой. Записки рабочего Алексея Бузинова. С предисловием Б. Горева. Гиз. Москва — Ленинград. 1930 г. Тираж 5 000 экземпляров. Стр. 176. Цена 1 рубль.

Объектом записок А. Бузинова¹ является Семяниковский (официально —

¹ Это имя является вымышленным.

Невский судостроительный и механический) завод. Автор ярко изображает ту часть рабочих этого завода, которая отличалась наибольшей отсталостью и не была затронута «ни пропагандой, ни общественными интересами, ни проблесками стихийного классового возмущения». Это и наложило, повидимому, свой суровый отпечаток на память и сознание автора, в записках которого нет ни слова о рабочем движении на знаменитом Шлиссельбургском тракте — за Невской заставой и вообще в Питере от 1890 до 1904 гг.

Совершенно не случайным поэтому является то, что в период революции 1905 г. среди этой отсталой рабочей массы несомненным влиянием пользовались мелкобуржуазные эсеры, в чью организацию кстати попал и сам автор записок. Только эсеровским воспитанием и обязан автор тому, что на всем его в общем чрезвычайно ярком описании событий лежит печать ограниченности; особенно резко заметна эта печать, когда автор пытается анализировать события, что ему совершенно не удается, как это и будет видно ниже. В частности, именно эсеровским ослеплением можно объяснить утверждение автора, что социал-демократы совсем не выступали на выборах во вторую Государственную думу, когда эсерам действительно успешно удалось провести своих уполномоченных от предприятий Шлиссельбургского тракта в то время, как питерская с.-д. организация в начале 1907 г. переживала стадию глубокого раскола.

Однако эсеровские успехи нельзя объяснить только отсталостью известной части рабочих Семяниковского завода, этого «передового застрельщика Невской заставы» к голосу которого рабочие других промышленных заведений чутко прислушивались¹... Вообще «рабочие за Невской заставой для того времени были более сознательны, чем в других районах Петербурга. Л. Мартов прямо так и говорит в своих записках, что Шлиссельбургский тракт является

более просвещенным, чем другие районы»¹.

О том, что рабочие этого завода в общей своей массе не были отсталыми, свидетельствует также и то, что еще в 1879 г. Г. В. Плеханов агитировал и руководил стачкой семяниковцев. Из среды рабочих этого завода вышли такие народовольцы, как А. К. Пресняков, В. С. Панкратов, первомайцев Тимофей Михайлов (известный на заводе, как Сергей Лапин) и такие социал-демократы, как известный ленинский соратник — слесарь И. В. Бабушкин, токарь С. И. Фунтиков и др. Среди рабочих Невской заставы, в том числе и семяниковцев, работали в 1891—1896 гг. Н. К. Крупская, П. Ф. Куделли и др. в качестве преподавателей в так называемой «Корниловской школе» или «Смоленских классах». Эта школа, носившая среди рабочих название «Красного дома», «была настоящей лабораторией для выработки сознательных рабочих». Очевидно, немалое значение имела она, если ее посещал В. И. Ленин².

Таким образом, причины преобладания эсеровского влияния за Невской заставой нужно искать не только в отсталости отдельных частей рабочих, но и в своеобразном головокружении от пышных революционных фраз и эффектной террористической деятельности эсеров, что позволяло им, эксплуатируя популярные среди семяниковцев традиции «Народной воли», именем которой эсеры клялись на всех перекрестках, объявлять себя монополярными ее «продолжателями» и привлекать к себе рабочих. Немалое значение имело также и непонимание рабочими межпартийной и фракционной борьбы большевиков с эсерами и меньшевиками.

Это непонимание лучше всего отражено в крайне несложной концепции автора о классе и партии и о взаимоотношениях партий между собой. Так межпартийная борьба внутри рабочего класса представляется ему не следствием искания им наиболее верных пу-

¹ «Красная летопись» № 1, 1930, стр. 146.

¹ «Красная летопись» № 2, 1930, стр. 139

² Там же, стр. 141 — 144.

тей для победоносной классовой борьбы, а чем-то «искусственным, внесенным... извне, партийными вождями». Поэтому автор в своих наивных рассуждениях целиком на стороне тех рабочих, которых «смущала и раздражала партийная полемика» и которые считали межпартийную борьбу чуть ли не гибельным для революции делом. От сознания автора ускользает, что на определенных исторических отрезках времени внутри рабочего класса бывают прослойки, часто попадающие под мелкобуржуазное влияние; что действительный авангард рабочего класса—его подлинная партия «должна представлять не столько колеблющиеся настроения рабочих масс, сколько длительные, научно понятные интересы всего класса в целом»; что множественность политических течений являлась следствием «недостаточной классовой сознательности даже передовых элементов российского пролетариата»; что только тогда стала возможной единая пролетарская партия, когда авангард рабочего класса прошел через неизбежный исторический этап длительной и упорной борьбы с враждебными пролетариату партиями, какими внутри него были эсеры и меньшевики. Автор совершенно не понял сути разногласий между эсерами и с.-д.—с одной стороны и большевиками и меньшевиками—с другой¹.

Основанием для мечтаний автора о политическом мире между социалистическими партиями на ряду с другими причинами, очевидно, являлось возникновение за Невской заставой общерайонного межпартийного «рабочего комитета», составленного из представителей с.-р. и с.-д. «для согласования действий

обеих партий и руководства рабочим движением».

Автор—активный участник 1905 года—казалось бы должен был дать достаточно выпуклую оценку столь важного в ходе революции события, как создание питерского СРД. А между тем мы считаем, что «с переездом рабочего комитета в город и превращением его в Совет рабочих депутатов по существу ничего не изменилось, кроме того, что число депутатов возросло раз в десять. Все же самое переименование понравилось всем» (стр. 79). Итак, создание СРД—это только переезд и превращение рабочего комитета, что всем понравилось... Это уже не упрощенное мышление и не наивность, а прямо какая-то комическая пантомима, как бы сознательно разыгрываемая автором, и полное непонимание роли Петербургского Совета РД в 1905 г. Надо полагать, что свои записки он писал уже теперь—в наши дни, когда роль и значение советов определились настолько, что каждая черточка из истории их зарождения, развития и работы должна быть с чрезвычайной бережностью сохранена и запечатлена, но у автора ничего этого не нашлось вследствие причин, уже отмеченных нами.

Все же несмотря на отмеченные недостатки записок, они с бытовой стороны будут прочтены с интересом. Описание семьи, детства, воспитания и юношества автора, раннее поступление его на завод и обучение в кузнечном цехе—все эти бытовые штрихи необыкновенно живо и ярко воскрешают лицо рабочей среды в повседневной обстановке прошедшей эпохи.

Самого большего внимания заслуживают страницы записок, которые со всей непосредственностью, присущей автору, передают кровавую картину 9 января и того, как вся рабочая масса, а вместе с ней и автор, быстрыми шагами пошла к невиданному революционному подъему. По словам автора предисловия Б. Горева, эти страницы «принадлежат бесспорно к лучшим и интереснейшим в нашей мемуарной литературе» о кровавом «воскресении». Не лишены интереса и строки, посвященные

¹ Только силой владеющей автором иллюзии можно объяснить его утверждение о существующей якобы терпимости рабочих к чуждым убеждениям». В качестве доказательства этого автор рассказывает, что рабочие Невской заставы в период Февральской революции будто бы равнодушно смотрели на монархическую агитацию отдельных черносотенцев-дружинников 1905 года. В действительности же, как свидетельствует об этом и автор предисловия Б. Горев, питерские рабочие в первые же дни февральского переворота разгромили редакции черносотенных газет.

борьбе рабочих против пьянства и бойкоту водки и трактиров, в чем особое место принадлежит женщинам. Этот, на первый взгляд, малозначущий штрих в то же время являлся огромным культурно-облагораживающим фактором и одновременно — политической демонстрацией против одной из главнейших статей дохода царской казны. Любопытно также освещение истории возникновения и деятельности черносотенных дружин, к которым присоединилась, к сожалению, и незначительная группа рабочих Невской заставы, что, однако, не помешало всей рабочей массе этого района вести с погромщиками успешную борьбу.

Правдиво и ярко описано участие автора в террористических и экспроприаторских покушениях. Плохо разбираясь в «проклятых вопросах» о методах революционной борьбы, автор быстро увлекся сначала вообще эсеровской террористической тактикой, а затем и максималистской. Однако дикий разгул индивидуального террора и экспроприаций, вызвавший осуждение со стороны рабочих масс и личные неудачи автора, отрезвили его, и он, как это ни странно для эсера того времени,

«отказался от боевой работы, а заодно и от максимализма. Небольшое размышление убедило его, что «итти вперед лучше тише, но с рабочим, чем быстро с разными хлыщами в серых брюках и сбродом охранников» (стр. 124).

Пролетарской бодростью и верой в непобедимость революции и силу рабочего класса веет от строк автора, сурово и резко осуждающего упадочничество и разложение, начавшееся в 1907 году среди части бывших революционеров и сопровождавшееся самоубийствами и другими общеизвестными видами ухода от революции. Но и в этом случае, как и в анализе причин, толкавших рабочих к анархизму, террору, экспроприациям и прямому разочарованию в революции, автор не уходит дальше поверхностного мышления, чем значительно уменьшает ценность своих, по сути дела, здоровых и метких оценок. Годы тюрьмы, этапов и десятилетней каторги изображены в чрезвычайно бодром тоне. Эти строки хотя и мало, но все же дают, дополняют подробности того, что уже известно из других трудов о тюрьме, каторге и ссылке.

М. Острогорский

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП (б) и ленинизм

Ленин В. И. Сочинения. Том XXVI. 1920—1921. Издание второе, исправленное и дополненное. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати К. П. Новицким. Институт Ленина при ЦК ВКП (б). Гиз М.-Л., стр. VIII + 750 + 18 илл.

Ленин. Избранные произведения (в шести томах). Под общей редакцией В. Адоратского, А. Криницкого, М. Покровского, К. Попова, М. Савельева и

Е. Ярославского. Том 1. 1894—1904 годы. Институт Ленина при ЦК ВКП (б), Гиз М.-Л., тираж 200 000, стр. XXVI + 724. Одна фото-илл.

Отчет XVI Партийному Съезду. Институт Ленина при ЦК ВКП (б). Гиз М.-Л. Стр. 80 + 10 илл. Одно факсимиле. Тираж 5 000. Бесплатно.

История ВКП (б). Т. II, вып. 1. «1905». Составили Г. Крамольников, И. Минц, Н. Никитин, О. Римский, А. Роос, Н. Эльвов, Ем. Ярославский,

Под общей редакцией Ем. Ярославского. Гиз М.-Л., тир. 35 000, стр. 771, ц. 2 р. 75 коп., перепл. 75 коп.

И. Вайнштейн. Гегель, Маркс и Ленин. Издание второе дополненное. Гиз, М.-Л., тир. 10 000, стр. 349, ц. 2 р. 50 к., перепл. 75 коп.

Революционное движение и классовая борьба в России

И. П. Белоконский. В годы бесправия. Воспоминания. Изд-во политкаторжан. Тираж 4000, стр. 160, ц. 1 р. 70 к.

«История пролетариата СССР». Под редакцией П. О. Горина, Е. П. Кривошеиной, В. В. Максакова, Ю. К. Молотова, В. И. Невского, А. М. Панкратовой (ответств. редактор), М. Н. Покровского, С. А. Пионтковского, И. Л. Татарова. Сборник первый. Из-во Комкадемии, тир. 4000, стр. 296, ц. 3 р.

А. Комаров и П. Кромицкий. Революционное движение. Хроника революционных событий в ЦЧО 1918 г. Том первый (губернии Воронежская и Тамбовская). Изд-во «Коммуна». Воронеж, тир. 1060 экз., стр. 187, ц. 2 р.

Е. Е. Колосов. Государева тюрьма Шлиссельбург. По официальным данным. Предисловие Н. А. Морозова, 2-е

доп. изд. Изд-во политкаторжан. Тир. 5000, стр. 330, ц. 2 р. 75 к.

На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова. Под редакцией А. Деборина. Гиз, тир. 3000, стр. 652, ц. 5 р.

На женской каторге. Сборник статей под редакцией В. Фигнер. Изд. политкаторжан, тир. 5000, стр. 234, ц. 2 р. 25 к.

В. Перазич. Ю. Д. Мельников. Изд. «Пролетарий». Тираж 3000, стр. 244, ц. 1 р. 30 к.

Международное революционное движение и Коминтерн

М. Годес. Новый революционный подъем Китая и Индии. Гиз, стр. 92, ц. 20 к.

Г. Зайдель. Очерки по истории Интернационала 1894—1914 гг. Гиз, тир. 5000, стр. 240, ц. 2 р.

А. Ивин. Очерки партизанского движения в Китае 1927—1930 гг. Гиз, стр. 107, ц. 70 к.

А. Лозовский. Десять лет Профинтерна. Изд-во ВЦСПС, стр. 41, ц. 12 к.

П. Мисф. Нарастание революционного движения в колониях. Изд-во «Пролетарий», тираж 5000, стр. 62, ц. 12 к.

РАБОТА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА

РАБОТА ИНСТИТУТА ИМЕНИ СТ. ШАУМЯНА

Работа Института имени Ст. Шаумяна за время с 1/VIII 1929 г. по 1/VI 1930 г. в значительной мере определялась тем положением, которое он занял после его реорганизации из Истпарта ЦК и БК АКП в Институт истории классовой борьбы при Совнаркоме и Баксовете, причем под вопросом оставалось положение, является ли Институт отделом ЦК АКП(б).

Поставив перед собой очень широкие цели, охватывающие не столько историю партии, сколько общен исторические и даже экономические темы (завоевание Азербайджана Россией, история хлопководства в Закавказье и т. д.), Институт при бедности научными работниками естественно оказался непригодным для выполнения своей основной функции изучения истории АКП(б) и массового революционного рабочего и крестьянского движения.

До октября 1929 г. в Институте существовало 6 кабинетов: 1) аграрный, 2) антисоветских партий; 3) кабинет Шаумяна; 4) АКП(б), 5) промышленности и рабочего движения, 6) истпрофкабинет. В каждом из указанных кабинетов работало по несколько человек с довольно большим количеством практикантов (напр. аграрный кабинет и АКП(б)).

Не имея твердого кадра работников, некоторые кабинеты еще до октября ликвидировались. В октябре была проведена реорганизация кабинетов и сокращение некоторых работников. Вместо шести было оставлено 3 кабинета: 1) кабинет истории АКП и Шаумяна; 2) аграрный кабинет и 3) кабинет про-

мышленности и рабочего движения. В каждом из указанных кабинетов было оставлено необходимое количество работников.

Работа кабинетов за истекший период выражается в следующем:

1. *Кабинет истории АКП.* Было созвано совещание бывших участников 1 съезда АКП(б) для восстановления истории подпольной организации и 1-го съезда АКП(б), так как документов об этом нет никаких. Кроме того было созвано совещание участников боевых дружин 1917—1918 гг., результатом которого зафиксирована история Красной гвардии в Баку. Вся эта работа послужила основой для выработки тезисов к 10-летию 1-го съезда АКП(б) (опубликованы как приложение к соответствующему номеру «Бакинского рабочего»). Кроме тезисов к 10-летию 1-го съезда АКП(б) Институт был помещен ряд статей в прессе, посвященных съезду.

Большая работа проделана Институт в связи с десятилетием АССР: выпущены отдельной брошюрой на русском и тюрском языках тезисы для докладчиков, помещено более 15 статей в газетах (на трех языках) и т. д. Кроме того выпущена вторым, сильно переработанным, изданием книга Саркиса «Борьба за власть». Сдана в набор брошюра «Биография Изизбекова».

Сейчас кабинетом готовится к изданию следующая литература: 1) АКП в период Мусавата 1918—1920 гг. (Сборник партийных документов, протоколы БК, ЦК и Крайкома); 2) Рабочая конференция периода Мусавата

(протоколы); 3) I-й том сочинений Степана Шаумяна; 4) Уклоны в АКП. При кабинете работает постоянный научный сотрудник для изучения тюркских коммунистических организаций эпохи Мусавата и его работа скоро будет издана.

Кроме перечисленной работы по кабинету заканчивается работа т. А. Раевского «Большевики и меньшевики в Баку в 1905 г.» (выйдет осенью) и работа т. Ратгаузера «Нефтепромышленный рабочий между двумя революциями».

2. *Кабинет промышленности и рабочего движения.* В этом кабинете работают два научных сотрудника. Кабинетом заканчивается работа: «Забастовочное движение бакинского пролетариата в 1917—1920 гг. размером в 7—8 печатных листов. Кроме того кабинетом проделана подготовительная работа по теме: «Нефтяная промышленность и нефтяная буржуазия», размер 15—20 печатных листов. Для работы по сбору материала по истории нефтяной промышленности за период до 1905 года (включительно) состоялось 3 командировки: в Ленинград, Москву и Тифлис; наряду с этим велась работа и на местах. В результате выявлено значительное количество материалов. Работа по сбору материала проводилась: Госархивом, Публичной библиотекой (Ленинград), Арх. народного хозяйства, Древнехранилищем, Библиотекой имени Ленина (Москва) и Госархивом Грузии (Тифлис). Необходимые библиографические сведения кабинет получает из библиотеки Института Ленина.

3. *Аграрный кабинет.* Аграрным кабинетом за истекший период проведены следующие работы: Разработан статистический материал за период второй половины XIX и XX вв. (до 1918 г.) по следующим темам: а) земельный фонд Азербайджана; б) пространство и население Азербайджана; в) материал по переписи 1919 г. (поездные итоги); г) данные по сельскому хозяйству.

Собран текстовый материал по темам: а) колонизация (переселение) Закавказья; б) хлопководство в Азербайджане

(текстовый и цифровой материал); в) аграрный вопрос в XIX столетии; г) аренда земли. В своей работе по сбору материала кабинет пользовался аппаратом ЦСУ, а также фондами Госархива. Наряду с этим он получал материал из Тифлиса, Публичной библиотеки имени Ленина, Комакадемии и т. д.

Кабинет установил связь с Международным аграрным институтом и Ком. академией. Чтобы сосредоточить работу Института на основных моментах истории АКП и в связи с организацией в Баку АзГНИИ, Аграрный кабинет передан туда, причем Институт Шаумяна оставил за собой только изучение массового крестьянского движения.

Аграрным кабинетом закончены следующие работы: 1) «Земельная политика Мусавата» (сдана в редакцию, 5 л.); 2) «Очерк аграрных отношений в Азербайджане»; 3) «Беки и крестьяне». Издания, подготовленные аграрным кабинетом, будут выпущены под общей маркой АзГНИИ и Института Шаумяна.

Институт имени Шаумяна приступил к переводу сочинений Ленина на тюркский язык. Переведено и сдано в редакцию уже более двух томов (6-томник). Работа проводится совместно с издательством АзГиз.

Работа по созданию единого парт. архива выражается в том, что приняты секретный и общий отделы ЦК и БК АКП(б) и проводится работа по приведению в порядок имеющегося материала.

К приему архивов фракций профсоюзов и окружкомов будет приступлено осенью.

По линии библиотеки производится работа по сбору всех периодических изданий АССР и Закавказья. Производится отбор книг, хранящихся в других библиотеках и относящихся к истории революционного движения. Всего Библиотека имеет до 7 000 книг. Установлена связь с испартами в целях обмена изданиями.

Существующий при Институте Музей революции развернул свою работу, наметив твердый план и обеспечив осуществление его соответствующими средствами. Раньше мало внимания уделя-

лось Музею, и в таком крупном центре, как Баку, хорошо оборудованного Музея фактически не было. В данный момент Музеем проведена полная реорганизация следующих отделов: 1) От оформления социал-демократии до революции 1905 г., 2) Революция 1905 г., 3) Отдел гражданской войны и Мусавата. Наибольшее внимание уделяется краеведческому материалу. По указаниям Института Ленина организована комната Ленина.

В своей работе Музей установил тесную связь с Музеем революции СССР. Кроме того ведутся переговоры об организации Институтом Маркса и Энгельса отдела «Революция на Западе».

Посещаемость Музея в среднем выражается до 1400 человек в месяц. С 1/II по 28/IV музей был закрыт в связи с проводимой работой к 10-летию АССР. Музей революции имеет до 3500 экспонатов.

Музеем ведутся подготовительные работы к реставрации подпольной типографии «Искра». Установлена связь с участниками, выявлено местонахождение типографской машины подпольной типо-

графии «Искра». Вопрос о реставрации типографии получил уже разрешение в секретариате ЦК АКП.

В начале марта при Институте организован Истмол, для работы в котором выделен работник ЦК АЛКСМ. В данный момент проводятся организационные работы, как, например, установление связи с подпольными работниками комсомола, закавказскими комсомольскими организациями и с работниками, ранее работавшими в Баку.

Подводя итоги, следует указать, что Институт все еще не справляется со своими задачами, нуждаясь в некоторой реорганизации. В связи с этим нами поставлен перед ЦК АКП вопрос о переименовании его в Институт истории партии, освободив его от всех функций, не свойственных партучреждению и усилив научными работниками, особенно тюрками. Принципиальное согласие ЦК АКП с обоими этими предложениями имеется. Положение с работниками облегчится еще и тем, что с осени 1930 г. Институт использует группу аспирантов АзГНИИ, работающих по истории партии.

В. Рахметов

О РАБОТЕ КРЫМСКОГО ИСПАРТА

В истекший период конца 1929 и начала 1930 г. Крымскому испарту прежде всего пришлось заняться вопросом о создании своего аппарата на местах.

Существовавшие в 1928—1929 гг. райистпарты в большинстве случаев числились на бумаге, так как со стороны районных комитетов этой работе не уделялось почти никакого внимания. Испартотделу пришлось заново проделать работу по созданию на местах опорных пунктов своей работы. Было выработано специальное положение о райистпарткомиссиях, по которому существовавшие до того времени райистпарты ликвидировались, а вместо них при РК ВКП(б) создавались *истпартовские комиссии* в составе: уполномоченного испарта, члена бюро РК, представителей группы подпольщиков, истмола (РК ВЛКСМ), истпрофа (Райпрофбюро) и музеев революции. Вместо громоздких и нежизнеспособных

постоянных «бюро райистпартов» по положению должны организовываться лишь временные *группы содействия*, с определенной целевой установкой (освещение того или иного события; установление революционного или партийного стажа, проработка определенного вопроса и т. д.).

Надо сказать, что, несмотря на ряд наших указаний и напоминаний о перестройке форм и методов испартотделовской работы в соответствии с требованиями момента, большинство РК относится к этой работе с явно недостаточным вниманием. Об этом говорит хотя бы то, что несмотря на ряд напоминаний (в течение более 6 месяцев) только 3 райкома (из 10) информировали Испартотдел о состоянии испартработы на местах.

С другой стороны, до 1929 г. Испарт не имел вокруг себя сплоченного актива и квалифицированного кадра

научных работников. В октябре—ноябре 1929 г. Истпарту удалось этот кадр подобрать и объединить в количестве 40 товарищей, способных по заданиям истпартотдела вести научно-исследовательскую и литературную работу. Часть этих товарищей привлекается для рецензирования отдельных работ и мемуаров; часть—для непосредственной научно-исследовательской работы, по выполнению нашего литературно-издательского плана.

За указанное время Истпарту удалось установить тесную связь с десятками бывших крымских подпольных работников, которые привлекаются к даче своих воспоминаний, присылке документов и проверке статей и воспоминаний быв. участников революционного движения. Установлена систематическая связь с московской группой быв. крымчаков-подпольщиков, а также с филиалами О-ва старых большевиков и О-ва политкаторжан.

Секретариат ОК, заслушав 3/IV информацию о концентрации партархивов и задачах Истпарт, принял предложение об укомплектовании Истпарт и партархива новыми научными сотрудниками с академической подготовкой и с опытом научно-исследовательской и литературной работы. При подыскании соответствующих кандидатур это даст возможность осуществить реорганизацию Истпарт в научно-исследовательский институт и расширить исследовательскую, особенно издательскую, деятельность Крымистпарт.

В сентябре—октябре 1929 года Истпартотдел выработал общий план работы отдела в целом. Затем, по предложению Института Ленина, был выработан отдельный литературно-издательский план, утвержденный Бюро Крым-ОК ВКП(б) и Отделом местных истпартотделов Института Ленина. План составлен на трехлетие 1930—1932 гг. и включает разделы: 1) история партийной организации, 2) история комсомола, 3) революция и гражданская война в Крыму, 4) революционное крестьянское движение, 5) национальное татарское движение, 6) черноморский флот в ревдвижении. Из этого плана, включающего в

себя 18 отдельных тем, намечено к изданию в 1930 г., в связи с 25-летним юбилеем революции 1905 г. и 10-летним юбилеем Крымской АССР, 10 названий. На 9 работ уже имеется договоренность с авторами и есть полная надежда, что годовой план если не на 100, то на 90%, будет в 1930 г. выполнен.

В начале 1930 г. Истпарт предполагал выпустить работу Ремнеля «Красная гвардия в гражданской войне». По независящим от Истпарт обстоятельствам выпуск работы несколько задержался. Уже сданы в печать работы тт. Бочагова «Милли—Фирка» и готовится к печати Бояджиева «Из истории татарского комсомола в Крыму». Кроме этого Истпартотделом готовятся материалы к другим работам и собираются материалы (главным образом воспоминания) к 10-летию Крымской АССР (в сборник, издаваемый юбилейной комиссией).

Что касается работы по отделению единого партархива, то ремонт помещения для него, возведение стелжей и устройство железо-бетонной комнаты закончены. 18 мая получены архивы (кроме Феодосийского) от Евпаторийского и Ялтинского райкомов. На днях прибывает особо ценный партархив из Севастополя, а также будут приняты архивы Симферопольского, Джанкойского и Бахчисарайского РК и фракции КСПС. Все указанные архивы разбираются. Разбор архива ОК закончен и частично приступлено к его описанию.

Для инструктажа и приема архивов в ряд районов делали специальные выезды завистпартотделом, зав. партархивом и архивариус. В ближайшее время будут закончены личное инструктирование и предварительный прием партархивов на месте в остальных районах (Керчь, Бахчисарай, Карасубар и др.). Сейчас Истпарт прилагает все усилия к тому, чтобы к концу 1930 г. закончить концентрацию архивов, их разборку и приступить к их описанию.

Наряду с текущей истпартотделом работой Истпартотдел принял активное участие в проведении юбилейных дат и годовщин. К 12 годовщине Октября

ской революции Истпартотдел дал ряд указаний РК, райистпарткомиссиям, музеям революции. Истпарт рекомендовал увязать освещение общероссийских событий с событиями крымского революционного переворота, с историей гражданской войны в Крыму. Музеям революции было предложено исправить идеологическую линию в экспозиции отдельных документов путем изъятия тех из них, которые носили следы «макаровщины» и имели эсеровско-меньшевистский уклон и т. п.

9 января 1905 г. и день смерти Ленина областным истпартотделом были проведены во всекрымском масштабе. Задолго до этой даты Истпартотделом была создана специальная комиссия, которая составила план проведения этого дня для всего Крыма с вовлечением в эту работу максимального количества рабочих масс и актива с дореволюционным стажем. Музей революции Крыма оборудовал специальную небольшую выставку, подобрав материалы по истории партии, центрархив занимался подбором документов, местная печать выпустила номер газеты, посвященный 9 января с большим количеством статей и воспоминаний. Симферопольская истпарткомиссия организовала вечер спайки 3 поколений, посвященный 9 января, на котором присутствовало до 400 чел. рабочих с фабрик и заводов.

На вечере приняли участие в полном составе симферопольские филиалы О-ва старых большевиков и О-ва политкаторжан, которыми была развернута вы-

ставка фотоэкспонатов революционного движения со специальным отделом, характеризующим партию в период от II до III съезда РСДРП. Выставка пропустила большое количество экскурсий профсоюзов.

Подготовка к 25-летию юбилею революции 1905 г. была начата Истпартотделом с получением первых указаний Института Ленина. План подготовки и проведения юбилея разослан для опубликования всем крымским газетам. Даны исчерпывающие указания о подготовке к юбилею всем райкомам.

Одновременно с подготовкой к 25-летию юбилею революции 1905 г. Истпарт принимает участие в комиссии по подготовке к 10-летию юбилею освобождения Крыма.

Кроме того, Истпарт принял участие в работах комиссий по устройству памятников: а) освобождения Крыма; б) борцам революции 1917—1920 гг. Проект памятника борцам революции, устанавливаемый в г. Симферополе комиссией уже принят (всего было представлено до 100 проектов).

Ближайшей задачей Истпартотдела является: а) выполнение литературно-издательского плана работы на 1930 г.; б) дальнейшая концентрация архивов райпарторганизаций и комфракций; в) проведение 25-летнего юбилея революции 1905 г.; г) укомплектование истпартотдела и архива научно-подготовленными сотрудниками и сплочение вокруг Истпартотдела партийных кадров, способных вести научно-исследовательскую работу.

Аверкин

ПАРТАРХИВ НИЖНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ

Отделение Единого партархива Нижневолжского края находится в Саратове и занимает две комнаты в крайархбюро. В партархиве имеются главным образом дела организаций, находящихся в Саратове: Саратовского губкома за 1917—1928 гг., четырех райкомов Саратова—1917—1925 гг., ячеек Саратова 1919—1928 гг. и фракций Саратова и Аткарска. С мест получены архивы только из двух округов—Аткарского и Петровского. Связь с местами не налажена, инвентарные опи-

си пока не составлены, фонды не выделены, работа выполнялась лишь по подбору материалов для текущей работы Истпартотдела и для дачи справок. Работа по собиранию в крае партийных архивов идет вяло, несмотря на то, что партархив существует уже около года. Большинство архивов остается еще на местах, в низовых организациях и в округах, где они хранятся частью в окружных комитетах, а частью—в крайархбюро.

В зависимости от отношения местных

работников и положение партийных архивов различно. Так, напр., в Астрахани, где партархив находится в окрархбюро, концентрацию начали по собственной инициативе еще с 1927 года и до настоящего времени там собрано более 13 с половиною тысяч дел, в том числе архивы Астраханского губкома, райкомов, укомов, волкомов, ячеек, комфракций, Астраханского губкома комсомола и т. д.

В Балашовском округе сбор материалов начался с конца 1928 г. в связи с районированием, когда было предложено ликвидированным организациям сдать свои дела в окружной комитет партии. Дела поступали в разрозненном виде, и только с помощью мобилизованных партийцев были разобраны по годам и организациям. Нельзя не остановиться на условиях, в которых происходила эта работа. Помещение, занимаемое партархивом в подвале окрисполкома, где находится и окрархбюро, раньше служило местом для свалки всякого хлама. Тут лет десять стояли ящики с какою-то старой противотифозной сывороткой, тут же валялся на полу бюст Александра II, снятый из земской управы, сюда же год за годом складывали без всякого порядка старые партийные документы укома. В помещении стояло зловоние от разложившейся сыворотки, так что нужно было еще много поработать, чтобы более или менее привести это помещение в порядок, но и теперь в партархиве еще грязно и мрачно, так как этот подвал освещается лишь небольшими темными окошками, находящимися почти под самым потолком.

В Сталинграде архив находится в окружкоме в двух просторных, хорошо оборудованных комнатах. Начата работа по разбору дел Царицынского губкома и уже приведены в порядок дела с материалами за 1918—1922 гг.; остальной архив, кроме материалов Сталинградского окружкома по 1929 г., состоит из материалов бывших укомов и райкомов г. Сталинграда, Царицынского губкома комсомола за 1920 г. и архива ликвидированного Истпарт. Работа по разборке продолжается.

В Камышинском округе архив также находится в здании окружного комитета. Занимает он настолько маленькое помещение (не более 2—3 кв. метров), и настолько оно до самой двери забито материалами, что в него невозможно войти. Сколько там дел и есть ли материалы других организаций, кроме Камышинской,—никто не знает, так как архив не разобран и описей на него не составлено.

В Нижневолжском крае во время гражданской войны целые районы были охвачены нашествием белых, неоднократно производились эвакуации и даже были случаи полного разгрома партийных и советских учреждений (Астрахань, Камышин и др.). Во время этих событий, конечно, погибла и уничтожена масса партийных документов, благодаря чему архивы многих партийных организаций очень неполны. Так, например, в Астраханском округе дел за 1917 г. совершенно не сохранилось, за 1918 г. имеются лишь отдельные разрозненные материалы 4—5 организаций, архивы же Астраханского губкома и райкомов сохранились тоже в неполном виде лишь с 1919 г. и даже позже. Много погубило также и в Камышинском округе. Все, что там уцелело в борьбе с бандитизмом, это—лишь отдельные папки и разрозненные дела за 1918—1920 гг.

К сожалению, до сего времени в некоторых даже руководящих партийных и комсомольских организациях края наблюдается крайне халатное отношение к архивным документам. Так, например, в Саратове летом 1929 г., при обследовании складов Крайпотребсоюза среди утильсырья были обнаружены архивы ячейки РКП(б) при рабфаке за 1923 г., Саратовского уездного комитета партии за 1922 г., 2-го райкома РКП(б), доклады-отчеты по пионердвижению за 1923 г. и другие материалы,— всего десять разных дел, которые по составлении акта были переданы в Истпарт. В том же 1929 г. едва не был уничтожен архив фракции губотдела печатников.

Саратовский окружной комитет комсомола при переезде из Саратова в Аткарск свой архив оставил во дворе

крайкома, откуда дворник часть архива продал как старую бумагу торговцам на базар. В Балашовском округе продал архив на обертку и был за это привлечен к ответственности секретарь Козловского волкома. Относительно архива комсомола в этом округе зав. архивом заявил, что «дело из рук вон плохо—архив в полном беспорядке, никто им не интересуется и ничего делать не хотят. Вспоминают об архиве лишь во время кампаний, когда понадобятся материалы». Такое отношение крайне тормозит концентрацию архивов. Ме-

жду тем архивы, находящиеся в Саратове и округах, состоят главным образом из материалов руководящих организаций, губкомов, укомов, райкомов. Архивы же низовых организаций собраны частично, и в этом направлении Краевому партархиву предстоит большая работа.

Саратовскому истпарту и краевому комитету ВКП(б) следует ближе подойти к этому вопросу и принять меры к тому, чтобы выполнение директивы ЦК ВКП(б) о Едином партийном архиве не было сорвано.

Е. Попова

ПАРТАРХИВ ЦЧО

Партархив ЦЧО находится в Воронеже и помещается вместе с Истпартом в Музее революции.

Концентрация архивов началась с февраля 1930 г. и за это время проделана значительная работа. Собраны архивы Воронежского, Тамбовского, Курского и Орловского губкомов, 20 уездных комитетов, 14 волкомов, 11 ячеек, 12 комфракций и ЧОНа одной из бывших губерний. Большинство этих материалов, за исключением Орловского губкома, разобраны и на них составлены инвентарные описи. Имеется также до 4000 экземпляров печатных изданий,—отчеты, протоколы конференций, инструкции, журналы, издания АПО, связанные с кампаниями, и т. д., а также до 20 названий газет, областных и окружных.

Собирание партийных материалов затрудняется большою их распыленностью. Архивы многих ячеек и комфракций учреждений и профсоюзов, вместе с архивами этих учреждений, сдавались в общие архивы, и теперь предстоит большая работа по выборке их оттуда.

Много воронежских архивов погибло во время гражданской войны, утеряно при эвакуации учреждений во время

нашествия белых. В частности, за исключением материалов тамбовской организации, утеряны все дела 1917 г.; даже за 1918—1919 гг. архивы сохранились частично.

Чрезвычайно туго подвигается сдача комсомольских архивов. В комсомольских организациях приходилось наталкиваться на весьма небрежное отношение к архивным документам, так, например, в Курском окружном комсомоле представителю партархива заявили, что «архивами нам заниматься некогда».

Работа партархива ЦЧО в значительной степени тормозится отсутствием достаточного помещения. Архивы, сосредоточенные в Воронеже и уже разобраные, представляют собою более восемнадцати тысяч единиц, но многое еще осталось на местах, главным образом в низовых организациях, ячейках, фракциях и т. д. Не получены архивы контрольных комиссий. Все эти организации по четырем губерниям, вошедшим в ЦЧО, дадут очень много материала. Между тем партархив располагает всего двумя комнатами, которые уже заполнены, и вновь поступающие материалы некуда девать.

Е. П.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний (окончание)	3
П. Прагер. Легальный марксизм	53
Р. Хабас. РСДРП и «земская кампания» 1904 года	84

ТРИБУНА

С. Агурский. Национал-демократические тенденции на историческом фронте в Белоруссии	103
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

М. Покровский. О возникновении Истпарта	138
В. Каюров. 1905 год в Сормове	140
Б. Данский. «Правда» и рабочая страховая кампания 1911—1914 гг.	171

МАТЕРИАЛЫ

Из переписки русского бюро ЦК с заграницей в годы войны (1915—1916 гг.) с предисловием А. И. Елизаровой	177
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: Д. Баевский. О роли войн и революций в эпоху империализма (по поводу книги Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне»).	196
Рецензии: С. Белицкий. М. Фрунзе. Собрание сочинений под общей редакцией А. Бубнова. Тома I, II и III.—Н. В—ский. Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП под редакцией и с предисловием Н. Ангарского.—М. Острогорский. В. Ф. Г. За Невской заставой	205
Новые книги	215

ХРОНИКА

Работа местных истпартов и отделений единого партархива: В. Рахметов. Работа Института им. Степана Шаумяна.—Аверкин. О работе Крымского истпарта.—Е. Попова. Партархив Нижневолжского края.—Е. П. Партархив Ц. Ч. О	217
---	-----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

в 27-ми
ТОМАХ

В. И. ЛЕНИН

в 27-ми
ТОМАХ

СОЧИНЕНИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. М. МОЛОТОВА, М. А. САВЕЛЬЕВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Том I. 1893—1896. Подготовлен к печати И. П. Товстухой. Л. 1926. Стр. XXXII + 535 + 9 (ненум.) + 11 вкл. листов.
- Том II. 1897—1899. Подготовлен к печати И. П. Товстухой. М.—Л. 1926. Стр. XLVIII + 668 + 8 (ненум.) + 2 вкл. листа.
- Том III. Развитие капитализма в России. Подготовлен к печати Н. Г. Петровым. М.—Л. 1926. Стр. VIII + 614 + 14 (ненум.) + 2 вкл. листа.
- Том IV. 1900—1902. Подготовлен к печати В. Г. Соринным. М.—Л. 1927. Стр. XXVII + 662 + 8 (ненум.) + 1 вкл. лист.
- Том V. 1902—1903. Подготовлен к печати В. Г. Соринным. М.—Л. 1928. Стр. VIII + 444 + 8 (ненум.).
- Том VI. 1903—1904. Подготовлен к печати В. Г. Соринным. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 496 + 8 (ненум.).
- Том VII. 1904—1905. Подготовлен к печати Г. И. Крамольниковым. М.—Л. 1928. Стр. VIII + 528 + 8 (ненум.).
- Том VIII. 1905. Подготовлен к печати Г. И. Крамольниковым. М.—Л. 1929. Стр. II + 567 + 9 (ненум.).
- Том IX. 1906. Подготовлен к печати Э. Я. Газзавоным. М.—Л. 1930. Стр. VIII + 616 + 8 (ненум.).
- Том X. 1906—1907. Подготовлен к печати И. И. Минцем. М.—Л. 1928. Стр. VII + 552 + 8 (ненум.).
- Том XI. 1907. Подготовлен к печати И. И. Минцем. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 655 + 9 (ненум.).
- Том XII. 1907—1908. Подготовлен к печати И. Л. Татаровым. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 575 + 9 (ненум.).
- Том XIII. Материализм и эмпириокритицизм. Подготовлен к печати А. Я. Троицким и Н. А. Карельным. М.—Л. 1928. Стр. VIII + 387 + 8 (ненум.).

- Том XIV. 1909—1910. Подготовлен к печати Ф. Д. Кротовым. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 631 + 9 (ненум.).
- Том XV. 1910—1912. Подготовлен к печати И. В. Волковичер. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 735 + 8 (ненум.).
- Том XVI. 1912—1913. Подготовлен к печати Арк. Ломакиным. М.—Л. 1930. Стр. VIII + 814 + 8 (ненум.).
- Том XVII. 1913—1914. Подготовлен к печати Д. Я. Кином. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 822 + 8 (ненум.).
- Том XVIII. 1914—1915. Подготовлен к печати А. И. Угаровым. М.—Л. 1929. Стр. II + 490 + 10 (ненум.).
- Том XIX. 1916—1917. Подготовлен к печати Д. А. Баевским. М.—Л. 1929. Стр. II + 546 + 10 (ненум.).
- Том XX. 1917. Подготовлен к печати Н. Н. Овсянниковым. М.—Л. 1928. Стр. II + 720 + 12 (ненум.).
- Том XXI. 1917. Подготовлен к печати Н. Н. Овсянниковым. М.—Л. 1928. Стр. 585 + 10 (ненум.).
- Том XXII. 1917—1918. Подготовлен к печати В. Н. Рахметовым. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 630 + 12 (ненум.).
- Том XXIII. 1918—1919. Подготовлен к печати С. П. Коршуновым. М.—Л. 1929. Стр. VIII + 650 + 10 (ненум.).
- Том XXV. 1920. Подготовлен к печати К. П. Новицким. М.—Л. 1928. Стр. VIII + 710 + 2 вкл. листа.
- Том XXVI. 1920—1921. Подготовлен к печати К. П. Новицким. М.—Л. 1930. Стр. VIII + 742 + 10 (ненум.).

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- Том XXIV. 1919. Подготовлен к печати Е. И. Коротким.
- Том XXVII. 1921—1923. Подготовлен к печати И. П. Товстухой.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, УДЕШЕВЛЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА, М. А. САВЕЛЬЕВА.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМЫ: I—VIII, X—XV, XVII—XXIII, XXV.

В это издание включен полностью без изменений весь материал, вошедший во второе издание.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:

ЦЕНА по подписке 40 руб. При подписке вносится 4 рубля. При получении каждого тома уплачивается по 1 р. 50 к.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ:

ЦЕНА по подписке 20 руб. При подписке вносится 2 рубля. При получении каждого тома уплачивается по 75 к.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В МОСКВЕ в Главной конторе подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, центр, Ильинка, 3, телеф. 4-87-19, 5-74-74 и 5-91-80; в ЛЕНИНГРАДЕ в Конторе подписных и периодических изданий Ленинградского отделения Госиздата, Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, телеф. 5-48-95 и 1-03-93; во всех московских, ленинградских и провинциальных книжных магазинах Государственного Издательства, а также уполномоченными Главной Конторы Госиздата, снабженными соответствующими документами.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б).

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО,
П. О. ГОРИНА (ЗАМ. ОТВ. РЕД.), М. С. ОЛЬМИНСКОГО,
■ ■ ■ М. А. САВЕЛЬЕВА (ОТВ. РЕДАКТОРА) ■ ■ ■

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войны и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партий и организаций.

9-й ГОД ИЗДАНИЯ

12 НОМЕРОВ В ГОД

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- 1) СТАТЬИ, 2) ВОСПОМИНАНИЯ, 3) МАТЕРИАЛЫ, 4) ТРИБУНА, 5) ДОКЛАДЫ
- В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА, 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ, 7) ХРОНИКА.

К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушат. вузов и комвузов и т. д.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ».

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП(б) и Октябрьской революции... Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает «ПРОЛЕТАРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ» видное место среди существующих научных марксистских журналов.

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. «Книга и Революция» № 1, 1929 г., стр. 44—45.

... С тех пор как «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» стала органом Института Ленина при ЦК ВКП(б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой книжке журнала. «Историк-марксист», том 12, 1929 г., стр. 269.

Цена на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 руб. 50 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, Институт Ленина, Советская площадь. Телефоны: городской—1-42-60, коммутатор 18-90.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3; Ленотгиз, Ленинград, пр. 25 Октября, 28; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР, у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграф. конторах, а также у письмоносцев. По Москве и Московск. области подписку надлежит направлять в Мосотгиз «Моск. рабочий», Москва, Неглинный пр. 9.